

В. А. РАНОВ, В. С. СОЛОВЬЕВ

ДУШАНБЕ - Город древний

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. А. ДОНИША АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

В. А. Ранов, В. С. Соловьев

ДУШАНБЕ—ГОРОД ДРЕВНИЙ

Ответственный редактор — член корреспондент
Академии наук Республики Таджикистан
доктор исторических наук Р. М. Масов

Издательство «Дониш»
Душанбе — 1993

Ранов В. А., Соловьёв В. С. Душанбе — город древний.— Душанбе: Дониш, 1993. — 176 с.

Душанбе — один из самых молодых городов Средней Азии. Совсем недавно город отметил свое шестидесятилетие. И в то же самое время это один из самых древних городов на нашей земле. Конечно, Душанбе трудно спорить с такими древними центрами, как Ереван, Самарканд, Худжанд, поскольку даже в лучшие времена здесь никогда не было большого города, а лишь сравнительно небольшие поселения. Известные в Таджикистане археологи — доктор исторических наук В. А. Ранов и кандидат исторических наук В. С. Соловьёв поставили своей задачей собрать все данные об археологических исследованиях на территории нашего города и создать последовательную историческую картину заселения этого района начиная с каменного века. В книге рассказано об археологических памятниках Гиссарской долины, даны основные этапы многовековой истории таджикского народа, повествуется о различных памятниках, открытых на территории Душанбе с первых веков до н. э. и кончая предмонгольским временем.

Книга написана популярным языком, хорошо иллюстрирована и, безусловно, привлечет внимание историков, краеведов, любителей старины и просто жителей нашего города, желающих знать историю города, в котором они живут.

Р 0504000000—039
М502—92 без объявления

ISBN 5—8366—0427—4

© Издательство «Дониш», 1993 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Написать такую книгу нам хотелось давно — древняя история города, в котором авторы живут и работают уже много лет, давно казалась благодатной и интересной темой. Мы оба археологи и поэтому небольшой нашей книги придан скорее не исторический, а археологический аспект. Но ведь археология — это часть истории, а во многих случаях для написания тех или иных страниц истории археология выступает единственным источником, чрезвычайно богатым и разнообразным, но прочесть этот источник могут только археологи-профессионалы, поскольку они знают строгие правила получения и анализа археологического материала. Именно такой случай мы имеем в Душанбе. Самое раннее упоминание о местности с таким названием встречается в конце 17 в. н. э., т. е. 200 лет тому назад, а о городе Душанбе — и того позднее. Но ведь это не значит, что ранее на том месте, на котором сейчас стоит наш красивый и молодой город, никто не жил? Решение этого вопроса одинаково волнует археологов, историков, лингвистов, краеведов и вообще тех, кто любит свой край, интересуется его многовековой историей. Нам кажется, что каждому жителю нашего города небезразлично знать, как далеко в глубь веков уходит история нашего города. Вот мы и задались целью собрать воедино все сведения по археологическим находкам, встретившимся когда-либо на территории современного Душанбе, описать и проанализировать их, дать общую картину эволюции нашего города на протяжении многих веков и попытаться решить с позиций современной науки, был ли когда-либо раньше Душанбе настоящим городом или же в определенные периоды его территория представляла собой места поселения изолированных сельских усадеб или отдельных небольших деревень. Вопрос этот не из легких и мы понимаем, что полностью его можно разрешить лишь в будущем, с накоплением нового материала. Пока наша задача состоит в обобще-

нии имеющегося материала, на основе которого будут сделаны выводы.

Книга эта не научная, а популярная, она для всех. Мы хотели, чтобы язык ее был как можно проще, доступнее для каждого читателя и поэтому старались не забивать текст специальными терминами и определениями. Но, конечно, говоря о такой специфической науке, как археология, трудно обойтись без специальных понятий. В каждом случае мы старались их по возможности объяснить. Мы заранее приносим извинения тем, кто что-нибудь не понял, но ведь есть и учебники, и словари, в которых эти термины популярно объяснены, так что выход всегда можно найти. Мы извиняемся также за возможные (хотя и редкие!) повторения. Они вызваны самой структурой книги, но эти повторения всегда являются полной расшифровкой ранее сказанного.

Начинается наша книга с главы, посвященной истории и археологическим исследованиям в Гиссарской долине и в какой-то мере в Таджикистане. Здесь объяснена общепринятая периодизация главных исторических событий, применительно к Гиссарской долине, там где возник, развивался и существует сейчас город Душанбе. Нам кажется, что такая глава необходима, она поможет читателю-непрофессионалу лучше разобраться в эволюции города, хорошо представить себе фон, на котором формировалась его история, ведь Душанбе — это неотъемлемая часть Гиссарской долины и на его жизнь решающее значение оказывали судьбы Южного Таджикистана в различные исторические эпохи. Эта глава поможет лучше понять и археологическую часть книги. Сама по себе археология Гиссарской долины чрезвычайно интересна и разнообразна. И хотя о древностях этого края написано значительное количество научных статей и есть даже книга, посвященная этой теме, о самом Гиссаре написаны только две небольшие книги¹. Предлагаемая читателю глава — сводка, на наш взгляд, будет очень полезной и если она пробудит в читателях интерес к древней истории своего края, мы можем считать свою задачу выполненной.

Во второй главе изложена максимально подробно история археологического изучения территории г. Душанбе. Конечно, нельзя исключить, что что-нибудь нами упущено, хотя мы старались использовать не только научные публикации, но и республиканские, и городские газеты. Так что в целом это по воз-

¹ М. М. Дьяконов. У истоков древней культуры Таджикистана. — Сталинабад: Таджикгосиздат, 1956; Е. Давидович, А. Мухтаров. Страницы истории Гиссара. — Душанбе: Ирфон, 1969.

..мжности полная история работ по археологическому изучению нашего города с упоминанием всех значительных археологических находок на его территории.

В этой главе собраны лишь краткие упоминания об этих работах и находках, а их подробное описание и анализ читатель найдет в третьей и четвертой главах. Здесь будет дана оценка находок, их историческое значение и решена главная задача — проследить эволюцию заселения территории Душанбе, выделены основные этапы, привязанные к определенным участкам нашего города. Главный итог данной книги подведен в заключении, которое называется «Будущее прошлого — в наших руках». О чем говорит такое название? Анализируя археологическое прошлое территории, на которой раскинулся наш город, мы с болью в сердце должны сегодня говорить о фактах вандализма, бездушного отношения к памятникам старины, которые с ужасающей скоростью уничтожаются строителями. Как это ни грустно, но придется упомянуть и людей, которые по долгу службы не должны быть равнодушными к исчезающим на наших глазах археологическим памятникам, а ведь остаются... Как хотелось, чтобы выход этой книги помог всем нам более строго, более ответственно относиться к охране памятников старины — нашему общему народному богатству.

Перед нами стояла нелегкая задача, за исключением нескольких памятников (Душанбинское городище, Шишихона, Чормагзтепа), подробных археологических исследований на территории Душанбе не проводилось и во многом канва истории города восстанавливалась условно, на основании еще очень скудных археологических данных. Историк и археологу приходится работать не с тем, с чем хочется, а с тем, что есть, что получено в результате тех исследований, которые проведены в данном месте и в данных условиях. Что-то приходится домысливать, какие-то этапы мысленно достраивать. Так поступают все археологи, так пришлось делать и нам. Но при этом главным для нас были факты, то, что извлечено из земли, на которой построены прекрасные здания сегодняшнего города.

Эта книга не могла быть написана без помощи наших товарищей по работе, сотрудников отдела археологии Института истории археологии и этнографии им. А. Дониша (до 1987 г. Институт истории). Прежде всего начальника Душанбинского отряда 1983 г. кандидата исторических наук М. А. Бубновой, которая провела самые большие раскопки на территории города и представила в наше распоряжение неопубликованные отчеты об этих работах. Научные сотрудники А. Л. Абдуллаев и Т. М. Атаханов представили некоторые иллюстрации ма-

териалов из своих раскопок. Научный сотрудник Э. Г. Гулямова разрешила опубликовать уникальный сосуд с куфической надписью, найденный ею. Другие товарищи охотно давали нам все необходимые во время работы над книгой сведения. Всем перечисленным коллегам мы выражаем свою искреннюю признательность за помощь и предоставленные материалы.

Большое внимание к археологическим исследованиям в Душанбе проявили в 1983 г. Президент АН Республики Таджикистан М. А. Асимов, вице-президент П. М. Соложенкин, директор института истории им. А. Дониша Б. И. Искандаров. В 1983 г. нам много помогал секретарь душанбинского горкома КПСС А. А. Халимов. Всех их мы искренне благодарим за помощь в организации археологических раскопок.

Рисунки в книге выполнены художниками В. И. Скачковым и Л. Ф. Кауровой, которым авторы приносят свою глубокую признательность.

Предисловие, главы 1 и 2 книги написаны В. А. Рановым, глава 3 и заключение написаны совместно, глава 4 — В. С. Соловьевым. Авторы посвящают эту работу своему учителю, организатору археологической науки в Таджикистане, академику АН Республики Таджикистан, Борису Анатольевичу Литвинскому в год его семидесятилетия.

Глава-1

ВЕТРЫ ИСТОРИИ НАД ГИССАРСКОЙ ДОЛИНОЙ

Во второй главе дана история изучения археологических памятников, обнаруженных на территории г. Душанбе, в третьей и четвертой — историческое значение этих памятников, описаны наиболее значительные из них, охарактеризованы археологические находки, сделанные на этих объектах, приведена датировка археологических памятников, т. е. определено насколько возможно точное время их существования. И, конечно, сделаны необходимые заключения исторического плана — показана эволюция древнего Душанбе, последовательные стадии заселения территории города в различные исторические эпохи. Надо рассказать отдельно об этих исторических эпохах, чтобы читателю сразу было понятно, о чем идет речь и не надо было бы обращаться к каким-нибудь специальным публикациям для выяснения любого исторического термина, который может встретиться на последующих страницах, например такому названию: «кушаны».

В археологии очень широко пользуются словом «периодизация», Это понятие, предусматривающее последовательное, во времени, расположение различных археологических культур или исторических этапов, начиная от более древних к более поздним. Главы в таких фундаментальных работах, как многотомная «История таджикского народа» (Москва, 1963), или известном труде академика Б. Г. Гафурова «Таджики» (Москва, 1972) отражают периодизацию истории таджикского народа и других народов, проживавших на территории Средней Азии.

Именно эту периодизацию Б. Г. Гафурова мы и возьмем за основу рассказа об исторических судьбах Гиссарской долины, в которой расположен город Душанбе. История нашей столицы, вскрытая лопатой археолога, это неотъемлемая часть истории

Гиссарской долины, а в свою очередь история последней является частью истории Южного Таджикистана, тесно связанного многими нитями с историей всей Средней Азии. В нашем рассказе все эти этапы истории, помещающиеся одна в другой, как игрушечные матрешки в самой большой из них, будут переплетаться между собой. Это неизбежно, хотя главная задача, которая стояла перед авторами, была достаточно конкретна — самое краткое изложение истории Гиссарской долины от самого первоначального ее заселения вплоть до развитого средневековья. Археологи в этом случае могут сказать: вы должны дать периодизацию археологических эпох или более дробную — культур названного региона.

Немало у нас в Таджикистане благодатных мест, а Гиссарская долина, безусловно, одна из лучших! Когда самолет постепенно снижается, приближаясь к Душанбе, и скользит над вершинами седого Гиссарского хребта, а долина, словно в ладони, принимает его в свое ласковое лоно, очень кстати можно вспомнить слова из священной книги иранских народов — Авесты, которая возникла первоначально еще в устной традиции более 2,5 тысяч лет тому назад в одной из областей Средней Азии. В авестийском гимне богу Митре содержится перечисление стран, входящих в легендарную местность — Арьянэм Вайтах, что означает «иранский (арийский) простор», сделанное в красивой поэтической форме: «...где высокие горы с обильными пастбищами служат заботящемуся о скоте, где простираются глубокие озера со вздымающимися волнами, где несутся, вскипая, глубокие широкие реки к Ишкату и паруту, Герату и Мерву, Согдийской Гаве и Хорезму»¹. Маленькой частицей «иранского простора» была и Гиссарская долина. И действительно, когда смотришь на покрытые весенней зеленью или отдыхающие от знойного летнего дня покрытые желтой травой адыры, на пенящиеся реки, стекающие с вечно живущих ледников, на деревья оазисов, разбегающиеся во все стороны дороги, всей своей душой, всем сердцем ощущаешь благодать этой великолепной долины, окруженной горами, заботливо отделяющими ее от бурь внешнего мира. Вероятно, так думали и древние люди, издавна жившие в Гиссарской долине. Но неумолимые ветры времени приносили и сюда, в этот казалось бы затерянный уголок, грозное дыхание своего времени. Каких только нашествий, каких иноземцев не повидала Гиссарская долина за свою многотысячелетнюю историю! И от каждого времени что-то оставалось: строились города, крепости, замки, они же и раз-

¹ Б. Г. Гафуров. Таджики. М.; Наука, 1972, с. 53.

рушались другими пришельцами, падало на землю и вращалось в нее некогда грозное оружие, бились горшки, терялись целые сосуды, ломались и выбрасывались украшения, богатыми подношениями провожали в мир мертвых сородичей. Все это добыча археологов, которая дает возможность понять, кто и когда жил в Гиссарской долине, какие ветры истории ее продували.

Каменный век в Гиссарской долине

Древние люди в своих извечных скитаниях не могли пройти мимо благодатной Гиссарской долины — здесь было все, что могло привлечь первобытного человека: густые тугайные заросли в центральной части долины — прекрасные места для охоты на кабана и оленя, далее к хребту следовали обезлесенные прилавки-адыры, где можно было собирать полезные травы, добывать лисицу, зайца, дикобраза, а если повезет, то и джейрана. С 1200 до 2800 м абсолютной высоты степи сменялись кустарниково-древесной растительностью, где обитали медведь, кабан и другие животные, а еще выше в нивальном поясе можно было охотиться на горных козлов, мясо которых и по сегодняшний день считается исключительно полезным для человека. Одним словом, природа в Гиссарской долине и в ее горном окружении создала все необходимое и в очень больших количествах для человека. А вот когда он пришел сюда в первый раз?

Ответить на этот вопрос помогают нам изыскания, которые вот уже более тридцати лет проводит в Южном Таджикистане археологический отряд по изучению каменного века, ежегодно формирующийся в стенах Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша. В последние годы этим отрядом в Ховалингском и Яванском районах сделаны значительные открытия, во многом изменившие наши представления о времени появления первых людей на территории нашей республики. Благодаря исследованиям в мощных лёссово-почвенных разрезах, распространенных в указанных выше районах, найдено несколько палеолитических (палеолит — древний каменный век) памятников, которые дали нам не очень богатый вещественный материал, но зато удивительно хорошую стратиграфию или последовательное положение в геологических отложениях, в данном случае в лёссах — желтой пылеватой породе, мощным (до 100, а в отдельных случаях и до 200 метров) покровом перекрывающей холмы, увалы, низкие хребты и предгорную часть в Южном Таджикистане. Лёсс — превосходный консервант

Рис. 1. Основные археологические памятники Гиссарской долины. 1. Лучоб-стоянка эпохи неолита, 2—Тепан-Газиён-стоянка эпохи неолита, 3—Худжи-стоянка мустьерской культуры эпохи палеолита, 4—Могильный Тандырйул, эпохи бронзы, 5—Мезолитическая стоянка могильник и поселение раннесредневековой эпохи Харкуш, 6—Узбеконтела-памятник кушанской и ранне средневековой эпохи, 7—Гиссарская крепость-памятник античного и средневекового времени, Тупхона, 8—Средневековые памятники в районе поселка Ленинский, 9—Қалаи-Шодмон, 10—Семиганч-место находок бронзовых скульптур.

археологических остатков. Поскольку это порода, которая откладывается эоловым путем, т. е. ветром, выносящим из великих среднеазиатских пустынь мельчайшие пылинки, она дает нам возможность видеть на геологических разрезах полный профиль отложений этой породы, в котором не видно сколько-нибудь значительных перерывов. А подобные условия в геологии можно встретить не так часто. Тут же — миллион, а то и более лет — и прямо перед вашими глазами, такая осязаемая, прямо-таки осязаемая громада веков. Это всегда впечатляет! Но кроме того, в большом количестве разрезов мы видим как массу лёссов ритмично пререзают мощные, до 3 метров красные полосы. Это погребенные почвы, или как еще часто говорят, палеопочвы. Согласно палеогеографическим данным, почвы формировались в условиях теплого климата, а лёссы — более холодного и сухого, соответствующего периодам оледенения

Европы (так, например, дорогой читатель, в настоящее время мы с вами живем в условиях формирования современной почвы и это естественно, поскольку мы ведь существуем в эпоху межледниковья). В этих условиях вполне естественно, что каждая нижележащая почва старше почвы, лежащей выше. А как определяется возраст всех этих почв? Тут используется целая группа методов: геологический, палеомагнитный, термолюминисцентный, палинологический, да и ряд других физических, биологических и палеогеографических методов, так что определение возраста найденных в этих отложениях каменных орудий на удивление уверенное и наиболее приближающееся к истинному. Просто повезло нам, археологам, с «палевыми сокровищами Таджикистана», как называли лёссы авторы одной популярной статьи. Оказалось, что во многих палеопочвах на разной глубине, в том числе и более 80 метров (представьте себе хорошо эту толщу, скорость отложения лёссового материала — от 0,1—0,2 мм в год для ранних стадий до 1—1,5 мм в год для поздних и взяв в руки карандаш или, того лучше, калькулятор, вы можете быстро подсчитать, сколько лет найденным на такой глубине орудиям). В 1981—1983 гг. были произведены раскопки стоянки Кульдара, расположенной вблизи кишлака Лахути Ховалингского района. Орудия из камня здесь были найдены в 11-й и 12-й палеопочвах, если считать сверху, и их возраст определяется в 730—800 тысяч лет. Это первое свидетельство появления первобытного человека в Средней Азии и в Таджикистане, и если быть сторонником гипотезы о происхождении человека в Восточной Африке 2,5—2 миллиона лет тому назад, то это свидетельство одного из боковых маршрутов движения человека ранней формы из Африки в Азию. К большому сожалению, у нас пока нет костных остатков человека этого времени, хотя мы хорошо знаем, что это должна быть одна из ранних форм гомо эректуса — «человека прямоходящего», известная, например, для лёссового плато Китая.

Впоследствии в районах распространения лёссов в Южном Таджикистане развивается своеобразная культура каменного века, названная лёссовым палеолитом. Следы этой культуры отмечены во многих палеопочвах, но особенно значительные стоянки раскопаны в 6-й палеопочве (200 тыс. лет), 5-й (130 тыс. лет) и 4-й (70 тыс. лет). Таким образом, как говорят археологи, это автохтонная (а проще — местная) палеолитическая культура, развивающаяся здесь у нас в Южном Таджикистане так сказать на месте. Некоторые особенности ее каменного инвентаря позволяют отнести эту культуру к так назы-

ваемым «галечным культурам» азиатского типа и сопоставить с известной соанской культурой Северо-Западной Индии и Потварского лёссового плато, а также с менее известными, но чрезвычайно близкими по характеру обработки камня палеолитическими культурами излучины знаменитой реки Хуанхэ — также лёссовым районом Китая. Близкой, но не идентичной, а вполне самостоятельной и развивающейся по всем данным своими собственными путями. Поэтому эта культура, существовавшая около полумиллиона лет, получила свое собственное наименование — каратауской культуры.

Одна из стоянок лёссового палеолита — Каратау 1 находится довольно близко от Душанбе, всего в 54 км на водоразделе хребта Яванский Каратау, в 4 км выше всем хорошо известного кишлака Чормагз-Якка, в народе чаще упоминаемого как Чормазак, этот кишлак знает каждый, кто хоть один раз проезжал из Душанбе в Нурек или Куляб. Нет никаких сомнений в том, что в будущем стоянки каратауской культуры будут найдены в Гиссарской долине, которая была заселена на разных этапах каратауской культуры. Здесь дело лишь во времени будущих открытий. Например, серию древних погребенных почв, совершенно идентичных тем, которые восточнее содержали лёссовый палеолит, обнаружили геологи при бурении в окружающих Душанбе предгорьях — адырах.

Где-то между 70 и 50 тысячами лет в Южном Таджикистане и в том числе в Гиссарской долине появляется новая культура — мустьерская (она названа как и другие археологические культуры по стоянке-эпониму, т. е. первой или наиболее значительной стоянке этого типа. В данном случае это была пещера Ла Мустье на юго-западе Франции, в Дордони, где в 1907 г. были обнаружены каменные орудия этого типа).

Прежде всего бросается в глаза даже не искушенному в археологии человеку коренное отличие каменной индустрии эпохи мустье от существовавшей здесь ранее каратауской культуры. Раньше первобытные люди мало заботились о том, какой должна быть заготовка, т. е. тот осколок камня, из которого удобно сделать орудие того или иного назначения. Неудивительно, что орудия каратауской культуры изготовлялись на осколках и обломках случайной формы, а ведущим типом орудий была галька с грубо оббитой одной из сторон, орудие самого примитивного характера, которое в науке носит название чоппера. Немного усилий тратилось и на вторичную обработку — ретушь. Теперь все стало другим. Прежде всего появляется нуклеус (или ядрище), с которого подлинными мастера каменного века с большим искусством снимали пластину

Рис. 2. Раскопки стоянки Худжи.

ранее задуманной формы. Таким образом, весь трудовой процесс, получая техническую направленность, состоял из целого ряда логически связанных между собой технических операций.

Это была подлинная техническая революция каменного века! Из под руки «ремесленников» мустьерского времени выходили удивительно красивые, если можно так сказать, «строительные» пластины стандартных, пропорциональных размеров. Причем замечательно и такое наблюдение: если мы положим рядом мустьерскую пластину из Таджикистана, Сирии и Франции, они будут отличаться лишь материалом, из которого сделаны, а не формой и характером выполнения!

Радует глаз и прекрасное оформление мустьерских орудий — остроконечников, скребел, скребков, проколов. Во всем чувствуется, что первобытный человек думал не только о функ-

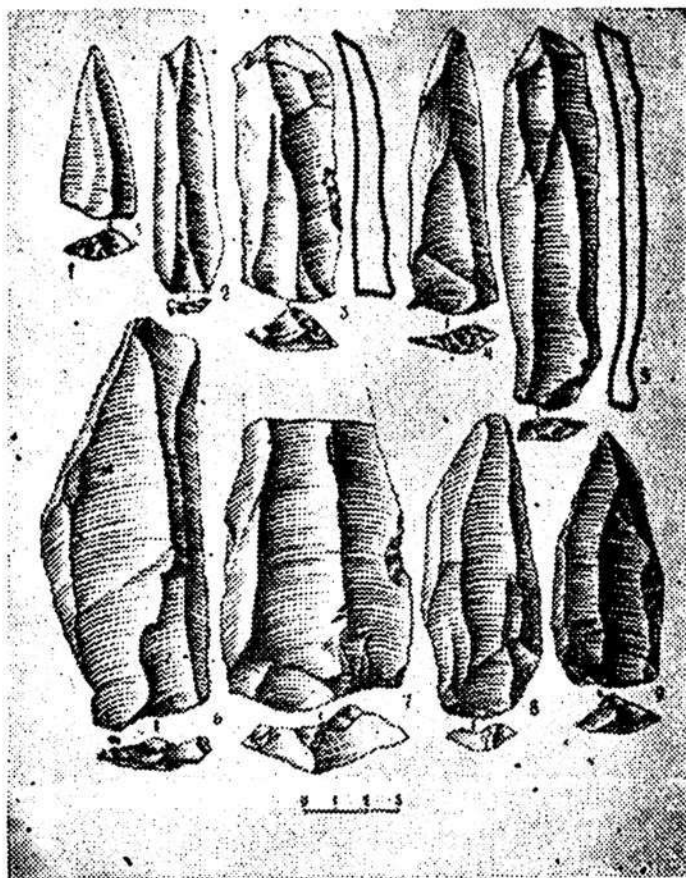

Рис. 3. Каменные орудия со стоянки Худжи-Таким
пластинками люди работали сорок тысяч лет тому
назад.

циональном назначении орудий, т. е. о том, что будет делать этим орудием, но его интересовала и эстетическая сторона дела — сделать орудие не только полезным, но и красивым.

Судя по той сумме данных, которые мы имеем по мустьерскому периоду, можно уверенно сказать, что мустьерская каменная индустрия и вообще мустьерская культура связана с деятельностью человека нового физического типа — неандертальца, более развитого по сравнению с предшествующим ему эректусом.

Очень возможно, что появление на территории Таджикистана носителей мустьерской культуры — неандертальцев связано с миграцией последних, движением их на восток. Такое дви-

жение скорее всего могло произойти где-то около 50 тысяч лет тому назад, но, возможно, на 10—20 тысяч лет раньше.

Примерно в 40 км на запад от Душанбе около кишлака Худжи (или Ходжи) располагается мустьерская стоянка. Люди здесь поселились, как свидетельствует радиоуглеродная дата, около 40 тыс. лет тому назад, рядом с большим источником, который дарит людям свою чистую и прохладную воду и сегодня. Здесь сохранились остатки очагов, вокруг которых сидели неандертальцы, следы их деятельности сохранились в виде обломков костей от животных, шедших им в пищу, потерянных и втоптаных в землю орудий, заготовок — пластин и отщепов. А всего здесь при раскопках получено 4 тысячи изделий каменного века.

Другая стоянка, на этот раз открытая, не сохранившая культурного слоя, известна около старинного кишлака Семиганч. Здесь 100 каменных изделий мустьерского времени было поднято на гребне отрога — южного фаса гиссарского хребта.

Разнообразны и красивы каменные изделия мустьерского времени из Гиссарской долины. Легкие, правильной формы, звенящие при ударе каменные клинки-острия, разнообразные скребла, на рабочем крае которых прекрасно сохранилась детальная ретушь — специальная подправка в виде мелких сколов — чешуек, укрепляющая рабочий край. Особенно поражают стандартность орудий, повторяемость заранее задуманных автором этих орудий форм. Как будто человек эти пластины и острия штамповал!

Кроме этих стоянок отдельные каменные пластины и изделия мустьерского времени найдены в различных местах Гиссарской долины не только в предгорьях, но и далеко в горах. Так что неандерталец освоил долину полностью и судя по тому, что стоянки и отдельные находки этого времени известны во многих местах как Южного, так и Северного Таджикистана, это было время наиболее интенсивного расселения палеолитического человека на территории нашей республики.

Между 45 и 35 тысячами лет на смену неандертальцам приходит человек современного вида — кроманьонец или, как его называют по латыни, Гомо сапиенс, что в переводе означает «человек разумный». Вместе с кроманьонцем, который уже был таким, как мы с вами, но более широким в кости, и, вероятно, с более грубыми чертами лица, появилась и новая археологическая эпоха — верхний палеолит, главным техническим выражением которой явилось употребление отжимной техники, когда пластина уже не отбивалась ударом каменного отбойника, а отжималась от кремневого ядрища. Это привело к

получению более тонких и удобных для работы так называемых призматических пластин. Однако в Средней Азии отжимная техника появляется очень поздно, в конце верхнего палеолита. Да и вообще, верхнепалеолитические стоянки в Средней Азии очень редки, ученые пока не нашли лучшего объяснения, чем представление о том, что вторая половина верхнего плейстоцена — от 35 до 10 тысяч лет отличалась в Средней Азии очень неблагоприятным климатом и, вероятно, сильными пылевыми бурями, что не способствовало распространению здесь кроманьонцев. По всей очевидности, это так и было. Может быть поэтому и в Гиссарской долине мы не знаем верхнепалеолитических памятников, хотя в принципе они вполне тут могут быть¹.

Десять тысяч лет до нашей эры на нашей планете наступил последний по счету современный этап геологической истории нашей земли — голоцен. Время приблизилось к нам, и на каменный век падает вся зримая история человечества — от появления человека до наших атомно-компьютерных дней. Любопытно отметить, что человечество вообще прожило 99,99% своего существования в каменном веке, поскольку первый металл появился сравнительно недавно — 7—5 тысячелетий тому назад.

В эпоху камня в голоцене существовало лишь два различающихся по своим техническим качествам этапа: мезолит и неолит. Мезолита специально в своем изложении мы не будем касаться, поскольку до сегодняшнего дня мы имеем лишь одну стоянку, относящуюся к этому времени. Она расположена высоко в горах, в долине реки Ширкент в местности Харкуш, и ее изучение только начато, но нет сомнения в том, что стоянки мезолита здесь могут быть найдены. Об этом свидетельствует интересный археологический материал стоянки эпохи мезолита, раскопанный в период строительства Нурекской ГЭС вблизи бывшего, ныне ушедшего под воду кишлака Туткаул, в местности Сайёд и в скальном навесе Дарай-Шур.

А вот о неолите стоит рассказать особо. К концу 7-го — началу 6-го тысячелетия до н. э.² в Средней Азии складываются

¹ В последние годы душанбинский археолог Т. Г. Филимонова высоко в горах, в местности Харкуш на реке Ширкент исследовала многослойную стоянку, в которой нижний слой, как кажется, верхнепалеолитический. Но к моменту написания этой главы материал еще не опубликован и проверить предположения автора раскопок пока невозможно.

² Сокращения «до н. э.» и «н. э.» широко приняты в научной, да и в популярной литературе. Они означают: «до нашей эры» и «нашей эры». Как известно, наша эра началась 1993 года назад и поэтому чем меньше цифра «до н. э.», тем эта дата ближе к началу нашей эры и наоборот — летоисчислении нашей эры.

три историко-культурных области. На крайнем западе, вдоль предгорьев Копет-Дага, протягивались поселения неолитических земледельцев, носителей джейтунской культуры самой северной, периферийной части ближневосточной «нуклеарной зоны», где произошло первое становление земледелия. Это уже настоящие поселки с домами из глиняных кирпичей — булок, эти поселки имели не только жилые, но и общественные здания, в первую очередь святилища. В конце 5-го тысячелетия до н. э. джейтунцы уступают место новым поселениям, соответствующим энеолитической культуре, для которой свойственно применение первого освоенного человеком металла, что дает жизненный импульс культуре с настоящей относительно развитой металлургией — культуре бронзового века, эпохи, с которой обычно начинают отсчитывать свою историю многие народы, населяющие нашу Землю. В данном случае мы видим последовательное развитие от одного исторического этапа к другому.

Совсем другой экономической основой отличались неолитические племена, жившие начиная со второй половины 6-го тысячелетия до н. э. и вплоть до рубежа 4—3 тысячелетия до н. э. в великих среднеазиатских пустынях Каракумах и Кызылкумах. Это были охотники и рыболовы, представляющие различные варианты кельтеминарской культуры, судя по всему их не коснулись новые веяния, связанные с производящим способом хозяйства: земледелием и скотоводством. И джейтунская и кельтеминарская культуры одинаково отличаются изготовлением орудий из кремня с абсолютным преобладанием техники производства и ножевидных пластин правильной формы, хотя набор орудий и их функциональное назначение заметно отличаются друг от друга.

Третьей историко-культурной областью неолита Средней Азии можно считать гиссарскую культуру, которую иногда называют «горным неолитом». Гиссарская культура, судя по отдельным находкам, распространена по всей юго-восточной (горной) Средней Азии, но наибольшая концентрация памятников, к тому же значительно лучше изученных, чем в других республиках, имеет место в Таджикской депрессии или проще — в Южном Таджикистане. Почему эта культура названа гиссарской? Это потому, что впервые орудия этой культуры были найдены в 1948 г. известным советским археологом, в будущем академиком и Героем Социалистического труда А. П. Окладниковым на холме Тепеи-Газиён неподалеку от Гиссарской крепости и поселка одноименного названия. Сейчас это наименование прочно вошло как в отечественную, так и зарубежную

литературу. Памятники гиссарской культуры встречаются во многих уголках на юге нашей республики, но всегда лишь там, где распространены лёссы. И эта приуроченность к определенным географическим условиям вряд ли случайна, по всей очевидности, она связана с экономикой неолитических племен, о чем будет сказано ниже. Гиссарские стоянки встречаются на разных элементах рельефа: на речных террасах, конусах выноса, образованных или маленькими боковыми речками или селевыми потоками, но обязательно перекрытыми шапкой лёссовых отложений, на разных уровнях адырной полосы. Всего в лёссовых районах Южного Таджикистана зафиксировано более 300 точек с находками орудий гиссарской культуры. Большей частью это открытые стоянки или просто разбросанные по поверхности отщепы, пластины, нуклеусы, галечные орудия типа чопперов, другие изделия. Но есть несколько стоянок, сохранивших культурные слои и прежде всего подробно раскопанные, но, к сожалению, уже затопленные водами «Нурекского моря» стоянки Туткаул и Сайёд. Благодаря этим раскопкам, мы хорошо знаем особенности гиссарской культуры.

Прежде всего, это, как говорят профессионалы, «акерамическая» культура. Иными словами, носители этой культуры не применяли в своем быту глиняной посуды. Во всяком случае мы, археологи, занимающиеся изучением гиссарской культуры вот уже 40 лет, никаких реальных следов употребления посуды на гиссарских поселениях не нашли. А вот и оседлые джейтунцы, и бродячие или полuosедлые кельтеминарцы умели не только делать керамику, служившую им в быту, но и украшать сосуды узорами, радующими глаз. Второй особенностью гиссарской культуры является то, что каменный инвентарь имеет неоднородный характер. Большая часть его, примерно 70%, состоит из крупных отщепов, грубых пластин неправильной формы, нуклеусов, представляющих собой гальки, с которых сняты указанные заготовки, но которые не имеют регулярно обработанной поверхности. Дополняют коллекции разнообразные галечные орудия — чопперы. Вся эта группа изделий во многих технических и типологических аспектах напоминает изделия значительно более древней, еще палеолитической каратауской культуры, о чем говорилось выше.

Другая группа, охватывающая 30%, — это изделия из кремня, ничем принципиально не отличающиеся от изделий, известных для кельтеминара и джейтуна. Тонкие пластинки с острыми краями, часто с глубокими выемками по сторонам, скребки, проколки, редкие орудия геометрической формы — трапеции со-

ставляют устойчивый набор, хорошо нам известный по раскопкам Туткаула и Сайёда.

Так что, с одной стороны, инвентарь вроде бы и родственен другим неолитическим культурам, а с другой — совершенно не похож на то, что известно для всех остальных областей Средней Азии. Это дает право говорить об оригинальности и самостоятельности гиссарской культуры.

Третьей особенностью гиссарской культуры является отсутствие жилищ. Вернее не отсутствие (где-то люди эпохи неолита должны были жить!), а трудность реконструкции этих жилищ. Племена джейтунской культуры жили в глинобитных домах, для кельтеминарцев известны крупные дома — шалаши, построенные из дерева, у нас пока в культурном слое открыты лишь трудные для объяснения их назначения площадки из расколотых камней, своеобразные каменные полы, не ясно для чего служившие.

Нижняя граница существования гиссарской культуры нам известна достаточно хорошо — конец 7-го или самое начало 6-го тыс. до н. э. А вот верхняя... Верхняя граница остается пока загадкой. Трудность состоит в том, что все наши исследования не демонстрируют заметной эволюции гиссарской культуры. Такая эволюция прослеживается в памятниках джейтунской и кельтеминарской культур и почти не прослеживается для гиссарской. У нас нет меднокаменного века — энеолита. Практически ни одного памятника, который можно было бы отнести к этому времени, пока не найдено. Получается парадоксальный факт: в 8—7 тысячелетиях до н. э. мезолитические племена, жившие на территории Южного Таджикистана, ничем не отличались в плане своего развития от своих собратьев в других районах Средней Азии, а начиная с 6-го тысячелетия происходит какое-то торможение. Скорее всего, гиссарцы уже вышли на рубежи перехода к производящей экономике — земледелию и скотоводству, но, возможно, решающего шага не сделали. Лёссовые предгорья и террасы, бывшие для них главным условием существования, способствовали занятиям и земледелием, и скотоводством, которое возможно и существовало в какой-то изначальной, примитивной форме, но оно не получило должного развития. Следовательно, более высокий уровень человеческой цивилизации — эпоха металла самостоятельно в среде гиссарских племен возникнуть не могла, и гиссарцы существовали на уровне каменного века — неолита, значительно дольше, чем их сородичи в Туркмении и даже в пустынях Средней Азии.

В заключение скажем, что в Гиссарской долине мы имеем

много памятников гиссарской культуры, в основном не сохранивших культурного слоя. Целый очаг подобных памятников известен вокруг Гиссара, отдельные находки протягиваются вдоль левого и правого берега Кафирнигана. Они известны в Варзобе — на Оджуке, на адырах, тянущихся от Душанбе к Каратагу, на террасах реки Каратаг, у подножия хребта Бабатаг. Одним словом, Гиссарская долина была полностью освоена людьми, жившими в Южном Таджикистане в конце каменного века. До какого же времени они, эти племена, продолжали жить в условиях каменного века? Последние исследования говорят, что как это и не невероятно, но вполне возможно, что вплоть до второй половины 2-го тысячелетия до н. э., до самого прихода в Гиссарскую долину и в другие районы Южного Таджикистана племен эпохи бронзы.

Памятники бронзового века в Гиссарской долине

Появление первого в истории человечества металла — бронзы (если не считать предшествующего этому событию периода существования менее значительного по своему использованию — меди) было значительным шагом в развитии цивилизации, предопределившим огромные изменения в жизни человеческого общества. «Бронзовый век — важная эпоха в истории человечества. В это время происходят существенные изменения как в развитии производительных сил, так и в социальном строе общества: начинается добыча и плавка руд, производство металлических орудий, наблюдается общий прогресс в развитии производительных сил, возникает земледелие с использованием искусственного орошения, почти все племена Средней Азии переходят к производящему хозяйству, появляются крупные поселения; к концу периода развивается имущественное и социальное неравенство, подготовившее переход в последующем периоде к классовому обществу»¹.

В Средней Азии эпоха бронзы началась в Туркмении — в конце 3-го тыс. до н. э. Но о памятниках этой эпохи в Таджикистане мы можем говорить не ранее 2-го тысячелетия до н. э.

Эпоха бронзы важна для нас и вот почему. Самые ранние письменные источники говорят о том, что в 6—7 веках до н. э. на территории Средней Азии обитали племена и народности, принадлежащие к иранской языковой группе (бактрийцы, херезмийцы, согдийцы и др.), совершенно очевидно, эта группа

¹ Б. Г. Гафуров. Таджики. — М.: Наука, 1972, с. 19.

должна была сложиться раньше, в эпоху бронзы. Но письменности в этот период не было, и следовательно, можно только предполагать, как и когда ранние варианты иранских языков возникли на территории Средней Азии, в том числе в Таджикистане. Согласно наиболее распространенной гипотезе, индоевропейской (или арийской) язык проникает в Среднюю Азию вместе с племенами так называемой степной бронзы — андроновцами, основное ядро формирования которых находилось в степях Казахстана. Действительно, следы степной бронзы, оставленные кочевниками-скотоводами этой эпохи, хорошо известны под именем тазабагъябской или кайракумской культур, в разных вариантах встречающихся в различных районах Средней Азии. Есть отдельные следы этого движения и в Южном Таджикистане, в частности в Гиссарской долине, где известны могилы степняков из могильника Тандыр-юл у Турсунзаде, в так называемом Регарском могильнике, отдельные разрушенные могилы на левом берегу Кафирнигана и в некоторых других местах.

Но если мы говорим, что гиссарские племена неолитического уровня доживают до прихода племен эпохи бронзы, говоривших на протоиранском языке, то интересно, на каком же языке говорили гиссарцы, составлявшие коренное население Южного Таджикистана? На этот вопрос трудно ответить, поскольку у нас нет никаких фактических данных, которые могли бы подвести к его решению. Полная замена одного языка другим хорошо известна в истории человечества, но ведь для этого надо показать, что пришельцы полностью ассимилировали коренное население. Может ли этот процесс ассимиляции отразиться в археологических памятниках, в материальной культуре? Нам кажется, что этот процесс должен был иметь место. Но в данном случае подобный момент не прослеживается.

Но встречается и другая гипотеза, что во многих районах Средней Азии арийское (т. е. иранское) население существовало уже с 3-го тыс. до н. э. В свете этой гипотезы вполне допустимо, что гиссарцы тоже относились к этой этнической группе и говорили на протоиранском языке, это и облегчило их контакт с пришедшими племенами эпохи бронзы как степной, так и земледельческой.

Конечно, это только предположение и над ним надо еще много работать, но если эту гипотезу признать возможной, гиссарские племена составят один из важнейших компонентов самых истоков этногенеза таджиков.

Мы не будем здесь говорить о всех сложных проблемах, связанных с возникновением различных областей расселения

племен эпохи бронзы в Средней Азии, о сложнейшем для понимания взаимоотношений племен степной бронзы (андроновцев или тазабагъябцев) и земледельцев эпохи бронзы или проследить дальние пути движения этих племен по направлению к интересующей нас территории. Все это можно узнать из специальной литературы. Мы остановимся только на появлении памятников эпохи бронзы в Гиссарской долине, для чего будет необходимо сделать краткий обзор этой проблемы для всего Южного Таджикистана.

О следах степной бронзы мы уже говорили. Они незначительны и степная бронза, очевидно, не сыграла основной роли в формировании культуры 2-го тысячелетия до н. э. на названной выше территории.

Но в первой половине 2-го тысячелетия до н. э. на близких рубежах появились мощные очаги бронзы другого типа — земледельческой. Один из них располагался в Северном Афганистане, другой — в Юго-Западном Узбекистане. В первом случае это Дашлинский, Шортугайский и другие оазисы эпохи бронзы в Северном Афганистане и Саппалинско-Джаркутанский — в Узбекистане. Откуда пришли земледельцы эпохи бронзы, основавшие эти оазисы? Об этом идут споры, но скорее всего следует принять точку зрения тех ученых, которые связывают их с Южным Афганистаном или Западной Туркменией. Вообще эти пришельцы успешно освоили новые районы и создали здесь мощную цивилизацию, называемую иногда протогородской. Действительно, наиболее крупные их поселения напоминают уже настоящие города — они были обнесены мощными оборонительными стенами с башнями, внутри существовало строгое деление на кварталы и районы разного назначения, строились сложные по своей архитектуре храмы. К центральному пригороду примыкали более мелкие сельские поселения. Существовало ирригационное строительство. Материальная культура особенно хорошо представлена в многочисленных могильниках того времени.

Большое впечатление оставляет структура протогорода, вскрытая под холмом Саппали недалеко от города Термеза, уж очень тут хитрая для второй половины второго тысячелетия до н. э. была фортификация — со сложной системой корридоров, иногда заводящих в тупик, оборона была очень глубоко продумана и отработана. А всего этот начинающийся, если так можно сказать, город располагался на площади в 4 га. Но во много раз больше было сложное и может быть не совсем одновременное поселение Джаркутан, расположенное сравнительно недалеко от Саппали. Считается, что оно занимает 100 га.

Рис. 4. Знаменитые вазы (для фруктов?) — эффектные сосуды эпохи бронзы. Могильник Тандырыул.

Здесь центральным является недавно раскопанный археологом А. А. Аскарковым храм — первое такое монументальное сооружение эпохи бронзы в Юго-Западном Узбекистане. Его размеры $60 \times 44,5$ м, а толщина внешних стен доходит до 4,5 м. Это уже настоящий храм, вполне соответствующий сложной социальной структуре общества.

Именно отсюда, как бы отпочковываясь, двинулись отдельные группы дашлиновцев и люди позднего этапа культуры Саппали — муллалинцы на восток на территорию Южного Таджикистана. Это произошло уже во второй половине 2-го тысячелетия до н. э. Следы этого движения, с одной стороны, зафиксированы в низовьях Кафирнигана и Вахша, в Дангаринском и Советском районах, с другой стороны — в Гиссарской долине.

Один из главных типов памятников этого времени — могильники. Такой могильник раскопан недалеко от г. Турсунзаде. Во вскрытых здесь могилах найдена посуда, хорошо сопоставляющаяся с керамикой муллалинского этапа (1300—1100 лет до н. э.). Как всегда керамика эпохи бронзы в ее земледельческом варианте не может не восхищать своими стройными пропорциями, красивой формой. Особенно хороши знаменитые вазы (для фруктов?) на высоких стройных ножках и с кра-

сивой чашей вверху, ограниченной искусно сделанным бортиком. Не менее интересны и другие керамические формы. Есть и бронзовые предметы — ножи, а также разнообразные украшения.

Могильники всегда очень интересны для раскопок. Ведь они дают специально подобранный инвентарь, часто лучше вещи хранились в патриархальной семье и передавались из поколения в поколение. А тут вот — решено было отдать любимому человеку или вождю для того, чтобы эти вещи сопровождали его в далекий потусторонний мир. В поселениях, где люди долго жили на одном месте, редко встречаются целые вещи, обычно битые горшки и обломки являются главной добычей археологов, но в могильниках целые вещи — это обычный инвентарь, вскрытый во время раскопок. Зато в поселениях и позднее, уже в историческую эпоху при раскопках городищ, археолог получает важнейшие материалы, говорящие об архитектуре, фортификации, социальном расслоении общества, сталкивается с ярчайшими проявлениями искусства и ремесла и т. д.

Муллалинцы прошли всю Гиссарскую долину, оставив за собой отдельные могилы и могильники. Вероятно, были и поселения, но мы их просто еще не нашли. Их движение дальше на восток зафиксировано в Нурекском могильнике, в основном, в поселении бронзового века — Кангурттут, которое находится недалеко от пос. Кангурт. Роскопки этого поселения, проведенные московским археологом Н. М. Виноградовой, хорошо показали тип сельской общины раннеземледельческой бронзы. При сравнении архитектур и структур этого поселения с центральными протогородами типа Дашлы и Саппалли хорошо видно, что в данном случае археологи имеют дело с далеким горным поселением, хотя археологические находки совершенно идентичны, разве что не так богаты, как в центрах того времени.

Примерно в то же время, а частично и ранее, другая группа поселенцев двинулась из Северного Афганистана. Скорее всего именно они оставили могильники так называемой вахшской и бешкентской культуры в низовьях рек Вахш и Кафирниган. Важным вопросом, требующим детального исследования, является взаимодействие пришельцев с местным населением, если справедливо предположение о том, что до этого времени доживают гиссарцы. Во всяком случае, последние вошли во вновь созданный этнос как важная составная его часть.

Итак, Гиссарская долина и весь Южный Таджикистан представляются нам на уровне сегодняшних знаний как окраина

большого мира земледельцев бронзового века, охватывающих пояс гор и равнин Иранского плато, Средней Азии, Афганистана и Пакистана. Крайнее положение наших памятников и определило их характер — сельских поселений.

В заключение еще раз подчеркнем, что в Гиссарской долине во втором тысячелетии до н. э. мы встречаем следы жизни племен эпохи бронзы разного хозяйственного уклада.

Следы «степной» жизни — это следы жизни кочевников-скотоводов, которые если и выращивали какие-то растения, то в небольших масштабах, можно сказать случайно, и не они, а скот составлял основу их экономики. Но свои памятники оставили и земледельцы, настоящее оседлое, а в горных районах Таджикистана частично и полусоседное население эпохи бронзы, сильно отличающееся по образу жизни, традициям, социальному устройству и материальной культуре от степных племен. Конечно, между ними существовали определенные контакты, происходило заимствование, но истинных масштабов этих контактов мы еще не знаем. Новый свет на контакты между земледельческой и степной бронзой пролили недавние раскопки могильника Кумсай в Турсунзадевском районе, проведенные Н. М. Виноградовой и Л. Т. Пьянковой в 1987—1988 гг. Археологические материалы из этого могильника дают керамику, медные украшения и другие элементы двух разных культурных традиций.

Ранние государственные образования в Бактрии

Пока ничего или почти ничего мы не знаем и о том, как в Гиссарской долине происходила смена культуры эпохи бронзы на культуру раннего железа. Очень мало у нас данных и о памятниках 6—4 веков до н. э., т. е. о времени, когда Средняя Азия и в том числе Гиссарская долина входили в состав могущественной империи персидских царей Ахеменидов, простиравшейся от берегов Средиземного моря до Инда. О политической истории и жизни среднеазиатских народов под властью персидских царей можно прочитать в соответствующих изданиях. Мы же упомянем лишь несколько археологических объектов, известных в Южном Таджикистане.

Это уже время древней Бактрии, области обитания ранних иранских племен, на землях которых и образовались первые государственные объединения. Северные границы Бактрии проходили по Гиссарскому хребту, на юге границей был Гиндукуш. Западной границей Бактрии была Маргиана, а на востоке — Бадахшан, по всей очевидности, тоже входил в ее состав.

Наиболее известным в Таджикистане памятником этого времени является нижний слой городища Калан Мир в Кобадияне. К сожалению, место раскопок археолога М. М. Дьяконова в начале 50-х годов сейчас застроено и недоступно для детальной изучения. Здесь был раскопан хорошо сохранившийся древнебактрийский дом. Ахеменидское время, как обычно называют этот период археологи, чрезвычайно редко открывает нам свои тайны. Вот поэтому так интересны работы, проводящиеся последние годы душанбинским археологом А. Л. Абдуллаевым на плато Байтудашт у поселка Пяндж. Здесь обнаружены остатки городища VI—IV веков до н. э. Особый интерес представляет раскопанное здесь святилище, первая археологическая находка для этого времени в Таджикистане.

Говоря о Бактрии ахеменидского времени, нельзя не сказать о знаменитом «Амударьинском кладе».

В конце 70-х годов в Государственном Эрмитаже демонстрировались эти замечательные находки, хорошо знакомые каждому археологу, занимающемуся Средней Азией. Трудно было оторваться от стеклянных витрин, в которых были выставлены золотые и серебряные вещи, так хорошо знакомые по публикациям: золотая модель колесницы с двумя людскими фигурками, запряженная четверкой лошадей, фигурка царя или «царственного жреца», отлитая из серебра, прямоугольная золотая пластина с рельефным изображением стоящего человека. В правой вытянутой вперед руке пучок прутьев — барсом, обязательная принадлежность зороастрийских религиозных обрядов.

С амударьинским кладом связано много различных публикаций, представляющих подчас драматические события, предшествующие его появлению в залах Британского музея в Лондоне. Не все в этих публикациях хорошо согласуется между собой, но ясно одно — клад был найден местными жителями Кобадиянского оазиса в конце прошлого века, и переправлен купцами на антикварный рынок в Равалпинди (Пакистан). В настоящее время после раскопок сотрудниками Южно-Таджикистанской археологической экспедиции Б. А. Литвинским и И. Р. Пичиняном «храма Окса», располагавшегося у слияния рек Вахша и Пянджа, т. е. в самом начале великой Амударьи, ученые считают, что скорее всего эти удивительные вещи происходят оттуда, из памятника, который ныне называется Тахти Сангин или каменное городище¹. Конечно, клад этот соби-

¹ Более подробно об истории открытия Амударьинского клада и его содержании можно прочесть в интересном каталоге упоминавшейся выше выставки: Е. В. Зеймаль. Амударьинский клад — Л., 1979.

Рис. 5. Храм Окса на городище Тахти-Сангин. Верхняя часть ножен меча (слоновая кость). Конец 6—начало 5 века до н. э.

рался много лет, в нем более тысячи вещей разного времени, он представляет собой храмовое сокровище, но древнейшая его часть принадлежала к интересующему нас периоду — 6—4 векам до н. э.

Ну, а что же можно сказать о памятниках этого времени, известных в Гиссарской долине? К сожалению, пока еще очень мало, а практически почти ничего. Тем не менее памятники ахеменидского времени в Гиссарской долине есть. Об этом говорит случайная находка, сделанная юными археологами Малой Академии Наук всего в 6 км восточнее Душанбе, в кишлаке Киблаи. Там, во время археологических разведок школьники собрали остатки древней посуды, как говорят археологи, — керамику. Когда находки попали в институт истории им. А. Дониша, они вызвали настоящую сенсацию — перед нами лежала безусловно ахеменидская керамика, первая в Гиссарской долине! Нам предстоит еще раскопать этот памятник, и мы надеемся, что он откроет нам совершенно новую, еще совсем неизвестную страницу истории Гиссарской долины.

Кто в Таджикистане не знает знаменитого македонского полководца Александра Македонского, в восточной литературной традиции благодаря своему двурогому шлему носящего имя «Искандери Зулкарнайн»? Рассказы о его личной храбрости, о его боевых походах, о сказочных богатствах, добытых им в завоеванных странах, о любви к красавице-бактрианке Роксане мы слышали с раннего детства. При этом очень часто образ Александра Македонского, обрастая легендами, представлялся могучим и справедливым царем, не имевшим себе равных ни в мужестве, ни в благородстве. Действительно, мужества великому полководцу древности не занимать — достаточно вспомнить битву при Гавгамелах, тяжелый переход Паропамиза (Гиндукуша), осаду согдийского города Кирополя. Но в этих рассказах часто забывается чудовищная жестокость греческих войск; обрушившихся с мечом и огнем на цветущие земли Бактрии и Согды. Македоняне, люди высокой для своего времени культуры, называли все остальные народы Средней Азии «варварами», за убийство которых солдаты не несли никакого морального ущерба. Страшно читать о погромах и избиениях, которые воины непобедимого Александра, царя азиатского, царя македонского, владыки греческого, учиняли в Бактрии и Согдиане.

В настоящее время маршруты Александры Македонской в Средней Азии изучены самым тщательным образом. Установлено, что греческое войско перешло Амударью скорее всего у современного Келифа и двинулось в сторону Самарканда. Таким образом, в Гиссарскую долину войска Александра Македонского не заходили. Имеются, правда, глухие, не совсем достоверные сведения, вернее интерпретации данных античных авторов о том, что отдельные группы греков проникали, вероятно, через переправу Богорак в Хотлонскую область. Так, хорошо известна гипотеза немецкого исследователя Ф. Шварца, который помещал завоеванную в бою «скалу Сисимитра» в район бывшего Пули-Сангинского ущелья (ныне там стоит плотина Нурекской ГЭС). Превосходный знаток древней исторической географии, доктор исторических наук И. В. Пьянков, любезно сообщил, что имеется также указание на то, что греческий военачальник Палиперхон доходил до современного Куляба. Но даже если эти версии и верны, все равно — это не интересующая нас Гиссарская долина. Пока у нас нет на этот счет никаких данных, да и трудно их ждать.

Если непосредственное появление войск Александра Македонского принесло жителям Средней Азии, в том числе и Таджикистана, смерть и разрушение, то культурное влияние, ос-

Рис. 6. Изображение Александра Македонского в облике Геракла. Слоновая кость. Храм Окса на городище Тахти-Сангин. Действительные размеры; 3,6х2,8 см.

тавленное греко-македонцами на этой земле, трудно переоценить. Здесь, на развалинах громадной империи Александра, простиравшейся от Адриатического моря до Инда, возникает Греко-Бактрийское государство, короткое время существования которого, определяемое 2—3 веками до н. э., т. е. всего около 150 лет, имело большое значение в формировании эпохи «среднеазиатской античности». Интенсивные связи с метрополией — Грецией, а шире со всем расположенным на западе миром, идущим во главе всей древневосточной цивилизации, сыграли огромную роль в проникновении греческой, а если расширить эти рамки, то средиземноморской культуры в Среднюю Азию. Нам, конечно, трудно представить конкретно, какие караванные пути вели в греческий город (современное название этого места Ай-Ханум, но возможно отождествление его с Александрией на Оксе древних авторов), остатки которого раскопаны в Афганском Бадахшане у слияния р. Кокчи и Пянджа. Но итоги проникновения греческой архитектуры, фортификационного дела, градостроительства, письменности, ремесла, образцов искусства и еще многого, многого другого, что влияет на создание огромного пласта культурных взаимоотношений, получены археологами в десятках и сотнях примеров. Читатель, наверное, обратил внимание на название подраздела этой главы. В нем сочетаются два термина Греко-Бактрия и это прежде всего говорит о том, что здесь создавалась синкретичная, общая культура, состоящая из достижений коренных жителей бактрийцев и достижений греческой культуры.

Чем мы находимся ближе к нашему времени, тем более часты встречи с археологическими памятниками. Так, остатки греко-бактрийских городов и поселений заметно превышают по количеству остатки ахеменидского времени.

В Южном Таджикистане горизонты, содержащие культурные слои интересующего нас времени, отмечены во многих местах. Они имеются на упоминавшемся уже памятнике Калам-мир в Кобадiane и находившемся рядом, всего в 1,5 км к северо-востоку, городище Кей-Кубадшах. Найдя... горько писать об этом, но этот замечательный памятник, содержавший фортификационную систему города, построенного по греческой планировочной схеме, был безжалостно уничтожен с десятков лет тому назад бульдозерами для очередного победного рапорта об увеличении площади посева под хлопок. Невосполнимая ничем потеря... И никто за эти действия, нанесшие такой большой вред нашей истории и культуре, не понес наказания. Такая же участь постигла и изучавшийся еще в 50-е годы археологами Б. А. Литвинским и Е. А. Давидович город

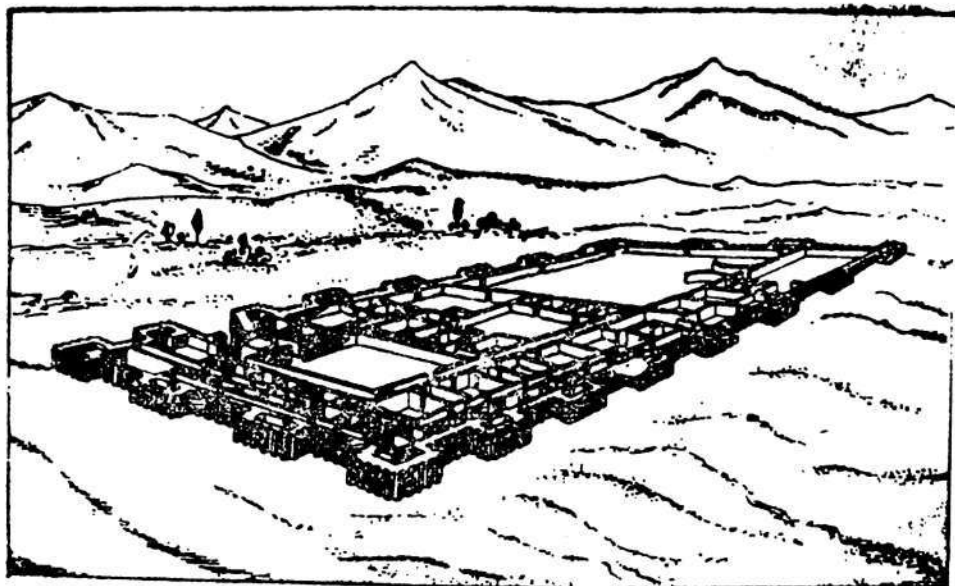

Рис. 7. Таким был город в конце Греко-Бактрийского времени. Городище Кухна-Кала в Вахшской долине.

позднего этапа существования Греко-Бактрии — Кухна-Калу, в Вахшской долине. Одному из авторов этой книги, тогда еще студенту, довелось участвовать в раскопках этого городища. Вспоминаются мощные башни, усиливающие широкую стену и снабженные специально расставленными бойницами, четкая структура внутренней системы домов, группирующихся вокруг четко видимого дворика. Небольшой город имел прямоугольную форму и это было хорошо видно даже на еще нераскопанной части городища. Можно было ходить по нескрытым еще улицам и площадям, мысленно входить в спрятанные под толщей земли дома. Очень запомнилось то обстоятельство, что мы не находили предметов материальной культуры и вскрывали отдельные комнаты помещений, в которых казалось никто не жил. И это как-то угнетало — лопатами археологов вскрывался мертвый, незаселенный, но прекрасно построенный город. И только в следующие сезоны были найдены остатки материальной культуры жителей Кухна-Калы.

Говоря о Греко-Бактрии мы, конечно, не можем пройти мимо двух замечательных памятников этого времени, которые находятся на берегах могучей Амударьи, только один из них расположен в Афганистане, а другой — в Таджикистане. Это городище Ай-Ханум, раскопанное французскими археологами.

Городище — это археологический термин, а если говорить по другому, то это город, поставленный воинами Александра Македонского (он оставлял раненых и больных воинов для строительства греческих городов на захватываемых им территориях). Сюда селилась и местная бактрийская знать, и просуществовавший 150 лет греко-бактрийский город, по всей вероятности, носивший название Александрии на Оксе, представлял собой сплав греческой и местной культуры. В этом городе звучала греческая речь, существовала принятая в метрополии Агора — место для общих собраний, в гимнасии — так назывался теперешний спортивный зал — тренировались ловкие юноши. Археологи открыли и греческий театр. Известно даже, что здесь ставились драмы Еврипида.

И все это богатство было неизвестно до тех пор, пока король Афганистана Мухаммед Закир Шах на охоте в Бадахшане не обратил внимание на холмы, под которыми и были открыты остатки Александрии на Оксе. Бывает в археологии и такое!

А почти напротив Ай-Ханум, в Пархарском районе открыли остатки еще одного греко-бактрийского поселения, поменьше масштабом, не имеющего столичного характера, но хорошо сохранившего и остатки парадных зданий дворца и ремесленный квартал. Это городище Саксан-Охур, раскопанное нашим таджикским археологом Х. Ю. Мухитдиновым.

Мы уже упоминали Каменное городище. Его еще предстоит подробно исследовать. А пока раскопан замечательный храм Окса. Он был построен в 3-м веке до нашей эры, а может быть и немного раньше, и существовал 6 или 7 веков, неоднократно перестраиваясь. Мы точно знаем, что храм назывался именно так, а не иначе — здесь был найден небольшой алтарь, выточенный из камня, сверху украшенный фигурой покровителя рек Марсия, играющего на флейте. А на постаменте имеется греческая надпись «По обету Атросок Оксу». Таким образом, речь идет о подарке, который бактриец (а имя Атросок не греческое, а именно бактрийское) поднес храму Окса, т. е. храму, посвященному Амударье.

При раскопках храма Окса было найдено много замечательных предметов искусства разного времени, в том числе и греко-бактрийского. Их можно увидеть в недавно вышедшем каталоге¹. Они, как и материалы Ай-Ханум, свидетельствуют об устойчивых связях находившихся под греческим влиянием Бак-

¹ Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе: Дониш, 1985, с. 69—99.

трии и далекой Греции, но также и о вырастающей на этих контактах греко-бактрийской культуре, впитавшей в себя лучшие традиции материального и духовного наследия местного населения.

Следует еще упомянуть очень своеобразное явно сельское поселение со слоями греко-бактрийского времени, где археолог А. А. Абдуллаев в основании культурных слоев обнаружил керамику и жилища 4—3 веков до н. э.

Что же у нас есть из этого периода в Гиссарской долине? Если не затрагивать территорию города Душанбе, о которой специально мы будем говорить позже, то можно сказать так: хотя и немногочисленные, но свидетельства заселения Гиссарской долины в рассматриваемый период времени безусловно имеются, хотя их немного. Свидетельством если не непосредственной жизни, то, во всяком случае, влияния греко-бактрийских центров являются находки греко-бактрийских монет (царей Диодота, Деметрия, Эвкратиды) и «варварское» подражание греко-бактрийским монетам. Они найдены главным образом на Шахринауском городище, но встречены и на территории г. Турсунзаде при прохождении Гиссарского канала в Гиссаре. Правда, монеты, найденные вне археологического слоя, не во время археологических раскопок, а случайно, не так ценны, все равно приносят большую радость нумизматам и историкам. Они, эти монеты, могут и не соответствовать времени своего выпуска — хорошо известны случаи переживания даже не золотых и серебряных, а и медных монет, существовавших в виде кладов или просто не уничтоженных по тем или иным причинам. Имеется и другая опасность (в определении исторического значения такой находки) — монету могли просто привезти, скажем, из Термеза, Беграма, а то и из более отдаленной территории. Но, так или иначе, находка греко-бактрийских монет все-таки, на наш взгляд, говорит о существовании каких-то поселений этого времени и вблизи Душанбе, в Гиссарской долине.

Такие поселения или даже города здесь есть. И это прежде всего Шахринауское городище. Правда, последнее время греко-бактрийский возраст этого замечательного, но, к сожалению, недостаточно полно изученного памятника ставится под сомнение и предполагается, что это более поздний, кушанский памятник, но будет очень грустно, если версию о его греко-бактрийском возрасте придется отбросить. Хочется верить, что правы те исследователи, которые предполагали, что это огромный античный город, периметр стен которого равняется 7 км, а внутренняя площадь — 350 га, был основан еще в греко-бак-

рийское время, а затем получил дальнейшее развитие уже позднее, в эпоху кушан.

Горизонты 3-го — начала 2-го века до н. э. отмечены при раскопках в цитадели Гиссарской крепости (работы археологов Е. В. и Т. И. Зеймаль). Керамика этого же периода зафиксирована ниже по р. Кафирниган на городище Калан Кафирниган. Так что общий итог нашего обзора можно подвести следующим образом: в греко-бактрийское время в Гиссарской долине, во всяком случае западной ее части, имелись хотя и редкие, но вполне значимые в историческом плане поселения, могильники и, если окажется справедливым предположение о докушанской дате Шахринау, города. Городище, Шахринау, увы, почти совсем уже застроено, но и здесь, особенно в Гиссарской крепости (в ее пониженной части — Кургони Кулоби), следует провести новые и более объемные археологические работы.

Гиссарская долина в эпоху Великих и Поздних кушан

Следующий этап заселения Гиссарской долины связан с эпохой кушан, который обычно определяется в рамках от конца 2-го века до н. э. до конца 3-го века н. э. Кушанская империя, охватывавшая территорию современной Средней Азии вплоть до Аральского моря и Ташкентского оазиса, Афганистана, Северной Индии, вплоть до реки Нарбада и Пакистана, создала условия для большого подъема экономики, ирригации, международных связей, искусства и культуры, что обеспечивалось сильной центральной властью. Возникали новые поселения и города. Никогда до этого население Бактрии не было таким значительным. По подсчетам исследователей, количество кушанских памятников в Гиссарской долине приближается к 30.

Но прежде чем говорить о них, несколько слов надо сказать о кушанах, о кушанском государстве, которое пришло на смену Греко-Бактрии. Знаменитое выражение древнего историка: «История мидян темна и непонятна», как нельзя лучше подходит к начальному и завершающему периоду кушанской истории. Известно, что ослабленное, раздираемое внутренними противоречиями, сопротивлением местного населения греческой власти Греко-Бактрийское государство пало под ударами кочевников, пришедших с севера. По сведениям древних китайских источников приблизительно известно, когда это произошло — между 141 и 128 гг. до н. э.

Нашествие кочевников было если и не стремительным, но

безжалостным. Об этом говорит хотя бы печальная судьба города Александрия на Оксе (Ай-Ханум), до тла сожженного и безжалостно разрушенного. Первой целью воинственных прчшельцев был грабеж и разрушение. Но потом, освоившись сперва в Северной Бактрии — в Южном Узбекистане и Южном Таджикистане, а затем, перейдя Амударью в Северном Афганистане, кочевники постепенно втягивались в жизнь богатых оазисов, становились городскими, а частично и сельскими жителями. Родовые вожди превращались в верхушку городского населения и, как правильно писал московский археолог В. И. Сарианиди: «...суровые номады постепенно превращались в изнеженных горожан. Еще недавно они не признавали другой жизни, как верхом на лошадях кочевать с одного места на другое, ночевать в легкой походной юрте, а нередко на земле под тонкими домоткаными кошами. Теперь они умащивают свои тела благовониями, хранящимися в золотых и серебряных туалетных сосудах, пользуются косметическими принадлежностями вплоть до «маникюрных ножниц...»¹.

Ну, а кто же были эти кочевники? К каким племенам относились и как их называли? Здесь перед историками и археологами стояли большие трудности, очень трудно, буквально капля за каплей, извлекать истину из нелегких для чтения китайских источников, да еще интерпретировать написанные так давно по-китайски географические названия. И тем не менее кое-что ученые уже знают. Большинство из занимающихся этим вопросом ученых полагают, что Греко-Бактрию уничтожило не одно племенное объединение, а многие племена, среди которых были, например, скифы и сарматы, жившие далеко на севере у Каспийского моря, а может быть даже и в Южной Европе. Вероятно, это так и было, но наиболее нам известно племя тохар или, как их называют китайские хроники, — юэчжей. Юэчжи пришли в Бактрию из глубин Центральной Азии, но судьба этого племени просто удивительна. Самое интересное то, что кочуя на востоке Западного Китая, Синцзяня или, как можно еще сказать, Восточного Туркестана, это кочевое племя говорило на восточно-иранском, очень древнем языке! А значит в Восточный Туркестан они пришли с запада, может быть из южнорусских степей, может быть из Прикаспийского, может быть из Иранского плато — никто пока этого не знает. А затем под давлением других кочевых племен и в первую очередь усуней, тохары-юэчжи двинулись на запад, в сторону

¹ В. И. Сарианиди. Афганистан: сокровища безымянных царей. М.: Наука, 1983, с. 147.

своей далекой и уже забытой Родины. Сперва они укрепились в Северном Притяньшанье, затем прошли в Фергану и уже оттуда попали на землю Северной Бактрии. Есть представления и о других маршрутах, но не в этом дело. Важно для нас то, что юэцжи и, возможно, другие племенные объединения кочевников, слившись с местным населением и переняв у них многие элементы материальной и духовной культуры, создали новое государственное образование, которое получило наименование кушанского царства. Все книги, посвященные среднеазиатской истории кушан, отмечают высокий подъем экономики, развития социальных отношений, возрастание имущественной дифференциации, усиление влияния сельской общины. Особенно заметно возрастание ирригационной сети и освоение новых земель, втягивающихся в сельскохозяйственный оборот. На смену отдельным, разобщенным в пространстве оазисам греко-бактрийского времени приходит достаточно плотное заселение горных долин и предгорий Средней Азии. Никогда еще в Средней Азии не строилось столько городов, как в кушанское время. Именно поэтому кушанская эпоха один из наиболее освещенных археологическими исследованиями периодов для нашего региона. Это хорошо видно и на севере древней Бактрии, и, как уже говорилось, в одной из ее частей — Гиссарской долине.

Среди кушанских памятников Бактрии очень много замечательных археологических объектов, давно получивших мировую известность, благодаря многим уникальным находкам, в том числе, хотя и редко, письменности. Поскольку юэцжи как кочевое племя не имели еще своей письменности, они на первых порах, как свидетельствуют кушанские монеты, использовали греческое письмо, но затем появляются надписи, выполненные так называемым «кушанским письмом», которые по мнению большого числа исследователей передают язык не юэцжэй-тохар, а местный бактрийский язык. Наиболее крупный текст на бактрийском языке — это сурхкотальская надпись, полученная во время раскопок храма в Сурхкотале, расположенном на реке Кундуздарье, выше Баглана в Северном Афганистане. Эти раскопки провел известный французский ученый Д. Шлюмберже. Надпись на каменной плите сейчас хранится в Национальном историческом музее в г. Кабуле. В этом музее собраны блестящие образцы кушанского искусства, особенно известны каменные и глиняные скульптуры. У входа в Кабульский музей вас встречает хотя и неполная, но тем не менее, очень выразительная скульптура (нижняя часть богатого кушанца, одетого в расшитую орнаментом длинную ру-

баху, поверх которой накинута расширяющаяся книзу халат). Красоту этой одежды подчеркивает и набедренный пояс, на котором висит кинжал в украшенных ножнах. Из под рубахи выглядывают ниспадающие широкими складками шаровары, скрепленные хорошо видными круглыми застёжками. Есть предположение, что это изображение самого могущественного царя кушан — Канишки. Недаром эта статуя выбрана как символ работающего в Кабуле Международного Центра по изучению кушан.

Если говорить о кушанском искусстве или, вернее, об искусстве, которое привлекало кушан, надо обязательно упомянуть об одном из самых эффектных археологических открытий XX века — раскопках царских могил в Тиллятепе у Шибаргана в Северном Афганистане. Эти раскопки осуществлялись в 1978 г. В вскрытых археологами погребениях членов кушанской царственной семьи (а что это были царские погребения — нет сомнений благодаря удивительному богатству каждого из них), было найдено 22 тысячи золотых предметов! Слушая доклад участника этих славных работ таджикского археолога У. П. Пулатова, в течение полутора часов мы любовались потрясающими по своей красоте и художественной ценности вещами из Тиллятепе: статуэтками, нашивными пластинками в виде человеческих фигур и цветов, пышными коронами, составленными из «звонящих» подвесок — золотыми ножнами кинжалов и мечей и десятками других вещей, переснятых У. П. Пулатовым на слайды.

С одной стороны, в этом богатстве чувствуется влияние (да что там влияние, многие вещи просто привезены из далеких стран) Греции, Рима, Индии, Китая, с другой, явно местные или созданные на месте художественные традиции. Но все эти богатства, которые, конечно, собирались многие десятки, а то и сотни лет и хранились в царских тайниках, служа людям только в особо торжественных случаях, так или иначе отражают художественные вкусы кушанской знати.

Замечательные образцы искусства были обнаружены совсем недалеко от Душанбе, вблизи Денау. На холме, именуемом Хонакатепе, раскопано небольшое, но сравнительно хорошо сохранившееся дворцовое (но может быть и храмовое?) здание. Автор раскопок узбекский археолог Г. А. Пугаченкова отмечает, что на Халчаяне, так назван этот памятник, существовали многофигурные композиции, но поскольку они не сохранились, об их тематике мы можем только догадываться. Но можно идентифицировать классические греческие божества: Нику, Афину. Однако большинство фигур из глины — изобра-

жения не богов, а живых людей, прославляющих царствующую династию. Причем отдельные фигуры выполнены с таким высоким художественным мастерством, что можно быть уверенным в портретном сходстве.

Мы назвали здесь три из кушанских памятников, а их как на левом, так и на правом берегу Амударьи располагалось великое множество (относительно, конечно), но надо учесть, что ведь не все они сохранились и не все открыты археологами. Крупным кушанским городом был Термез, в Сурхандарьинской долине, по соседству с ним, известны и другие кушанские памятники: Дальверзин, Зартепе, буддийский комплекс в Термезе — Каратепе и расположенные рядом остатки буддийского монастыря Фаязтепе. Это неудивительно, ведь именно через Термез проникал в Среднюю Азию буддизм. А в кушанское время буддизм начал свое движение из Индии через Афганистан в Среднюю Азию. Вопрос о том, является ли буддизм государственной религией в кушанском государстве является спорным, но совершенно ясно, что эта религия пользовалась поддержкой и ей благоволили кушанские цари. Этим и объясняется появление буддийских памятников в Средней Азии.

В Южном Таджикистане имеется ряд крупных кушанских памятников. В одних случаях, как на городище Калаи Мир, Кейкубад, Саксанохур, Тамошотепе, жизнь продолжалась на тех же местах, на которых жили люди греко-бактрийского времени. В других случаях основывались новые города. Значительным кушанским поселением, детально изученным и хорошо опубликованным, является городище Тепаи Шах, раскопанное Б. А. Литвинским в 1972 г. Оно расположено в самых низовьях реки Кафирниган и существовало длительное время в пределах 2-середины 4 вв. н. э. Рядом находился некрополь с интересным погребальным инвентарем, а обряд захоронения свидетельствует, что жившие здесь люди исповедовали зороастрийскую религию. Интересно, что в 3—4 веке н. э., как показывают раскопки археолога Т. И. Зеймаль, совсем рядом находилась небольшая буддийская часовня (тепе Уштур-Мулло). Какой-то период времени люди, исповедовавшие такие разные религии, мирно уживались между собой, что еще раз говорит о хорошо известной веротерпимости, характерной для Средней Азии того времени. В Бешкентской долине была очень подробно исследована взаимосвязь между ирригацией, связанной с известным родником Чиль-Чор-Чашма, и кушанскими поселениями. В Яванской долине располагался очень крупный памятник Гаравкала, раскопанный под руководством Б. А. Литвинского. В период расцвета этот настоящий город кушанского времени

достигал 30 га. Центральное место структуры города, где жил правитель — цитадель имела размеры 140 × 100 м. Археологи на Гаравкале выделяют 6 периодов обживания — самый ранний принадлежит кушанскому времени (2—1 вв. до н. э.), а закончил город свою жизнь в конце 3-го или в начале 4-го века н. э., просуществовав, таким образом, всю кушанскую эпоху.

Б. Я. Ставиский в своей книге, посвященной кушанской Бактрии, насчитывает на юге Таджикистана около 100 кушанских памятников¹. Безусловно, за прошедшие 11 лет к ним прибавилось еще несколько, правда, достаточно крупных, если можно так сказать, «именитых» среди них нет.

Нам, конечно, не нужно давать развернутую археологическую характеристику всем кушанским памятникам Гиссарской долины, мы просто остановимся на изучении самых главных из них, коротко отмечая самые главные их особенности.

Наиболее крупным памятником интересующего нас периода является Шахринауское городище. Если его принадлежность к греко-бактрийскому времени весьма проблематична, то существование этого огромного города в кушанском периоде не вызывает никакого сомнения — об этом говорит и фортификация, вскрытая раскопками Е. В. Зеймаля в 1976 г., и великолепные каменные капители — остатки величественных сооружений, обнаруженные на территории городища историком А. М. Мухтаровым, монеты и керамические изделия, многократно найденные на этой площади. Правда, точной датировки пока не получено, но и определение 1 век до н. э.—1 век н. э. вполне достаточно, чтобы отнести Шахринауское городище к кушанам. Как мы уже говорили, большая часть городища застроена современными кишлаками и поселком Шахринау, но первые исследователи этого интересного объекта неоднократно отмечали, что внутренняя часть, включенная в периметр стен городища, не имела сплошной застройки, хотя многочисленные, стоявшие отдельно здания здесь зафиксированы. Приходится горько пожалеть, что 100-метровый участок стены с башнями, имеющими стреловидные ложные и действительные бойницы, очень эффективный и красивый был вскоре уничтожен местными жителями не без ведома их непосредственных начальников. Вот уж, воистину, «что имеем не храним, а потерявши — плачем».

Вторым крупным кушанским памятником в Гиссарской долине можно назвать Узбеконтёпа, крупное городище, занимающее примерно 10 га. Это второе по размерам кушанское городище в Гиссарской долине. При его строительстве жители хо-

¹ Б. Я. Ставиский. Кушанская Бактрия.— М.: Наука, 1977.

рошо использовали рельеф местности — с востока город хорошо защищался высоким берегом реки Ширкентдарья, с северной для обороны использован овраг Мауляносай. К сожалению, полному изучению этого интересного памятника мешает современная застройка — печальная особенность археологических объектов густозаселенной Гиссарской долины.

Изучавший памятник в конце 50-х годов Е. В. Зеймаль сообщает, что в стратиграфическом (стратиграфия — взаимное расположение культурных слоев во времени, где более глубокие от поверхности остатки будут, естественно, и более древними) шурфе выявлены разновременные горизонты, нижние из которых принадлежат кушанской эпохе, о чем говорит не только характерная для этого времени керамика, но и монеты кушанских царей: Васудевы («варварский» подражательный чекан), Хувишки и Вимы Кадфиза, что позволяет датировать культурные слои Узбеконтепа от конца 3-го века до н. э. вплоть до начала 4-го века н. э. А следовательно, стратиграфия памятника показывает, что жизнь здесь продолжалась на протяжении всей кушанской эпохи.

Стратиграфия Шахринауского городища и Узбеконтепа может быть сопоставлена со стратиграфией еще одного заметного памятника — Чимкурмана, который находится к югу от Шахринау. Это очень важно, так как раскапывая этот объект, экспедиция Таджикского госуниверситета под руководством А. Д. Бабаева основное внимание уделила находкам, среди которых есть и уникальные предметы, и очень мало — их детальной стратиграфии.

В 1980—1981 гг. относительно крупные работы проведены в Гиссарской крепости, где на ее пониженной части были заложены два крупных раскопа общей площадью 120 м². Можно представить сложности и масштабность работы (ранее в Гиссарской крепости таких работ не проводилось), если глубина одного из раскопов — 7 метров. В итоге лопата археолога вскрыла настоящий слоеный пирог, содержащий остатки жизни людей от 3-го века до н. э. вплоть до нашего 20-го века. Правда, в этой части крепости жилые сооружения со стенами отмечались только для двух периодов кушанского времени — «великокушанского», т. е. периода правления знаменитого царя Канишки, которое ознаменовало максимальный расцвет кушанского царства, и для позднекушанского — 3—4 века н. э.

Как обычно для кушанских поселений главную добычу исследователей составляла керамика, часто покрытая по внешней поверхности тонкоотмученной красной глиной — ангобом. Изящные миски диаметром 20—24 см, элегантные кубки с хо-

рошо профилированными ножками, цилиндрическим или рюмкообразным туловом, столь характерным для кушанского времени, кувшины и грубая, лепная кухонная керамика — все это было найдено в большом количестве. Таким образом, кушаны хоть и не были первыми людьми, освоившими этот удобный для жизни естественный холм, в кушанское время площадь городища безусловно была значительной, и жизнь здесь была интенсивной. Проведенные работы фиксируют это с большой определенностью.

В целом значение работ, проведенных в 1974—1981 гг. в Гиссарской долине Т. И. и Е. В. Зеймалями, трудно переоценить. Хотя эти работы и не были очень значительными по своему масштабу, они впервые после разведочных исследований М. М. Дьяконова и Е. А. Давидович, проведенных в 50-е годы, для данного района, затронули стратиграфию кушанских поселений и выявили некоторые особенности топографии поселений, структуру городищ, архитектурные приемы, обогатили наши представления о материальной культуре кушан в этом уголке Средней Азии.

Заканчивая рассказ о поселениях кушанского времени в Гиссарской долине, можно упомянуть и находки кушанских монет. В монографии Е. В. Зеймаля, посвященной античным монетам, которая уже упоминалась выше, к началу 80-х годов зафиксировано более 550 монет чеканки многих кушанских царей, это, безусловно, говорит о вхождении Гиссарской долины в кушанское царство, случайным такое количество назвать нельзя. Эти монеты были и в ранее названных в этом тексте памятниках и не названных здесь многочисленных тепе, содержащих остатки кушанских поселений, а также в большом количестве случайные находки монет, которые поступали в музеи, научные учреждения от разных лиц, интересующихся историей. Такие монеты встречены не только в Гиссарской долине (где их все-таки больше, чем в других местах Южного Таджикистана), но и в Вахшской долине в Дангаре, в районе Нурекского водохранилища и других районах.

Мы не можем не сказать хотя бы несколько строк еще об одном кушанском памятнике — могильнике Тупхона в Гиссаре.

Он был открыт чуть более 40 лет тому назад М. М. Дьяковым. Печально рано, всего в 44 года ушедший из жизни ученый был блестяще образованным востоковедом, многие его оценки и намеченные культурные связи, которые были определены после двух полевых сезонов раскопок могильника, не утратили своего значения до сих пор. В частности, он совершен-

но правильно датировал основную часть вскрытых его раскопками погребений кушанским временем.

В 1960—1961, 1969 и 1971 гг. крупномасштабные раскопки, вскрывшие 600 кв. м., в которых изучено 146 погребений, проведены группой археологов Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша под общим руководством нынешнего академика Б. А. Литвинского.

Читателю, незнакомому с археологией, трудно представить все сложности, связанные с раскопками древних погребений. Археологам, как говорится, терпения не занимать, это одна из обязательных особенностей их профессии, но надо учесть, что терпение, необходимое для того, чтобы расчистить, часто рассыпающийся от одного легкого прикосновения костяк, тщательно отпрепарировать череп (от его сохранности зависят антропологические определения — важнейший результат многих археологических раскопок), постараться не сдвинуть с места ни одной вещи из погребального инвентаря, точно зафиксировать взаимное положение вещей (а в отдельных погребениях их десятки, а то и сотни), осторожно их выбрать, закрепить и вынуть кости — все это адова работа, да если еще учесть, что часто она проходит под палящим солнцем, изо дня в день, зачастую превращаясь в рутинное скучное занятие, то тогда можно себе представить, что раскопки могильника Тупхона, в котором к тому же иногда могилы прорезывали друг друга или образовывали своеобразные «этажи» — горизонты погребений, это подлинный трудовой героизм, за который нас, археологов, никогда не наградят.

Останец — холм Тупхона расположен на западной окраине кишлака Гиссар. Его площадь — 1600 м². Он состоит из северной и южной возвышенностей и большой впадины между ними. Свое наименование этот холм получил от остатков укреплений бекского времени, когда правитель Гиссара поставил пушки в двух башнях, размещенных по гребню холма.

Интересно, что ставший теперь известным всем археологам мира могильник был открыт совершенно случайно. Да это и не удивительно, поскольку никаких надмогильных сооружений здесь не было. А шурф 5 × 5 метров М. М. Дьяконов заложил для того, чтобы проследить фундамент башни Тупхона. Счастливая случайность!

Здесь нет необходимости подробно останавливаться на особенностях кушанских погребений (в том числе очень интересных — в глиняных гробах), упомянем лишь о некоторых находках. В отличие от раскопок жилых и парадных помещений на городищах и поселениях, где находка целого сосуда не такая

Рис. 8. Монеты кушанского царства.

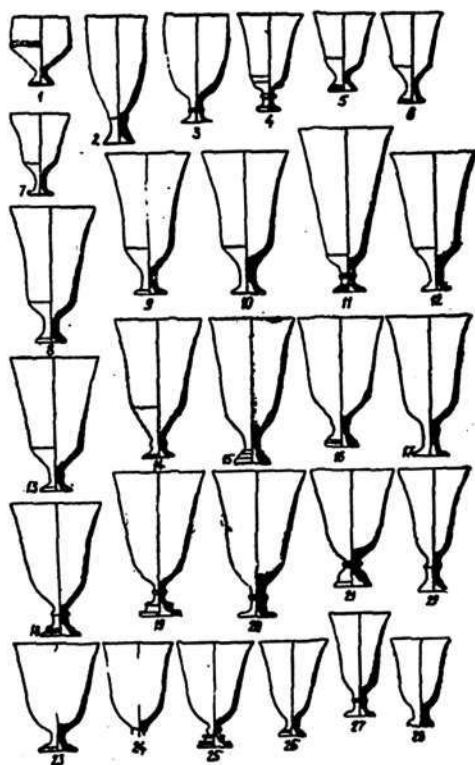

Рис. 9. Знаменитые «звонящие» бокалы кушанского времени из Тупхоны. Изяществу, пропорциям и совершенству формы могут позавидовать и современные гончары.

уж частая удача (где живут, там быют посуду!), могильникч, как правило, дают превосходные серии целых керамических изделий. Достаточно сказать, что знаменитые кушанские кубки Тупхоны — неперемнная часть всех наших выставок и в Душанбе, и далеко за его пределами. Это очень красивые изделия, покрытые тонким, напоминающим краску, ярко-красным ангобом, формы их очень изящны и, можно сказать, благородны. На такие предметы всегда приятно смотреть. Они служили украшением инвентаря кушанского жилища, о котором, к великому сожалению, мы еще очень мало знаем. Не менее привлекательны и другие формы керамики из погребений Тупхонин.

А кроме керамики здесь найдены многочисленные изделия, характерные для погребального инвентаря: браслеты, серьги, перстни, зеркала, оружие: наконечники стрел, ножи, шилья. до-

вольно редкая находка — ножницы, украшения: каменные бусы, изделия из египетского фаянса.

Материалы из Тупхоны наряду с другими находками из кушанских могильников Южного Таджикистана легли в основу фундаментального исследования, посвященного культам и ритуалам кушанской Бактрии — важному вкладу в изучение древних религий, существовавших на территориях Таджикистана в домусульманское время¹.

Очень важным является и заключение, которое сделал известный ленинградский антрополог В. В. Гинзбург, изучавший черепа, полученные в процессе раскопок Тупхоны. Он еще в публикации, вышедшей в 1950 г., отмечал, что полученные материалы позволяют вполне уверенно высказаться в пользу автохтонного, т. е. местного происхождения, таджиков Центрального и Южного Таджикистана, которые скорее всего являются прямыми потомками древнего населения Бактрианы. А последнее было однотипным и родственным с населением Согдианы.

Раннее средневековье, мало изученное в Гиссарской долине

Раннее средневековье — эпоха возникновения феодальных отношений в Средней Азии обычно определяется рамками 5—8 веков н. э. Археологически, если брать весь Таджикистан в целом, это наиболее хорошо изученный период истории нашей республики. Именно для этого времени известны широкомасштабные многолетние работы. Достаточно сказать, что городище Древнего Пенджикента раскапывается вот уже 46 лет и здесь можно ходить по улицам города, на которых шумела жизнь 1200 лет тому назад. Недаром в зарубежной литературе Пенджикент давно уже назван «Центральноазиатскими Помпеями». В течение 15 лет раскапывался буддийский памятник Аджинатепе, расположенный неподалеку от г. Курган-Тюбе. Это редкий не только для Средней Азии, но и для всего зарубежного Востока буддийский монастырь, раскопанный полностью, до последней комнатки. Особого расцвета достигает в среднеазиатском раннем средневековье архитектура, градостроительство, фортификационное дело, искусство. Особенно знамениты настенные росписи, скульптура и резное дерево Варахши, Балалыктепе (Узбекистан), Пенджикента, Аджинатепе, Калаи Кафирниган в Таджикистане.

¹ Б. А. Литвинский, В. В. Седов. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. — М.: Наука, 1984.

Политическая история раннего средневековья Южного Таджикистана представляется весьма бурной, но и весьма сложной для изучения, поскольку письменных источников для этого времени мало, и они часто противоречат друг другу. Это было время бесконечных войн не только в государственном масштабе, но и внутри государства. Старый общественный строй в его среднеазиатском варианте трудно уступал место новым феодальным отношениям. Мы, археологи, имеем дело с материальной культурой, т. е. с вещами, которые много могут сказать пытливому уму, рассказать о подлинной, человеческой истории своего времени. Образно говоря, мы как бы имеем скелет исторических событий и только по этому скелету стараемся создать полный образ реконструируемого времени. Так, читая исторические труды об этом периоде, можно себе представить, что невзгоды и войны принесли на землю бывшей Бактрии только смерть и разорение, но археологические исследования показывают, что 5—8 века н. э. были временем большого экономического подъема, максимального развития ирригационной сети, роста старых и возведения новых городов, расцвета монументального искусства, архитектуры, общего подъема духовной культуры, что привело к созданию непреходящих художественных ценностей — блестящим страницам истории среднеазиатских народов. Как это получалось, сказать трудно, во многом, вероятно, играла свою роль взаимная терпимость к обычаям, привычкам, культурным особенностям, религиозная веротерпимость, присущая раннему средневековью. И еще — пришлые племена эфталитов и тюрков, завоевавших политическую власть в Средней Азии, приходили сюда, как когда-то юэчжи-тохары, имея структуру кочевников-скотоводов, сохраняющую многие черты старого первобытно-общинного строя, и оседая на землю, входя в состав правящей верхушки, они воспринимали местную бактрийско-тохаристанскую оседло-земледельческую культуру, которую умело использовали для своих политических целей.

В это время древние земли Бактрии, т. е. юг Таджикистана и Узбекистана и Северный Афганистан получили наименование Тохаристана, земли тохаров. Впервые это название появляется в 383 г., в китайском тексте буддийского характера.

Мы не будем здесь касаться сложной политической ситуации, связанной с названием некогда могучей кушанской державы, отметим только, что к середине 5 века н. э. Тохаристаном овладели эфталиты, которые создали впоследствии государственное объединение, состоявшее из конгломерата мелких владений, раскинувшихся на былых землях кушан. Очень интере-

сен вопрос о происхождении эфталитов, которых называли в источниках «белыми гуннами». По одной из теорий, первоначальная родина эфталитов находилась в Бадахшане, по другой — на территории Бактрии-Тохаристане. Даже язык эфталитов вызывает споры. Одни ученые, опираясь на источники, считают его восточноиранским, другие связывают эфталитский язык с тюркским. Очень мало известно и о политической форме их правления. Известно только, что эфталиты жили как в городах и оазисах, так и вне их, занимаясь скотоводством. Судя по археологическим материалам, эфталиты не мешали местным жителям развивать свои культурные традиции. Источники же донесли до нас сведения о жестоких войнах, которые эфталиты вели против сасанидского Ирана, конечно, в эти войны вовлекались и тохаристанцы.

В VI веке на Алтае складывается новое государственное образование — Тюркский каганат, который очень скоро распространяет свое влияние на Монголию, а затем создается огромная кочевая империя, раскинувшаяся от Кореи до Причерноморья, в том числе и на Среднюю Азию. Борьбу эфталитов, включавших в свое войско тохаристанцев и тюрков, красочно описал Фирдоуси. В 60-х годах VI века н. э. эфталиты были разгромлены и вскоре их государство перестало существовать. От войны жестоко пострадало население Средней Азии, о чем пишет великий поэт:

«В Чаче, Тереке, Самарканде и Сугде
Много (мест) было разорено и стало
Местопребыванием сов.
Для жителей Чаганиана, Бами, Хутлана и Балха
Для всех их наступили дни черные и горькие»¹.

Таким образом, мы видим здесь названия областей Тохаристана: Чаганиана (нижнее течение реки Сурхандарья) и Хутлана (область, заключенная между реками Вахшем и Пянджем). В Гиссарской долине существовало еще владение Шуман (Суман), столицу которого некоторые исследователи помещают в район современного Гиссара, и Вашгирд, вполне уверенно установленный около Файзабада.

Новые завоеватели, как уже это было не раз в истории Бактрии-Тохаристана, постепенно растворились в массе месг-

¹ Цит. по: А. М. Беленицкий. Историко-географический очерк Хуталы с древнейших времен до X в. н. э. — Тр. Согдийско-Таджикской археологической экспедиции, т. I. Материалы и исследования по археологии СССР, № 15. — М.; Л., 1950, с. 112.

ных жителей и во многом переняли их образ жизни. Вплоть до арабского завоевания здесь существует и развивается «среднеазиатско-тюркский «синтез» (Б. Г. Гафуров). Оставаясь в основе кочевниками, тюрки-ремесленники и еще более их зная оседают в городах, последние становятся правителями отдельных областей, высокоразвитое ремесленное производство (особенно оружие, украшения), некоторые черты быта проникают в тохаристанскую среду. Но в материальной и духовной культуре преобладают традиционные восточно-иранские направления.

Хорошо охарактеризовано это сложное и драматическое время в книге Б. Г. Гафурова: «Буферное государство эфталитов, борьба с тюрками и их последующее господство, вторжения сасанидских войск, внутренние мятежи и войны — все это делает историю Тохаристана чрезвычайно сложной»¹.

В Тохаристане, особенно в северной его части, имеется немало археологических памятников раннего средневековья, однако изучены они совсем неодинаково. Так, наиболее детальные исследования проводились в долине Вахша и в нижнем течении Сурхандарьи, памятникам этих двух районов посвящены фундаментальные исследования². А вот в Гиссарской долине и в Хуттале (Хатлоне), хотя и известно немало тепе и городищ этого времени, больших раскопок пока не проводилось. Особый археологический интерес представляют, конечно, буддийские монастыри. Именно здесь сосредоточиваются особенно большие художественные ценности. Источники сообщают, что в 7-м веке в столице Тохаристана — Балхе была сотня монастырей, в Термезе — около десятка, в Кобадiane — три, а в Шумане — два. Даже на далеком Памире — в Вахане имелись буддийские монастыри, в которых жили монахи. В последние годы сотрудник Института истории, археологии и этнографии М. М. Муллоканов обнаружил и раскопал небольшой буддийский монастырь — Хишттепе, неподалеку от Ховалинга. Это самый восточный буддийский монастырь в Тохаристане, который, по всей очевидности, создан монахами, бежавшими из областей, уже подвергшихся нападению арабских войск.

Наиболее известным и значительным буддийским памятником Тохаристана, да и всей Средней Азии, является уже упоминавшийся выше монастырь Аджинатепе, который раскапывался в 1960—1975 гг. Б. А. Литвинским и Т. И. Зеймаль. Трудно даже перечислить все замечательные находки, которые дал этот широко известный во всем мире памятник.

¹ Б. Г. Гафуров. Таджики... с. 225.

² Б. А. Литвинский, В. С. Соловьев. Средневековая культура Тохаристана. — М.: Наука, 1985.

Рис. 10. Аджинатепа. Голова знатной женщины. Глина. Раннее средневековье.

Длина прямоугольника, который образуют стены монастыря — 100 м, ширина — 50 м. Монастырь делится на две части: монастырскую, где жили монахи, проводились собрания, на которых не только разбирались мирские насущные для них вопросы, но и беседы, диспуты на богословские или философские темы. Здесь же велась торговля святильниками, необходимыми для священной церемонии — прадакшины. Эти церемонии проводились на храмовой половине, где находились помимо разнообразных скульптур Будды и его спутников — бодисатв, огромная, лежащая на боку статуя Будды в Нирване — в наивысшем религиозном экстазе, к которому должен стремиться каждый буддист¹. Это одна из наиболее крупных глиняных статуй Будды в мире, ее длина около 12 м.

Вот так описывается торжественная процессия паломников-буддистов в монастыре Аджинатепе (конечно, мы не знаем, как в действительности назывался этот монастырь в раннем средневековье, но что буддистами была большая часть населения Тохаристана, есть все основания верить).

«Во дворе храмовой половины высился мощный массив ступы. С четырех сторон двухмаршевые лестницы с перилами круто поднимались вверх — к подножию полусферы. А если поднять глаза выше, то можно было увидеть семь зонтиков — навершие ступы. Монахи и верующие миряне совершали вокруг ступы ритуальные обходы, различные пожертвования. Ступа — самая священная часть монастыря, поэтому она и украшалась иначе... Затем совершая обряд прадакшина, процессия совершала обход помещений ограды... Помещения были освещены слабо; узкие снопы света, проникающие из проемов, рассеивались, и верхняя часть Г-образных коридоров, как и их стенки, утопали в полумраке. Группы молящихся несли светильники — много светильников, и их колеблющееся пламя создавало причудливую подсветку, выхватывая из глубины детали росписей, которые сверху донизу покрывали стены коридоров. Это были крупные медальоны с изображением Будды, их окружали другие, меньшие изображения. А на стене, противоположной двору, перед нами проходила история духовной жизни Будды, но не в виде последовательной картины, а словно вереница отдель-

¹ Поскольку буддисты верили в перерождение любого живого существа после смерти, а жизнь для буддистов — это страдание, Нирвана «...это достижение полного небытия, то состояние, при котором «перерождения — страдания» прекращаются». См. А. Н. Кочетов. Буддизм. — М.: Наука, 1965, с. 68.

ных кадров: это скульптурные изображения сидящих будд в нишах»¹.

Просим прощения у читателей за длинную цитату, но она уж очень красочно и четко показывает картину и содержание священной церемонии буддистов.

Вторым крупным памятником раннего средневековья в Вахшской долине является Кафыркала, расположен он на юго-западной окраине г. Колхозабад и поэтому В. С. Соловьеву, который ведет здесь раскопки, пришлось повоевать с городскими властями, неоднократно пытавшимися устроить прямо здесь, на древнем памятнике городскую свалку.

А вообще Кафыркалу археологи раскапывают (с небольшими перерывами) с 1956 г. И неудивительно — это столичный город, центр Вахшской долины в эпоху раннего средневековья, который авторы упоминавшейся выше монографии подразделяют на тохаристанско-эфталитский период (конец 5 в. — конец 6 в.) и тохаристанско-тюркский (конец 6 в. — середина 8 в.), удачно сопоставляя разнообразный археологический материал с данными исторических источников. Город очень хорошо виден в рельефе. Его стены, укрепленные боевыми башнями, представляют собой правильный четырехугольник со сторонами длиной по 360 м каждая. Над городом возвышалась цитадель, современная высота которой 12 м. Город занимал площадь около 12 га. С запада на восток проходила главная улица, от нее отходили улочки, связывающие между собой жилые массивы. За стенами города был пригород, населенный бедным людом, который в случае опасности мог искать защиту за мощными стенами города.

Раскопки Кафыркалы дали чрезвычайно богатый материал, рисующий многие стороны жизни, материальной и духовной культуры раннего средневековья. А для Южного Таджикистана это наиболее подробно изученный раннесредневековый археологический памятник. Особенно много он дал для изучения архитектуры этого времени и ее местных особенностей, особенно парадных помещений, поскольку здесь тщательно вскрыта и самым подробным образом изучена цитадель городища. Много дал памятник и для понимания принципов фортификации — оборонительной системы города.

По количеству находок Кафыркалу нельзя сравнить с одновременным этому памятнику Пенджикентом, правда и масштабы раскопок разные. Но тем не менее имеется достаточно

¹ Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. Аджина тепе.—М.: Искусство, 1971, с. 134.

интересный набор тохаристанской керамики, предметов вооружения, украшений. Заметна небольшая, но значимая по своему содержанию коллекция предметов искусства. Это настенная живопись, сохранившаяся, к сожалению, лишь фрагментарно, но показывающая тем не менее явно буддийский ее характер, а также интересные образцы коропластики — отпечатков, сделанных по сырой глине на плитке, затем обожженной. Такие плитки образовывали, по-видимому, пояс или заполняли какое-то пространство интерьера. Большое впечатление производит керамическая плитка размером 40 × 22 см, на которой превосходно выполнена сцена охоты на горного барана. Всадник, скачущий на лошади, натягивающий большой специфически «сасанидский лук», готовясь пустить меткую стрелу в убегающее животное, для большего эффекта выразительности повернутое в анфас к зрителю. Эта плитка дает представление не только об одежде, но и о вооружении всадника. На другой такой плитке (видимо, медальоне) изображена охота на льва. Лев вспрыгнул на лошадь и терзает ее, всадник в ужасе повернулся лицом к хищнику, пытаясь поразить его кинжалом. Очень важны находки письма брахми, первоначально оно было нанесено на бересту черной тушью, но до нас дошло, так сказать, в «отраженном» виде, отпечатавшись на поверхности глины, на которую береста попала. Это, к сожалению, небольшие фрагменты. В. А. Лившиц установил, что перед нами отрывки буддийских религиозных текстов. Рукопись была привезена из Северной Индии или из Центральной Азии. В буддийском святилище Кафыркалы была найдена надпись на штукатурке, выполненная уже местным, бактрийским письмом, которое существовало в Тохаристане вплоть до прихода арабов в Среднюю Азию.

Площадь, на которой можно производить раскопки на Кафыркале, еще огромна. Перед нами еще долгие, долгие годы работ на этом замечательном памятнике раннесредневекового Тохаристана, и только следующему поколению археологов может быть суждено увидеть завершение этих исследований.

Третий крупный памятник раннего средневековья в Южном Таджикистане находится совсем недалеко от границ Гиссарской долины — в среднем течении реки Кафирниган, неподалеку от кишлака Эсамбай Ленинского района. В отличие от столичного города Кафыркалы — это был в древности небольшой город, как бы мы сейчас сказали, «райцентр». Раскапывался этот объект в 1974—1980 гг. под руководством Б. А. Литвинского. Городище имеет форму неправильного треугольника площадью 3,5 га. Поселение здесь возникло еще в кушанское время во 2—3 веках н. э., но раскапывался в основном верхний слой —

6—8 вв. н. э. Имеется отдельная от шахристана цитадель, но раскопки сосредоточились главным образом на двух важнейших объектах города — большом богатом доме, который мог быть домом местного правителя, и небольшом буддийском храме, вернее городском святилище. В первом случае раскопками было вскрыто большое четырехугольное помещение, охваченное кольцом коридоров. По краям имелась двухъярусная суфа и возвышение типа «эстрады». Деревянное перекрытие было украшено затейливой резьбой, преобладает мотив виноградной лозы, на стенах резные деревянные панели.

Буддийский храм-святилище с двумя выходами, расположенными на одной оси, богато украшен глиняными скульптурами и настенной росписью. Сохранился сравнительно большой участок живописи на стене в два яруса. Особенно интересен нижний ярус: на красном фоне 4 фигуры — три из них идут направо и держат в руках цветы, четвертая фигурка, также с цветами, изображена коленопреклоненной. Очень хорошо видны богатые одежды персонажей.

На запад от Гиссарской долины, в области древнего Чаганиана, куда бежал разбитый турками у стен Бухары несчастный эфталитский царь Гатифар, от Термеза до Денау имеется ряд первоклассных раннесредневековых памятников хорошей сохранности. Из них наиболее известен Балалыктепе, прославившийся замечательными настенными росписями, и Зангтепэ, где были найдены санскритские рукописи буддийского толка, написанные письмом брахми.

Большой знаток археологии Гиссарской долины научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Т. М. Атаханов, работающий в Гиссарской долине с 1967 г., недавно закончил многолетнее исследование — «Археологическая карта Гиссарской долины», в которой учтены и ранжированы все известные на сегодняшний день археологические памятники. По его подсчетам, следы жизни в раннем средневековье зафиксированы на 100 тепе, городищах или поселениях. Приходится пожалеть, что до сегодняшнего дня ни одно из них (Душанбе не в счет, об археологических памятниках города читатель узнает из следующих глав) не подверглось широкомасштабным раскопкам.

А раскапывать здесь есть что! Хотя в районе Шахринау, как это уже говорилось, преобладают кушанские памятники, на многих из них, как, например, Узбеконтёппа, Кемпиркала (около ж./д. станции Айни) и, конечно, в ряде других мест, кушанские слои перекрываются горизонтами раннесредневекового времени. Нет сомнения в том, что в Гиссарской долине в 5—

8 вв. н. э. людей жило значительно больше. По всей очевидности, существовало много замков местных правителей, к которым «жались» небольшие крестьянские дворы или маленькие селения. Еще М. М. Дьяконов отметил, что замки мелких владетелей стоят на высоких мысах, у выхода речных систем в большую долину. Они запирают плодотворные земли предгорий, контролируя распределение живительной влаги на расположенные ниже поля. Ведь, как говорят, в знойной Средней Азии «кто владеет водой, тот владеет всем».

Китайские источники, а также арабские дорожники IX—XI вв. н. э. сообщают, что между Чаганианом, который уверенно локализуется в районе современного Денау, и Вашгирдом (Файзабад), как мы уже отмечали выше, было два владения: на западе, ближе к Чаганиану Ахарун (о нем Сюань Цзянь не упоминает) и Шуман. С 1946 г. (исследования Кафирниганского отряда под руководством М. М. Дьяконова) археологи пытаются найти главные города этих владений, но пока неудачно. Одни помещают Шуман в районе современного Гиссара, чему нет достаточных подтверждений чисто археологического порядка, другие предполагают, что город располагался на территории современного Душанбе. Есть еще и предположение, что Шуман — это Калаи Шодмон, в нескольких километрах восточнее Кофирнихона. А может быть прав М. М. Дьяконов, высказавший, хотя и в порядке гипотезы, такое предположение: слово шодмон — радостный, веселый, может быть переименованное, переосмысленное старое тохаристанское Шуман. Тогда можно считать, что Хисори Шодмон (Гиссарская крепость) — шуманская крепость на западе, а Калаи Шодмон — (шуманское укрепление) — на востоке, так в раннем средневековье обозначалась западная и восточная граница области Шуман. Что же, такое объяснение вполне имеет право на существование. Но скорее всего, открытие Ахаруна и Шумана еще впереди и очень хочется, чтобы оно состоялось как можно скорее.

Калаи Шодмон впервые исследовалась М. М. Дьяконовым в конце 40-х годов. Правда, до него здесь работал краевед В. Р. Чейлытко. Материалы его работ не опубликованы, однако стало известно, что именно на этом памятнике В. Р. Чейлытко применил (к счастью, его опыт остался единственным!) совершенно небывалый для археологии всех времен метод — он подорвал часть обрыва, в котором вплоть до настоящего времени обнажаются культурные горизонты. Последние после взрыва сползли в сай, а «новатор» от археологии выбрал какое-то количество черепков, интересующих его. Археология знает методику выброса стерильной породы, перекрывающей куль-

турный слой для того, чтобы добраться до последнего. Такие взрывы, например, применялись при раскопках Волгоградской палеолитической стоянки на Волге и у нас на стоянке Каратау в Яванском районе. Но чтобы так, по живому, поднять вверх культурный слой памятника, такого, естественно, в практике настоящих археологов быть не может. Памятник этот изучался еще в 1978 г. Т. М. Атахановым и В. В. Радилиловским. Но основные раскопки на Калаи Шодмон проведены в 1979 г. Б. А. Литвинским и В. С. Соловьевым. Обнаружено 4 разновременных горизонта, среди которых и интересующий нас в данном случае раннесредневековый. Здесь наиболее массовым материалом является разнообразная керамика, типичная для Тохаристана, но самым значительным открытием был крупный (140 × 125) см) фрагмент настенной живописи. Левую часть рисунка занимает фигура сидящего мужчины в богато украшенной одежде, полностью не сохранившейся, и часть наборного пояса на нем. Мужчина сидит на фоне узорного ковра фиолетового цвета. Рисунок, по мнению опубликовавших его исследователей, имеет широкие аналогии и выполнен в традициях и приемах тохаристанской монументальной настенной живописи.

Еще одна группа раннесредневековых памятников зафиксирована в Гиссарском хребте в урочище Харкуш в верховьях реки Ширкент на высоте 2300 м над у. м. Обнаружено горное или, можно сказать, сельское поселение, состоящее из двух объектов, и могильник, принадлежащие к раннему средневековью. Здесь же открыт и металлургический комплекс — плавка железа, явно связанный с данным объектом. Раскопки здесь ведутся с 1980 г. В. В. Радилиловским, к которому позднее присоединился В. С. Соловьев. Особенно интересно одно из поселений, расположенное на конусовидной террасе с крутыми склонами. Стены вскрытых помещений выложены из крупных камней и каменных плит (настоящий горный дом!). Применялся в строительстве и кирпич. Среди находок интересна керамическая печать с изображением равностороннего креста и бронзовая ухвертка (была и такая туалетная принадлежность у древних), увенчанная полуобнаженной женской фигуркой.

В разных местах приходится работать археологам! В жаркой приамударьинской пустыне, где от песка или камней, рассыпанных на речной террасе, нестерпимо пышет жаром, а мутное, затянутое пылевой вуалью небо кажется горячей печкой. И на высокогорье Памира, когда снег покрывает землю, а палатки дрожат от напора сильного ветра. Иногда в однообразной степи, и непосредственно в кишлаках, но, положив руку на

сердце, очень редко нам выпадает удача работать в таком красивом месте, как здесь — среди альпийских лугов, в зоне арчовника, на берегу кристально чистой реки, в свежести и прохладе высокогорного лета. Совсем вроде бы рай, но и здесь археологов поджидают немалые сложности. Добраться сюда можно двумя дорогами, одинаково сложными. Одна ведет вверх по Каратагдарье, а затем тропа сворачивает на запад и нужно преодолеть два перевала, чтобы выйти к цели. А если учесть, что большую часть времени на раскопках участвовали школьники Малой Академии Республики, то можно себе представить как нелегко приходилось их руководителю В. В. Радилиловскому провести ватагу ребятишек сложной горной тропой. Другая дорога ближе и она выводит путника в Гиссарскую долину значительно быстрее, но эта тропа даже не для всякого туриста — она идет вдоль реки, часто по осыпям, а в узких местах, когда реку сдавливают скалы, превращая в бешенно мчащийся шумный поток, тропа взлетает на обрывы, змеится над пропастью. Здесь, конечно, нужен определенный опыт и мужество, чтобы преодолеть трудные участки пути. Продукты забрасывают в Харкуш вертолетом. А он прилетит сюда еще только один раз — чтобы вывезти лагерь. Поэтому в конце раскопок приходится экономить каждый сухарик, каждую ложку сахара. А что уж говорить о курящих?! Лучшего места для того, чтобы бросить курить и не придумашь! Жаль только, что статистики по этому поводу пока не имеется!

Но мы еще не рассказали о Харкушском раннесредневековом могильнике. Таких могильников в Тохаристане не так уж мало — они обнаружены во многих местах — около Кафыркалы, недалеко от Гиссара, в низовьях Сурхандарьи и даже в далеком Ляхше. Во время раскопок древних погребений 6—7 века отряд таджикского археолога Ю. Я. Якубова нашел превосходно сделанную серебряную чашу, на дне которой комбинированно приемом чеканки и гравировки изображена молодая полуобнаженная женщина, стоящая на берегу водоема, среди золотых лотосов и виноградных лоз с кистями винограда. Женщина богато украшена, с ее плеч ниспадает длинный шарф.

Могильник Харкуш располагается по соседству с поселением. Его жители занимались плавкой железа. Всего вскрыты 33 погребения. Хоронили в грунтовых ямах, в подчетыреугольных могилах, стенки которых выкладывались каменными плитами. Наблюдается определенный стабильный обряд: захоронение производилось на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Погребенного в далекий путь сопровождали положенные в могилу сосуды, оружие, украшения. В одном слу-

чае по старой греческой традиции в рот покойной была положена монета, которую нужно заплатить перевозчику Харону за пересечение реки, ведущей в царство мертвых. С какими-то верованиями связана и находка в одной из могил железного ключа. Есть все основания предполагать, что могильник Харкуш оставлен местным населением — тохаристанцами, тогда в Ляхше хоронили своих покойников эфталиты, а в Бешкентской долине могильник принадлежал хионитам. Тохаристанские раннесредневековые могильники дополняют наши представления о религиозных верованиях этого времени, когда рядом, мирно уживаясь, сосуществовали буддизм, зороастризм, манихейство и христианство.

Раздел о раннем средневековье в Гиссарской долине закончим рассказом об уникальных находках настоящих шедевров искусства этого времени, сделанных золотыми руками средневековых металлургов. Как это часто бывает в археологии, предметы, о которых пойдет речь, были найдены случайно. Но это справедливо только для первых двух из них, которые через местных жителей со многими приключениями были разысканы неутомимым Таджиматом Мансуровичем Атахановым. Это были две бронзовых статуэтки — горного козла и зебувидной коровы, найденные при земляных работах в кишлаке Дара Ленинского района. Заслугой археолога было не только это, но и то, что он сразу вспомнил о симметрии царских тронов в Средней Азии и предпринял новые энергичные поиски. И это же, фигурок действительно оказалось четыре!

Статуэтки совершенно одинаковых горных козлов-кииков более крупные, их высота около 1 м. Изображения слегка схематизированы и имеют непропорционально длинные ноги, высокую, изящно изогнутую шею, маленькие, слегка отведенные назад уши, большие, хорошо моделированные глаза, напряженные ноздри. Заметна крупная стилизованная борода и четко переданные возрастные кольца на высоких, слегка загнутых назад рогах.

Зебувидные, с типичным горбом на спине коровы значительно меньше по размерам. Они выполнены в более реалистической манере. У них большие лирообразные рога, четко переданная шерсть на шее, большие уши, детально моделированные глаза и удлиненная морда. Очень детально выполнены и копыта животных. Все четыре скульптуры полые внутри и сделаны с большим мастерством. Это не полные фигуры, а только передние части животного: морда, передние ноги и примерно одна треть туловища. Специальные каблучки на ногах и шты-

Рис. 11. Бронзовые скульптуры из Семиганча.

ри в туловищах, безусловно, служили для скрепления скульптур с деревянной основой трона.

Зооморфные троны зафиксированы на многих монетах и произведениях искусства Средней Азии. Обычно они были деревянными, типа обычной скамейки, ножками для которых служили фигуры животных, помещенные в фас или, чаще, в профиль симметрично по обеим сторонам. Данные нумизматики и археологии показывают, что животные, украшавшие троны, были разными. Это прежде всего львы, затем кони, крылатые верблюды, леопарды, а также дикие козлы, бараны и даже птицы (орлы). Описанные выше фигурки козлов очень близки

к подобным животным на известном фрагменте росписи грота Духтари-Нуширван в Северном Афганистане (5 век н. э.), где фигура правителя изображена на троне, по двум сторонам которого изображены опоры в виде двух горных козлов, повернутых в разные стороны.

Гиссарская долина в эпоху средневековья. На обломках древней культуры возникает новая

Средневековье, которое археологи обычно подразделяют на развитое 9—12 века и позднее, после монгольского завоевания, охватывающее 13—18 века. Это наименее археологически изученный период в Гиссарской долине, хотя по подсчетам Т. М. Атаханова, здесь зафиксировано не менее 150 памятников этого времени. Во всем Южном Таджикистане раскопанные памятники этого периода единичны, а широкомасштабные раскопки проведены лишь на одном из них — Хульбуке. Почему так получается? По всей очевидности, здесь играют роль по меньшей мере два неблагоприятных фактора: во-первых, большинство из имеющихся памятников многослойны, поэтому археологи стараются раскапывать нижние слои, дающие, как правило, более интересный и более эффектный материал, не сосредоточивая свое внимание на «рядовом» средневековом горизонте. Во-вторых, несмотря на общее развитие, которое прослеживается в средневековой Средней Азии, больших или, скажем, заметных городов в Южном Таджикистане было меньше, чем в предшествующий период (или мы их просто хуже знаем?), а археологи копают, как правило, наиболее значительные, известные и соответственно обещающие больше находок и открытий археологические памятники. Это можно видеть и по количеству научных сотрудников отдела археологии Института истории археологии и этнографии им. А. Дониша, где «чистым» развитым средневековьем занимается лишь один человек.

История завоевания арабами Средней Азии, полная драматических моментов, отчаянной борьбы против грозных пришельцев, жестокости и коварства и, наоборот, мужества и преданности своей Родине, достаточно подробно освещена во многих книгах и в первую очередь в упоминавшемся фундаментальном труде Б. Г. Гафурова «Таджики». Поэтому мы сейчас только напомним основные вехи этого периода, как и последующие этапы средневековой истории, ориентируясь, как и раньше, на интересующий нас в данном случае регион.

Овладев в 651 г. Мервом, арабы через 16 лет совершают

первый набег на Тохаристан, нанеся, таким образом, удар по эфталитскому государству.

В 705 г. наместник Хорасана Кутейба ибн Муслим начал планомерное завоевание Мавераннахра. Борьба в Тохаристане проходила с переменным успехом, широкую известность получило, например, поражение арабского наместника Асада ибн Абдаллаха от объединенных войск хутталянского наместника и тюрок в 725 г., но в 737 г. он вновь вторгается в Хутталей. Еще раньше арабы овладели Чаганианом и Шуманом. Наступило время нового иноземного завоевания, еще более жестокого и тяжкого, чем предшествующие. Б. Г. Гафуров пишет о том, что населению Средней Азии принесло арабское нашествие: «Пришельцы разграбили захваченную ими страну, принудили ее жителей принять новую веру, преследовали культуру и обычаи покоренных ими народов. Не довольствуясь богатствами, захваченными при взятии городов, завоеватели взымали с местного населения многочисленные поборы, обязывали его снабжать своих новых господ рабами, рабынями, скотом и хлебом...

В покоренных областях арабская знать захватила лучшие земельные угодья, ирригационные сооружения, обложила города данью...»¹.

Решающее значение для смены культурной основы тохаристанцев сыграла религиозная нетерпимость арабов. Безжалостно разрушались буддийские монастыри, храмы согдийской синкретичной религии, выкорчевывались остатки зороастризма и других религиозных верований, успешно прошедшая исламизация сделала священным арабский язык. К тому же арабский язык становится языком науки для огромных территорий, простиравшихся от Гибралтара до Индии. Постепенно на развалинах старых религий и цивилизаций возникает новая мусульманская культура народов халифата, которая, конечно, не являлась собственно арабской культурой, но была результатом соединения, синтеза творческих достижений народов его населивших, в том числе и народов Средней Азии.

Включение Средней Азии, и в том числе земель бывшего Тохаристана, в арабский халифат с точки зрения исторической перспективы имело и положительное значение, оно безусловно послужило развитию новых, уже чисто феодальных отношений, но еще — и это кажется самым главным — способствовало консолидации среднеазиатских народов, вело к созданию новых среднеазиатских государств. Так, в 10 веке создано просуществовавшее около 100 лет государство Саманидов, способст-

¹ Б. Г. Гафуров. Таджики. — М.: Наука, 1972, с. 317.

вовавшее появлению на исторической сцене таджикского народа, сформировавшего свое государство с соответствующими границами, свою столицу, которой являлась Бухара и свой таджикский язык.

После падения государства Саманидов его территорию вновь захватывают различные тюркские династии: газневидов, сельджукидов, караханидов и таджикская династия гуридов, к концу 12 века присоединившая к своему государству области Вахша, Чаганиан, Шугнан и Вахан.

Это было время непрерывных феодальных войн и поборов, от которых жестоко страдало местное население. Но вместе с тем 10—12 века — это время строительства больших городов, развития раннего этапа средневековой мусульманской архитектуры Средней Азии, давшей такие бессмертные высокохудожественные образцы, как мавзолей Саманидов в Бухаре, мавзолей Арабек-Ата в Тиме близ Самарканда, колонны резного дерева и михраб из кишлака Искодар на Зеравшане и многие другие. Высокого уровня достигло ремесло, особенно керамическое, ювелирное, превосходной была металлическая посуда, покрытая тончайшим узором и причудливой вязью арабских или таджикских надписей.

Как мы увидим дальше, Хутталь и, наверное, в меньшей степени Вахш, были в это время процветающими богатыми и заселенными областями. Но вот каким был Гиссар, сказать трудно, пока что сколько-нибудь значительного памятника раннего средневековья здесь не изучено. Поэтому мы расскажем о раскопках только одного памятника — Хульбука, который в 9-начале 12 вв. был столицей Хутталя, самостоятельного владения, занимавшего территорию Кулябской группы районов. Хульбук — один из самых крупных археологических объектов Таджикистана, и раскапывается он почти без перерыва начиная с 1953 г. вот уже на протяжении более 30 лет. Городище Курбан-Шейд — столичный город Хульбук, расположен в 7 км на северо-запад от районного центра Восе (Хатлонская область): Автор настоящей главы увидел это городище еще незастроенным, как сейчас, так сказать в первозданном виде еще в 1952 г., а в 1953 г. в составе Хутталянского отряда (начальник Б. А. Литвинский) принял участие в первом полевом сезоне раскопок этого замечательного памятника.

Незабываемая картина средневекового города открывалась взору с цитадели, возвышающейся над полотном современной дороги на 15 м. Прямо от подножия цитадели в юго-западной части городища почти до самого берега реки Сурхоб (Кизыл-

су) видны были небольшие холмики, образывавшие правильной формы прямоугольники или квадраты — кварталы былых домов. В обрезах современных ям или канав встречались средневековая керамика, жженные кирпичи фундамента и стен. Можно было проследить улицы и площади некогда большого, полного жизни города. Но археологам пришлось сосредоточить свои небольшие средства на раскопках цитадели, на которой с 1957 г. трудится сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Э. Г. Гулямова. На исследование памятника уходят годы, да это и немудрено — длина цитадели 150 м, ширина — 50, а о высоте уже говорилось. Здесь не место для подробных описаний раскопок в Хульбуке. Скажем только, что это был большой дворец правителя Хутталя, который дважды перестраивался, очевидно, после пожаров, разрушений, причиненных ему очередными завоевателями. В первом периоде центром дворца являлся большой двор с хаузом, пол двора был выложен жженным кирпичом, образующим прямо-таки паркетные узоры. Вокруг двора — целая система помещений, с открытыми к центру айванами, стены которых были украшены резным шtukом и рисунками.

А второй период строительства совершенно иной планировки: два длинных коридора образывали крест, в его квадратах располагались помещения.

В одном из научных изданий сказано, что Хульбук и Сайед (памятник развитого средневековья в Московском районе) — это художественная сокровищница таджикского народа. Совершенно правильно — раскопки в Хульбуке принесли столько открытий, столько великолепных, часто уникальных предметов искусства, что их изучением будет заниматься не одно поколение археологов, архитекторов, искусствоведов. Назовем только отдельные из них. Прежде всего это резной шtuk, украшавший дворец правителей Хутталя. Здесь найдено около 5 тыс. различных по размерам фрагментов шtukа, которые иногда собираются в целые панели. Шtuk — это резьба по ганчу, она производится в Средней Азии и по настоящий день — резьбой по ганчу украшаются многие общественные здания в Душанбе. Но трудно найти аналогии для многочисленных мотивов резьбы в хульбукском шtukе, где удивительным образом сочетаются геометрический, растительный, эпиграфический и зооморфный мотивы, да еще в сочетании с умелым использованием красочного фона, подобранного с большим мастерством. Кроме шtukа использовался и фигурный кирпич, а некоторые надписи как реальные, т. е. смысловые, так и орнаментальные обжи-

Рис. 12. Цитадель Хульбука. Колонна из резного штукатурки. Развитое средне-вековье.

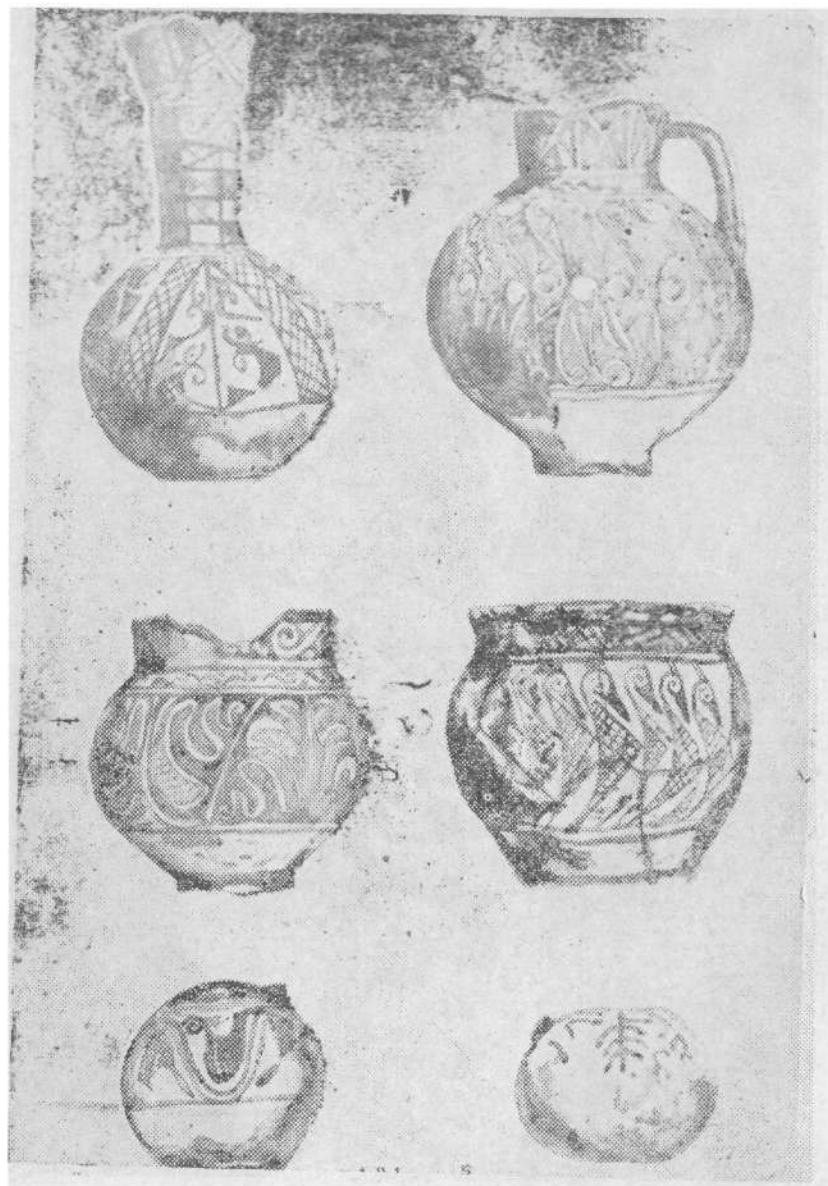

Рис. 13. Средневековые расписные сосуды из Кокташского городища и городища Мавлано.

гались точно так же, как и кирпичи, а потом складывались в смысловую надпись. Самыми удивительными являются восстановленные (частично — «вычисленные») художником В. Н. Бажутиным надписи на михрабе самой ранней из известных нам мусульманских мечетей в Южном Таджикистане, построенной в цитадели Хульбука и датированной рубежом 10 — серединой 11 вв. По краям михраба надписью в стиле куфи на штуче вырезана 41 сура Корана. Еще одна сура Корана была вырезана на кирпичах главного портала — у входа во дворец. Очень интересно, что в мечети можно проследить, как уже в новых, привнесенных извне традициях орнаментального искусства, характерного для ислама, сохраняются старые традиции изображения живых существ. Так, на западной стене около михраба на штуче с большим мастерством и экспрессией вырезаны фигуры разнообразных животных: горных козлов, гепардов, хищников, напоминающих волков. Любимой темой резчиков хульбукского штуча был лев.

Старой традиции раннего средневековья принадлежат и настенные рисунки, но в отличие от рисунков Аджинатепе и Калаи Кафирниган здесь они имеют светское содержание.

Как отмечает в своих работах Э. Г. Гулямова, полихромная настенная живопись присуща обоим периодам жизни дворца. Фрагменты живописи встречаются в парадных и жилых помещениях и на стенах внутренних дворов.

Особый интерес имеют два фрагмента с изображением людей. Это рисунок юноши-воина с палицей в руке, который очень напоминает, по мнению автора раскопок, изображение воинов на стенах дворца газневидских правителей в Лашкари Базаре (Афганистан) и изображение музыкантов. Палитра средневекового художника была полихромной — использовалась очень яркая, сочная синяя, коричневая, зеленая, желтая и другая краска. Мужчина и женщина с музыкальными инструментами в руках сидят под стрельчатыми арками в полуобороте к зрителям. Мужчина играет на арфе. Женщина, богато одетая и украшенная — на смычковом инструменте — рубабе. Не приходится говорить о большом значении этого рисунка для истории средневековой музыки¹.

Раскопки в Хульбуке дали также богатейшую коллекцию разнообразной керамики, в том числе с поливой. Немало найдено фрагментов чаш с надписями и имитацией надписей, украшенных затейливым орнаментом «караханидских» блюд. Пре-

¹ Э. Г. Гулямова. Музыкальные инструменты в живописи Хульбука. — Изв. АН ТаджССР, Отд. общ. наук, № 4(122), 1985, с. 95—96.

восходной коллекцией представлены стеклянные изделия. Есть изделия из металла. Хорошую коллекцию составляют монеты.

Разнообразные и богатые материалы раскопок Хульбука показывают нам, какой была культура развитого средневековья в Южном Таджикистане. Совершенно очевидно, что таким же был и уровень жизни в Гиссарской долине, хотя, конечно, здесь необходимо сделать поправку на то, что Хульбук был столицей большого, процветающего владения, а в Гиссарской долине в это время существовали куда более скромные замки и поселения сельского, а не городского характера. Известно, например, что хотя владельцы Ахаруна и Шумана с конца 9 века перешли под верховную власть Саманидов, однако здесь фактически существовали полунезависимые местные владельцы — не этим ли фактором можно объяснить менее значительную экономическую роль, которую играла Гиссарская долина по сравнению с Хутталем. Отсюда и меньшей значимости поселения и городища. Правда, как мы уже говорили ранее, средневековые памятники долины довольно слабо изучены.

Так, явно недостаточно изучено крупное городище Узбеконтепа, где присутствуют средневековые слои. Неясно еще значение пока немногочисленных находок этого времени в Гиссаре, ведь по некоторым расчетам здесь мог находиться главный город владения Ахарун.

Безусловно, очень крупное городище, вернее несколько городищ развитого средневековья существовало на месте современного поселка Ленинский. К сожалению, Т. М. Атаханову, который занимался изучением этого района, пришлось столкнуться с большими, а зачастую непреодолимыми трудностями. На наших глазах большая часть территорий археологических памятников была застроена, разрушена при строительстве новой автомобильной дороги. А раскопки, проведенные в районе фабрики «Упаковка», дали превосходные образцы средневековой поливной керамики, способной украсить экспозицию любого музея. Здесь также вскрыто основание средневековой усадьбы, разрушенной при рытье котлована под строительство здания. Найдены и два замечательных бронзовых светильника, украшенные тонкой гравировкой, выполненной в стиле растительного орнамента. На одном из светильников имеется надпись арабским шрифтом.

Кокташское поселение, расположенное на самой верхней террасе р. Кафирнигана, объединяет несколько известных археологам объектов. Кроме упомянутых находок в юго-западной части поселка известно большое городище с цитаделью — Чор-

гультепе. Оно имеет размеры 150×120 м и прямоугольную форму. Археологи вскрыли четыре горизонта жизни поселения, три из которых относятся к развитому средневековью — 10—13 вв. Приходится только пожалеть, что еще до исследования древний рельеф городища был уничтожен в результате планировки, а северная сторона городища срезана для выемки грунта.

Среди находок, полученных при раскопках, разнообразные изделия из железа, керамические изделия, стекло, изделия из камня. Совершенно очевидно, что масштабы раскопок, проведенных здесь, не соответствуют ценности этого археологического объекта.

На территории пос. Ленинский зафиксировано еще 5 значительных по размерам тепе — отдельных крупных усадеб. Кроме того, во многих местах поселка во время рытья хозяйственных ям в различных обрезах и зачистках найдено немало фрагментов керамики, других древних предметов, иногда попадаются и средневековые монеты. Все это привело Т. М. Атаханова к мысли о том, что, возможно, именно здесь находился один из легендарных, никак не дающихся в руки археологов городов — Ахарун или Шуман. Что же, судя по всему, гипотеза, выдвинутая таджикским ученым, вполне имеет право на существование.

Среди других памятников развитого средневековья в Гиссарской долине можно еще упомянуть большое городище в кишлаке Рохаты, средневековое тепе в Семиганче и два довольно крупных объекта недалеко от Орджоникидзеабада на левом берегу реки Иляк: Чуг-Мазар и Джартепе.

К развитому средневековью относится и архитектурный памятник — мавзолей Ходжа Нахшран, сохранившийся лишь частично. Он расположен в Турсунзадевском районе и датируется 11—12 веками. Этот памятник отличается затейливым декором сохранившейся части порталов обоих имеющихся здесь мавзолеев — искусной фигурной кирпичной кладкой, арабскими надписями в стиле куфи, резными декоративными кирпичиками.

Нам остается сказать лишь несколько слов о позднем средневековье, рубежом которого служит 13 век — монгольское нашествие, принесшее разрушение и неисчислимые бедствия народам Средней Азии. Мы не знаем точной даты захвата монголами Гиссарской долины, но, очевидно, это произошло в 20-е годы 13 в., когда войско Чингиз-хана захватило Термез, овладело Балхом и полностью его разрушило. Есть также сведения, что во время осады Самарканда в 1220 г. Чингиз-хан отправил отряд Алак-Нойона на Вахш или на Куляб.

Археологам очень хорошо видны страшные результаты монгольского нашествия. Культурные слои городищ, поселений,

дворцов несут следы пожаров и разрушения, прошло немало времени, пока наступил новый подъем экономики, ремесла, денежного обращения, архитектуры и искусства, произошедший уже в государствах Тимура и Тимуридов.

Дальнейшая история связана с ростом влияния Гиссара (Хиссор), ставшего центром иногда самостоятельного, иногда полусамостоятельного феодального владения, в 1870 г. вошедшего в состав Бухарского эмирата.

Это период, нужно сказать, очень мало исследуется археологами, и это понятно, потому что для него имеется уже значительно большее, чем раньше число исторических источников, позволяющих восстановить историю края, не прибегая к лопате археолога, ведь от этого времени сохранились многие вещи, рисунки типа книжных миниатюр и др. Культурные слои позднесредневекового времени маломощные, не содержат особо интересного материала, за исключением известных мавзолеев и мечетей, выдающиеся архитектурные произведения встречаются редко. И хотя позднесредневековые слои достаточно распространены на археологических памятниках Гиссарской долины (помимо Гиссара позднесредневековая крепость имеется еще в Каратаге), более или менее подробно они изучались только в одном месте — в самом Гиссаре.

Наиболее значительные археологические работы проводились здесь в 1969—1974 гг. Т. М. Атахановым. В последние годы археологические раскопки в разных местах цитадели и на территории кишлака Гиссар осуществляются специальными научно-реставрационными мастерскими Министерства культуры Таджикской ССР (археолог П. Т. Самойлик) и Гиссарским историко-культурным заповедником (археолог Г. Г. Денишева). В результате получено представление о многослойности культурных остатков в Гиссарской крепости и вне ее и примерной площади позднесредневекового Гиссара, но, конечно, пока приходится пользоваться лишь предварительными отчетами в ожидании монографии Т. М. Атаханова, которая подготавливается к печати. Тем не менее им уже опубликованы прекрасные образцы глазурованной гиссарской керамики 14—18 вв. В данном случае хорошо видна преемственность традиций изготовления глазурованной посуды, пришедшей к нам от более ранней саманидской и особенно караханидской керамики, с одной стороны, и продолжение традиции изготовления так называемой тимуридской керамики и других приемов изготовления больших блюд, мисок, чаш в наше время, с другой.

Многие археологи, архитекторы и специалисты по реставрации занимались изучением позднесредневековых архитектур-

ных памятников Гиссара, к которым относятся ворота Гиссарской крепости, сооруженные в середине 19 в., Медересеи Кухана, датированной концом 18 — началом 19 в., Медересеи Нав, построенное через 50 лет после завершения строительства первого медересе. Более ранними памятниками являются мазар Махдumi-аъзами (16—17 вв.) и очень эффектный памятник — Масджиди-сангин (возможно 16 в.).

Перед нами все этапы истории Гиссарской долины, приведенные ниже от более древних в более молодым:

1. Палеолит	— 50—40 тыс. лет тому назад
2. Мезолит	— 10—7 тыс. лет до н. э.
3. Неолит гиссарского типа	— 6—3(2) тыс. лет до н. э.
4. Эпоха бронзы	— вторая половина 2 тыс. лет до н. э.
5. Ахеменидское государство	— 5—4 вв. до н. э.
6. Греко-Бактрийское царство	— 3—2 вв. до н. э.
7. Кушанское время	— 2 в. до н. э.—4 в. н. э.
8. Тохаристанско-эфталитское и тохаристанско-тюркское время	— 5—8 вв. н. э.
9. Раннее средневековье	— 9—13 вв. н. э.
10. Позднее средневековье	— 14—19 вв. н. э.

Как видно из этой таблицы, археологи подстраивают свою периодизацию к смене государственных образований так же, как это делают историки. Однако для каждого из этапов у нас имеются свои особенности, отраженные в археологических источниках.

Можно, конечно, создать чисто археологическую периодизацию древних вещей, которая совершенно будет независимой от царей, государств и завоевателей, но нужно ли делать такую периодизацию? Археология есть часть истории, и ее главная задача освещать тот или иной отрезок истории, заменяя или дополняя данные исторических источников. Поэтому мы и должны идти нога в ногу с историей и пользоваться общей исторической периодизацией, размещая в ней наши археологические памятники.

Немало бурь и невзгод пронеслось над Гиссарской долиной за то время, как в ней обосновались люди. Но глядя на кажущийся бесконечным калейдоскоп имен и названий народов, приходивших на эту землю, часто с мечом и огнем, нельзя забывать, что в древности и средневековье передвижение боль-

ших масс различных племен и народностей, иногда на большие расстояния, было обычным делом. Но ведь существовали большие отрезки времени — иногда целые столетия, когда наступала мирная жизнь и тогда расцветали искусство, ремесло, духовная жизнь талантливого народа, впитавшего наряду со своими собственными традициями лучшие достижения других народов, пришедших к ним издалека, или передавших мирным путем свои культурные достижения.

Как теперь принято говорить, восточно-иранский этнос, зародившийся, вероятно, еще в глубинах каменного века, но уже, безусловно, сформировавшийся в эпоху бронзы, был основным компонентом в этом кипящем котле этнических контактов и сохранил свои, исторически менявшиеся особенности вплоть до настоящего времени. Современным выражением этого этноса и является сформировавшийся в 10 в. н. э. таджикский народ.

Глава II

ГОРОД УХОДИТ В ГЛУБИНУ ВЕКОВ

У городов, как и у людей, своя судьба. Свои счастливые мгновения, свои радости и печали. И своя история, часто уходящая корнями в глубокое прошлое. Как книгу, в которой каждая страница — сотня ушедших в небытие лет, можно читать увлекательную историю многих городов нашей страны. И каждая такая страница наполнена яркими событиями, хранит следы мужества воинов, защищавших свой город, красоту женщин, лепет детей, радость возведения новых величественных для своего времени зданий и тяжелый дым пожаров города, растерзанного беспощадным врагом.

Лицо города, его характер, его традиции и, если хотите, его душа, складываются не сразу, а годами или даже веками существования города, страны, целого народа. У городов, как и у людей, свой неповторимый и ни с чем не сравнимый облик. И облик этот формирует не только окружающая природа и не только сегодняшний день как бы важен и понятен он для нас ни был, но и прошлое этого города, его районов, его кварталов, длинная череда поколений людей, населявших в древности эти кварталы.

Величественна судьба украшенного неповторимыми голубыми куполами Самарканда — ведь здесь, в этом городе, жители древней Мараканды слышали тяжелый топот ног закованной в латы греческой воинской когорты, ведомой более 2300 лет тому назад самим Александром Македонским. А стены города были возведены задолго до прихода знаменитого завоевателя. Двадцать пять столетий существует на земле город Самарканд. Такую же дату дают и славному городу на реке Сырдарье — древнему Худжанду. Две с половиной тысячи лет и седому Эребуни — современной столице Армении Еревану. Полторы тысячи лет стоит на земле колыбель древней Руси — го-

род Киев, более 800 лет Москве. И в нашей Средней Азии немало таких же старых городов, чьи вековые стены сохранились, как гордые памятники ушедшей в небытие старины — Ташкент, Бухара, Мары, наш Хульбук — столица правителей средневекового Хутталяна.

Древние, тысячелетние города и совсем юный Душанбе, дата официального рождения которого устанавливается, в отличие от названных выше городов-патриархов, совершенно точно. В феврале 1921 г. Душанбе становится центром администрации Восточной Бухары Бухарской Народной Социалистической республики, в 1924 г. г. Душанбе объявлен столицей Таджикской АССР, а с 1929 г. — столицей Таджикской Советской Социалистической Республики. Что между ними может быть общего? И что их может объединить, сравнять по достоинству времени существования, поставить в один ряд? Наверное только одна наука в состоянии полностью изучить, какие древности таит в себе земля, на которой стоят современные микрорайоны города. Ведь первые письменные источники, упоминающие местность, а затем и город Душанбе относятся лишь к 17 веку. Это наука — археология и в этой книге авторы постарались собрать воедино и тщательно проанализировать все археологические материалы, известные на территории современного города, чтобы ответить, и вполне обоснованно, на вопрос — сколько лет тебе, Душанбе? Ответ на него читатель найдет на страницах книги, а сейчас мы упомянем тех ученых, краеведов, любителей археологии, которые внесли свой вклад в изучение древностей нашего города. В третьей главе читатель узнает подробно о том, что и как было найдено, а сейчас просто отметим этапы накопления материала, который и позволяет нам прийти к определенным выводам о возрасте Душанбе.

Кто был первым любителем древности, который нашел на территории нашего города осколок посуды, служившей людям много веков тому назад, или драгоценную вещь, или древнюю монету?

Трудно сказать, ведь источники до нас подобных сведений не донесли, хотя в истории археологии известны такие деяния, с которых вообще-то и начиналась археология. Так, письменные источники сообщают, что в 6 веке до н. э. вавилонский царь Набонид производил раскопки фундаментов дворцов и храмов. Знаменитый историк Геродот описал греческие пирамиды. Первые упоминания об археологических находках в России известны в Ипатьевской летописи 12 века н. э. В 1420 г. в г. Пскове произведены раскопки остатков древнейшей в горо-

де церкви. У нас таких летописных сведений нет. И поэтому первым человеком; который заинтересовался древностями Душанбе был археолог В. Р. Чейлытко, который в 1932 г. по поручению недавно созданного сектора краеведения Государственного научно-исследовательского института при Наркомпросе Таджикской ССР произвел поиски стоянок неолита (каменный век) на террасах реки Душанбинки, о чем сообщалось в газете «Коммунист Таджикистана» от 15. 12. 1932 г. Поскольку ни отчета, ни вещественных доказательств этих поисков не сохранилось, трудно сказать, проходили ли маршруты первого археолога в Таджикистане по территории города, но скорее всего проходили, так как речные террасы Душанбинки как раз наиболее хорошо выражены по левому берегу, начиная от современного Цемзавода и вплоть до Текстилькомбината, где террасы поворачивают на восток. Как сообщает автор разведок, обнаружено несколько стоянок эпохи неолита. Никаких документов этих разведок и самого вещественного материала нам найти не удалось.

А то, что первым археологом, изучавшим Душанбе и его окрестности, был В. Р. Чейлытко, вполне объяснимо. Человек сложной судьбы Владимир Рафаилович Чейлытко олицетворяет для нас «донаучный» период археологии Таджикистана. Он, не получивший систематического археологического образования, был человеком страшно увлеченным, настоящим энтузиастом-краеведом. С начала 30-х годов и вплоть до создания в 1946 г. Согдийско-Таджикской археологической экспедиции, в которой на первых порах приняли участие лишь ученые Ленинграда и Москвы, В. Р. Чейлытко был подлинным первопроходцем археологии, и именно ему мы обязаны открытием многих памятников и правильным или приблизительно правильным определением возраста последних. Среди этих памятников ныне всемирно известные Пенджикент, Хульбук, крупное средневековое городище Лягман и многие другие. Определенную лепту внес В. Р. Чейлытко и в изучение Душанбе. К сожалению, часть заключений В. Р. Чейлытко носила печать торопливости и отличалась дилетантизмом, отсутствием строгого подхода к интерпретации фактов. Не владел В. Р. Чейлытко и необходимой для раскопок археологических памятников методикой.

Здесь стоит остановиться на расшифровке понятия археолог-краевед. Нам очень не хотелось, чтобы читатель уловил в этом названии хотя бы какие-то уничижительные нотки, какое-то превосходство профессиональных археологов над непрофессионалом. И дело не только в том, что работы Владимира Рафаиловича были произведены более 60 лет тому назад, когда, естест-

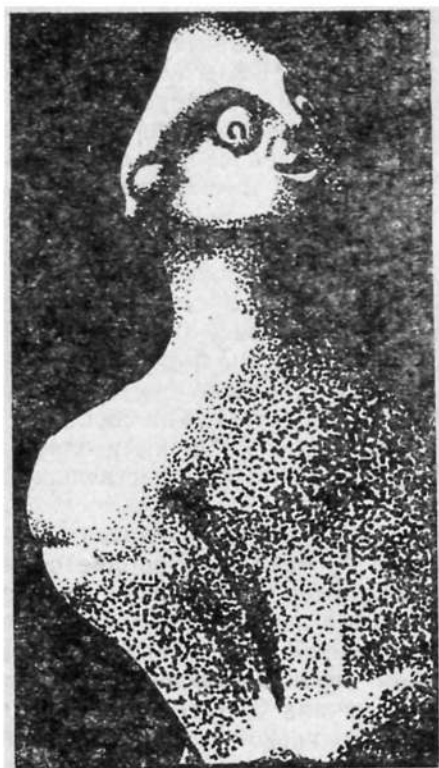

Рис. 14. Глиняная статуэтка человека.
Шишихона. Раннее средневековье.

венно, многие вопросы методики археологических раскопок и интерпретации полученных материалов рассматривались совсем по-иному, чем сейчас. Нет, дело не в этом. И сегодня нам приходится очень часто встречаться с любителями археологии разных рангов — от жителей далеких кишлаков до научных работников, интеллигенции и людей искусства. Всех их объединяет любовь к родному краю, горячее желание познать новое в его многовековой истории. Трудно даже перечислить, сколько полезных для археологической науки сведений они сообщили в Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша, какую неоценимую помощь оказали во время археологических разведок — кто лучше любителя старины знает свой город, свой район, окрестности своего кишлака, удивительные места края,

в котором он живет? Нужно помнить также, что и археология в Таджикистане в 30-е годы начиналась не профессионалами, а краеведами любителями — В. Р. Чейлытко, В. Д. Салочинским, А. Е. Маджи и др.

В начале 30-х годов в столице Таджикистана — Сталинабаде — был создан Комитет по охране памятников истории Таджикистана, главным исполнителем, можно сказать душой Комитета, был В. Р. Чейлытко¹:

Все это так, и мы, безусловно, должны отдать должное энтузиазму и любви к своему краю присущим краеведам как прошлого, так и настоящего. Но в этих поисках, в объяснении находок и связанных с ними исторических событий, в датировке находок, и в их раскопках, если они производятся, краеведам не хватает профессионального подхода. А что значит профессиональный подход? Это соблюдение всех правил во всех процессах, связанных с археологическим исследованием. Автору этой главы много лет приходилось работать с одним молодым научным сотрудником нашего Института, в какой-то мере являющимся его учеником. Назовем его товарищ Н, как это принято, когда не хочется по каким-то причинам называть настоящую фамилию человека, о котором идет речь. Этот Н, многократно присутствовавший на раскопках, видел, как мы относились к фиксации всякой, даже кажется совсем незначительной находки, однако не мог усвоить (да и так и не усвоил и по сей день), что должен сделать археолог, выкопавший, или даже поднявший с поверхности древний предмет — написать этикетку с точным указанием на то, где и в каких условиях обнаружена находка, кто ее нашел (или обозначить название археологического отряда, работавшего в этих местах), аккуратно завернуть находку вместе с этикеткой в бумагу и положить ее в то место, где она не потеряется, т. е. в походный баул, ящик, закрывающийся кармашек рюкзака и т. д.

Ну вот нет у человека необходимой археологу аккуратности — и все тут! Однажды Н нашел очень редкий у нас вообще предмет — каменную мотыгу эпохи неолита. конечно не написав этикетки (за что получил соответствующее внушение). Когда мы стали собираться и уже погрузили все в машину, я вспомнил о мотыге и, зная умение Н терять вещи, спросил про нее. Он не знал, где этот предмет. С проклятиями мы начали

¹ Б. А. Литвинский. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой (краткий очерк). Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1954, с. 11—12.

разгружать машину (легко сказать!), но ни в одном из ящиков и рюкзаков мотыги не было! Стали искать и, наконец, нашли злосчастную мотыгу... в костре, куда свалили всякие бумажки, мусор и как полагается, подожгли. Так она и хранится у нас сейчас эта мотыга с закопченной поверхностью, как яркий пример непрофессионального отношения к делу. Профессионал-археолог должен быть абсолютно честен в своей работе. Как и каждый человек, он имеет право на ошибку, но не имеет право на подтасовку фактов, никогда не должен выдавать желаемое за действительное. Археолог должен абсолютно твердо знать не только, что ему можно, а значительно в большей степени, что ему нельзя. Археолог, наконец, должен обладать суммой знаний хотя бы в той области, которой он специально занимается (каменный век, античность, раннее средневековье и т. д.) — и суммой совсем немалой. Одним словом, он должен быть образованным в своей области человеком, хорошо знать и строго соблюдать все «правила игры», т. е. производить разведки и раскопки квалифицированно и строго. Все это воспитывается со студенческой скамьи, входит в кровь и в плоть в процессе многолетних экспедиций.

Краевед не обладает ни специальным образованием, не имеет необходимой практики, не ощущает должного контроля. Поэтому его заключения и выводы приходится тщательно проверять, ничего не брать на веру, ведь увлеченному человеку кажется не то, что есть на самом деле, а то, что ему самому хочется видеть. Вот и В. Р. Чейлытко не избежал обычных ошибок краеведа.

Работник Республиканского Краеведческого музея Н. Н. Забелина в 1952 г. опубликовала научную статью, в которой упоминается несколько плохо документированных находок 40-х годов. В 1940 и 1941 гг. несколько монет, в том числе и античных были найдены при строительстве гиссарского канала у кишлака Шишихона в современном 84-м микрорайоне, а в 1947 г. примерно так же были найдены две глиняные головки человека, которые служили налестками на носиках глиняных сосудов. Их возраст 2—3 вв. до н. э.

Первым археологом-профессионалом, изучавшим наш город, был П. И. Смоличев, живший в Душанбе во время войны. В августе 1941 г. П. И. Смоличев, работавший после приезда к нам в Институте истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР, был вызван работниками Управления канализации, которые прокладывали водопроводную сеть в северо-восточной части города и натолкнулись на непонятное для них погребение. Не очень частый случай в нашей практике ар-

хеологов, но в этот раз нашлись люди, оценившие значение этой случайной находки. Археолог провел дообследование полуразрушенного погребения и установил, что здесь имело место скорченное погребение (т. е. умершего положили на бок в позе спящего). Погребение сопровождалось многочисленной керамикой. Аналогичная керамика вскоре была найдена в районе строительства Текстилькомбината. П. И. Смоличев предполагал, что открытое им погребение относится к середине I тысячелетия до н. э., но впоследствии оказалось, что люди были захоронены здесь раньше, во II-м тысячелетии до н. э. — еще в эпоху бронзы¹.

Особенно богатым на археологические находки оказалось начало 50-х годов. Это время совпало с созданием первого в республике сектора археологии, который начал работать в 1952 г. в созданном годом раньше Институте истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР (с 1960 г. им. А. Дониша). Еще составлялись первые планы и определялись первоочередные стремления археологов, которыми руководил будущий академик АН Таджикской ССР, а тогда молодой кандидат исторических наук (ему не было еще и тридцати лет, воз-

¹ Предвосхищая вопрос читателя, не сталкивавшегося ранее с археологией, мы по необходимости кратко объясним как специалисты этого раздела науки могут определять возраст того или иного предмета, что на профессиональном языке называется «датировать». Как известно, древние орудия труда, украшения, оружие, глиняная и стеклянная посуда, монеты могут быть разделены на две большие категории — первая, это те предметы, которые несут на себе свою дату. Это монеты с обозначением времени их чеканки или именем правителя, о котором известно, когда он жил, и посуда с надписями, позволяющими установить по палеографическим данным время их исполнения. Вторая категория — это предметы, которые могут быть датированы только путем сравнения. Если вы нашли сосуд определенной формы или даже его обломок (археологи говорят «фрагмент») на поверхности земли, а схожий предмет кем-то извлечен из культурного слоя, накопившегося за время жизни древних людей, возраст которого определен совокупностью многих археологических данных, сравнивая находки, вы можете определить, что оба сосуда или фрагменты сосуда были сделаны в одно и то же время. Каждая эпоха имеет свои художественные пристрастия, свой уровень ремесла, свой вкус и свою моду, не говоря уже о характере экономики и социальных запросах. При первом знакомстве с археологией кажется необъяснимой загадкой, как старший товарищ с легкостью берет в руки различные фрагменты керамики и сразу же дает определение: «это тимуриды», «саманидская керамика», «кушаны» и т. д. Немного учебы и вы так же легко будете определять встретившуюся находку.

можно ли такое теперь?!). Б. А. Литвинский, направленные на исследования известных по источникам памятников, а более всего на то, чтобы скорее обследовать новые районы, где, если перефразировать широко известное выражение, «еще не ступала нога человека». Может быть поэтому, а еще и в силу малочисленности сектора и отсутствия опыта археологи не обратили должного внимания на большое античное городище, вытянувшееся вдоль реки Душанбинки от Государственного педагогического института им. Т. Г. Шевченко до Путовского спуска. Когда же обратили, — увы! — уже было поздно, край городища, по-видимому, его самая интересная для археологов часть, безвозвратно утрачена. Могучие мониторы размывли краевую часть третьей террасы, на которой стоит центральная часть города, сложенную легко поддающейся размыву рыхлой пылеватой породой, называемой лёссом. Вместе с мокрой жижей, освобождавшей место для лотков будущего канала душанбинской ГЭС уносились бесценные свидетельства далекой жизни. В жизни так, если уж что разрушается, то почти всегда самое главное, самое интересное, ничего не поделаешь — некому было раньше здесь работать, некому было во время поднять тревогу и остановить разрушение, да и вряд ли в те времена такая остановка была возможна. Лишь небольшую часть удалось спасти, сотрудники Республиканского историко-краеведческого музея в г. Душанбе установили на строительстве археологический надзор. Им удалось собрать относительно большую коллекцию керамики, монеты и украшения. Наибольшую известность получили две случайные находки, которые, по всей очевидности, также происходят из культурных слоев городища, получившего название «душанбинского». Это электровая (сплав золота и серебра) серьга с изображением протома (т. е. передней части) сфинкса. На конце серьги искусно отлит бюст женщины со звериными лапами. Эта вещь могла бы украсить экспозицию любого музея, в том числе Эрмитажа и Лувра. Выпуклые глаза, отражающие взор, устремленный куда-то, в неведомую для нас даль, два крыла за спиной, тесно прижатые к плечам и голове, шапочка с украшениями, немного скуластое лицо, слегка изогнутый нос, припухлые губы, раскрытые в полуулыбке. Какие тайны прошлого хранишь ты в себе, загадочный душанбинский сфинкс, и кто была знатная женщина, носившая это дорогое украшение более двадцати веков тому назад? Много вопросов связано с этой уникальной находкой. Но для нас очень важно, что ученым удалось доказать, что это украшение было сделано местными бактрийскими мастерами.

Вторая находка — бронзовый позолоченный фалар — деталь

конской сбруи, в центре которого имеется рельефное изображение головы греческого бога Диониса.

Сейчас уже трудно восстановить картину размыва западной части террасы и, соответственно, западной части городища, но чудом сохранившийся останец этой части террасы, о которой речь пойдет немного дальше, ориентировочно показывает нам, где проходил действительный край одного из крупнейших археологических памятников Гиссарской долины. Можно себе только представить, как мощные струи воды размывали не только лёсс террасы, но и древние глинобитные стены, уничтожали постройки из сырцового кирпича, легко поддававшегося размыву. Ужасная картина разгрома с точки зрения археолога, но ведь город нуждался в электричестве и это решило дело — электростанция и по сей день дает нам ток.

Забавно, но сохранилось не только имя ученика 5-го класса 2 душанбинской школы Г. Макарова, который увидел в мокрой глине зеленоватый металлический диск, но и дата этой исторической находки — 31 мая 1952 г.! Он помыл находку, и мальчишки увидели на поверхности рельефное изображение юноши. Из далекой глубины веков смотрело на современных мальчишек красивое лицо с чуть тронутой в полуулыбке губами, прямым носом, большими глазами, подчеркнuto большими, вразлет бровями. Видно Геннадий любил историю. А может быть и не он, а кто-то другой из мальчишеской компании подсказал правильное решение — находку отнесли в Республиканский историко-краеведческий музей, где она сразу же заняла достойное место и стала предметом научных исследований. Это одна из самых эффектных и значительных археологических находок на территории города Душанбе. Спасибо тебе, бывший школьник 5-го класса Гена Макаров!

Благодаря «загадочному сфинксу» и фалару, а также и другим находкам, собранным сотрудниками Республиканского историко-краеведческого музея, стало ясно, что современный город (который в те годы еще в основном находился на левом берегу Душанбинки) хотя бы частично располагается на месте древнего городища античного времени. Уже к 50-м годам почти вся поверхность городища была застроена частично государственными строениями, но более — частными усадьбами. Но и в дальнейшем археологи Института истории, археологии и этнографии, лишь изредка обращаясь в своих научных публикациях к душанбинскому городищу, не организовали постоянного надзора над этим районом города, что могло бы дать немало интересных и важных открытий.

Рис. 15. Загадочный сфинкс из Душанбинского городища. Греко-Бактрийское время.

Но богатства душанбинского городища проявили себя не только случайными находками, первоначальное положение которых установить невозможно, оно подарило археологам уже не отдельные вещи, а настоящие археологические комплексы. Одним годом раньше, в 1951 г. во дворе одного из индивидуальных домов, в усадьбе архитектора Х. Юлдашева, расположенной юго-западнее Пединститута, рыли для хозяйственных нужд яму (по другим сведениям котлован под фундамент, но это не столь уж важно) и натолкнулись на крупный глиняный сосуд — хум. Прибывшие на место сотрудники Согдийско-Таджикской экспедиции М. М. Дьяконов и Н. Н. Забелина установили, что это погребение в хуме. Можно себе представить их радость, когда на фрагменте выкопанного сосуда они увидели надпись, выполненную греческими буквами — первую подобную надпись на территории Таджикистана! Это оказалось одно слово, написанное греческими буквами на тохарском (кушанском) языке. Первоначально известный советский иранист В. А. Лившиц прочел это слово как «колдовство», но затем, примерно через 15 лет, высказал новое предположение — слово,

процарапанное на сосуде, означает «камедь» (камедь — это естественное, происходящее из растений клейкое вещество). Удивляться такому изменению не приходится — представьте себе всего четыре буквы — слово, обозначающее что-то ни мало — ни много — почти две тысячи лет тому назад! Отрывки давнего словаря, предположение о грамматике и вообще предположения, предположения и еще раз предположения — вот удел лингвиста, занимающегося расшифровкой давно уже мертвых языков, наукой с колеблющейся точкой опоры, но бесконечно увлекательной и важной. Вскоре археологам Института истории, археологии и этнографии удалось установить, что в этом районе находился крупный некрополь — античное кладбище, исследование которого, однако, сильно затруднялось из-за интенсивно проходившей застройки этой части города. Тем не менее в 1956 г. научный сотрудник Э. Г. Гулямова произвела раскопки очень интересного погребения примерно в том же районе душанбинского некрополя. В 1953 обследование памятников каменного века в районе города произведено А. П. Окладниковым.

Дальнейшие работы под руководством Б. А. Литвинского показали, что захоронения в хумах и другие остатки, свидетельствующие о существовании здесь большого некрополя распространены на площади примерно 20 га, а вся площадь античного городища не менее 40 га, так что это было довольно крупное античное городище, существовавшее в первых веках до н. э. — первых веках н. э. В 1956 г. остатки средневекового поселения были обнаружены недалеко от железной дороги в районе Масложиркомбината. Среди сборов в этом месте особенно интересен красиво оформленный глазурованный кувшин с имитацией арабской надписи, возраст которого определяется 9 веком н. э.

Годом раньше работ Э. Г. Гулямовой старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Е. А. Давидович, проводя специальные археологические исследования в Гиссарской долине обнаружила и описала на территории западной части современного города группу тепе, представляющих собой остатки древних построек, скорее всего остатки усадеб дехкан-землевладельцев так сказать «средней руки». Почти все они, к сожалению, позднее были сметены с лица земли при строительстве новых микрорайонов.

В 1957 г. зав. сектором археологии Б. А. Литвинский провел дообследование могильника, открытого при строительных работах у подножия лёссовых холмов на северо-востоке города (улица Нагорная). На склоне холма, вскрытого врезкой, в

однородном лёссовом грунте найден человеческий скелет, который сопровождали вещи, положенные при погребении: кружка, кувшин, горшок, спаренные миниатюрные сосуды, каменные подвески, зеркало и бронзовый перстень и др. Б. А. Литвинский в своей публикации ставит вопрос о том, что это погребение могло быть оставлено кочевниками и тогда можно говорить о существовании контактов между оседлым населением, жившим на душанбинском городище, и окружавшим их миром кочевников, маленьким пунктом которого и является погребение на душанбинских холмах.

Закончились богатые находки в Душанбе и его окрестностях в пятидесятые годы открытием в 1958 г. сравнительно крупного городища 9—12 века на южной оконечности стрелки между Душанбинской и Лучобом. Городище также не было своевременно изучено и ныне почти полностью застроено.

Таким образом, в конце 50-х годов завершился первый этап археологического изучения города Душанбе. И хотя систематических исследований здесь не проводилось, итоги этого периода можно назвать значительными — были получены бесспорные свидетельства того, что на территории города в его западной тогдашней части существовало большое античное городище, на территории которого располагался большой некрополь. Предварительное время его существования определялось так: со 2 века до н. э. вплоть до 12—13 вв. н. э. Конечно, трудно сказать, существовал ли город непрерывно, или те отрывочные сведения (монеты, обломки глиняной посуды и другие вещи) говорили лишь о каких-то отдельных периодах обживания этого удобного места, между которыми существовали значительные перерывы во времени.

Вместе с тем погребения кочевников были обнаружены на Нагорной улице, следы погребений значительно более раннего времени — в районе Пивоваренного завода и у Текстильного комбината, находки в районе Масложиркомбината, остатки раннесредневековых усадеб в северо-западной равнинной части города — все это говорило о том, что современный Душанбе строился не на пустом месте, а в местности, где издавна жили люди, и остатки их жизни охватывали те же самые рамки, которые определялись на главном археологическом памятнике — душанбинском городище.

К сожалению, говоря языком военных сводок, успех 50-х годов археологами Института истории, археологии и этнографии не был своевременно развит. Причин этому несколько и прежде всего то, что перед учеными стояли более сложные и,

пожалуй, более важные задачи — по существу почти вся территория республики представляла собой белое пятно на археологической карте СССР. Научных сил было мало, а задачи, стоявшие перед небольшим коллективом археологов, были огромны. Завораживали далекие снежные горы Памира, арчовые ущелья Туркестанского хребта, знойные приамударьинские пустыни. По сравнению с такими памятниками как Хульбук, Пенджикентское городище, Кейкубад-Шах, Кафыркала, сравнительно небольшое душанбинское городище ускользало от внимания ученых. Поэтому следующий период, охватывающий примерно четверть века, ознаменовался лишь отдельными находками, сведения о которых лишь время от времени поступали в Академию наук. Это прежде всего монетные находки и отдельные керамические изделия. Так, время от времени в Нумизматический кабинет Института истории им. А. Дониша поступали и поступают сейчас отдельные древние монеты, а иногда и целые клады. О монетах, найденных на территории Душанбе, вы прочитаете в главе, специально посвященной этому разделу археологии, сейчас же лишь краткие упоминания.

В 1978 г., экскаваторщик Бекназар Шарипов, работая в поселке Калинина, заметил поблескивающие бронзовые монеты в ковше своего экскаватора. Это были монеты эпохи средневековья. Всего нам сейчас известно 16 точек находок древних монет на территории города. Они были зафиксированы в районе Текстилькомбината, богатом археологическими находками, на ул. Свириденко, на улице Айни, во дворе двадцатой школы и в других местах. Но ведь это только те находки, которые попали в руки археологов, а ведь сколько монет пропало или находится в частных руках? Конечно же, действительное количество монетных находок в Душанбе намного больше указанной нами цифры.

А вот другой случай, о котором уже писала республиканская пресса. Однажды в Институт истории явились измазанные глиной ребятишки — учащиеся школы № 18 и принесли с собой целое ведро медных монет (более 1200 штук). Они нашли их около полотна узкоколейной железной дороги в Южном поселке.

Нумизмат Д. Д. Давутов проанализировал распространение древних монет на территории Душанбе и пришел к выводу, что средневековые монеты 11—15 веков обнаружены в основном в южной части города, в этот период более освоенной.

К концу 60-х годов относятся находки сейсмолога В. А. Нечаева, который передал одному из авторов книги несколько изделий из камня — отщепов и оббитую гальку, без всякого сом-

нения относящиеся к неолитическому времени (6—3 тысячелетия до н. э.). Они были найдены на самой северной окраине г. Душанбе, около шоссейной дороги Душанбе — Варзоб, где в эти годы производилось строительство канала. Это еще одно свидетельство, что жизнь в этих местах начиналась еще с каменного века.

В 1961 г. в Институт истории им. А. Дониша от гражданина Мадумарова поступило сообщение, что на улице Пролетарской между Цемзаводом и парком культуры и отдыха им. Айни найдены обломки старой посуды. Археолог С. М. Марафиев установил, что в месте археологических находок небольшим раскопом был вскрыт культурный слой — земли с включением костей животных, фрагментов керамики, обломков жженных кирпичей. Из раскопа извлечено несколько зернотерок, каменные грузила для ткацкого станка, свыше десятка хорошо сохранившихся сосудов.

Рядом с домов 51а, где производились раскопки, в доме 59 также были обнаружены археологические предметы — о них археологам сообщил хозяин усадьбы Рахматов. Он нашел фрагменты архитектурных облицовочных плит. Небольшой раскоп увеличил их количество, что позволило определить возраст находок поздним средневековьем. Неподалеку было обнаружено погребение мужчины, не сопровождавшееся никакими предметами.

Между 1971 и 1975 гг. два погребения эпохи бронзы изучил на территории города археолог П. Т. Самойлик. Одно из них было обнаружено в районе аэропорта, другое в противоположном конце — у подножия парка Победы. Наиболее интересным явились бронзовые предметы — широкие браслеты и бусы, некогда украшавшие женщин далекого бронзового века. Еще одно погребение этого же времени найдено у самой черты города, неподалеку от Института зоологии и паразитологии им. Е. Н. Павловского, связано оно с лёссовой таррасой.

В 1981 г. в связи с работами по составлению Археологической карты Гиссарской долины детальное изучение археологических памятников Душанбе начал научный сотрудник Института истории им. А. Дониша Т. М. Атаханов. Им обследовано 13 различных памятников, начиная от остатков античного (начало нашего века) городища на стрелке Лучоба и Душанбинки и кончая позднесредневековым комплексом Мавлоно на восточной окраине столицы. Некоторые памятники обследованы им впервые. Основные исследования археолога были связаны с раскопками погибающего под ножами бульдозера и ковшами

мощных экскаваторов замечательного многослойного памятника — Шишихона (84 микрорайон). Окончившаяся полным поражением науки борьба за спасение уникального исторического памятника — это одно из самых болезненных свидетельств нашего безобразного, можно не бояться такого резкого слова, отношения к свидетельствам далекого прошлого. Т. М. Атаханов героически пытался спасти памятник от разрушения и раскопать хотя бы его часть. Дело дошло до того, что ученому пришлось самому сесть в ковш экскаватора, чтобы не дать ему выкидывать вместе с зачерпнутой землей и археологические находки. Мало что удалось науке в противовес могучей современной технике, ведомой хорошо подготовленными образованными руководителями и превосходно знающими дело исполнителями. Вот строки из газет того времени: «Менее радушно отнеслась к посещениям археолога на соседней строительной площадке рабочие ПМК-14 треста «Таджикремстрой» Министерства мелиорации и водного хозяйства. В котловине, вырытой на участке ПМК-14, были обнаружены гончарные трубы — остатки водопровода. Столь сложные элементы древнего градостроительства свидетельствуют о высоком уровне развития городища Шишихона. Но большая часть фрагментов уничтожена» (Д. Каратыгин. Будущее нашего прошлого. Вечерний Душанбе, 30.9.82). Или: «Позицию равнодушного созерцателя занимает Фрунзенское районное отделение общества охраны памятников истории и культуры. До сих пор никто из представителей общества не был на раскопках, не поинтересовался проблемами археологов. Как правило, представителями отделений этой общественной организации являются заместители председателей исполкомов. Они правомочны в случае необходимости выносить на обсуждение исполкома вопросы, касающиеся проведения археологических исследований, охраны и реставрации памятников...» (А. Хамидов. Да не исчезнет Шишихона. Коммунист Таджикистана. 7. X. 1983 г.).

Увы! Все оказалось напрасным. Сейчас на месте городища, пришедшего к нам из впечатляющей тьмы веков, осталась едва ли пятая часть. На месте скрывшихся под землей остатков одного из самых крупных центров былой жизни на территории Душанбе выстроен новый, вполне современный и радующий глаз красавец-микрорайон. А может быть так и надо? Может быть и не надо останавливать руки строящих новые дома для людей своего города? Что там посуда, кости, игрушки, украшения людей, живших тысячу, а то и более лет? Кому они сейчас нужны — ведь надо давать план, надо строить, строить и строить не глядя себе под ноги, не думая о живом теле истории, кото-

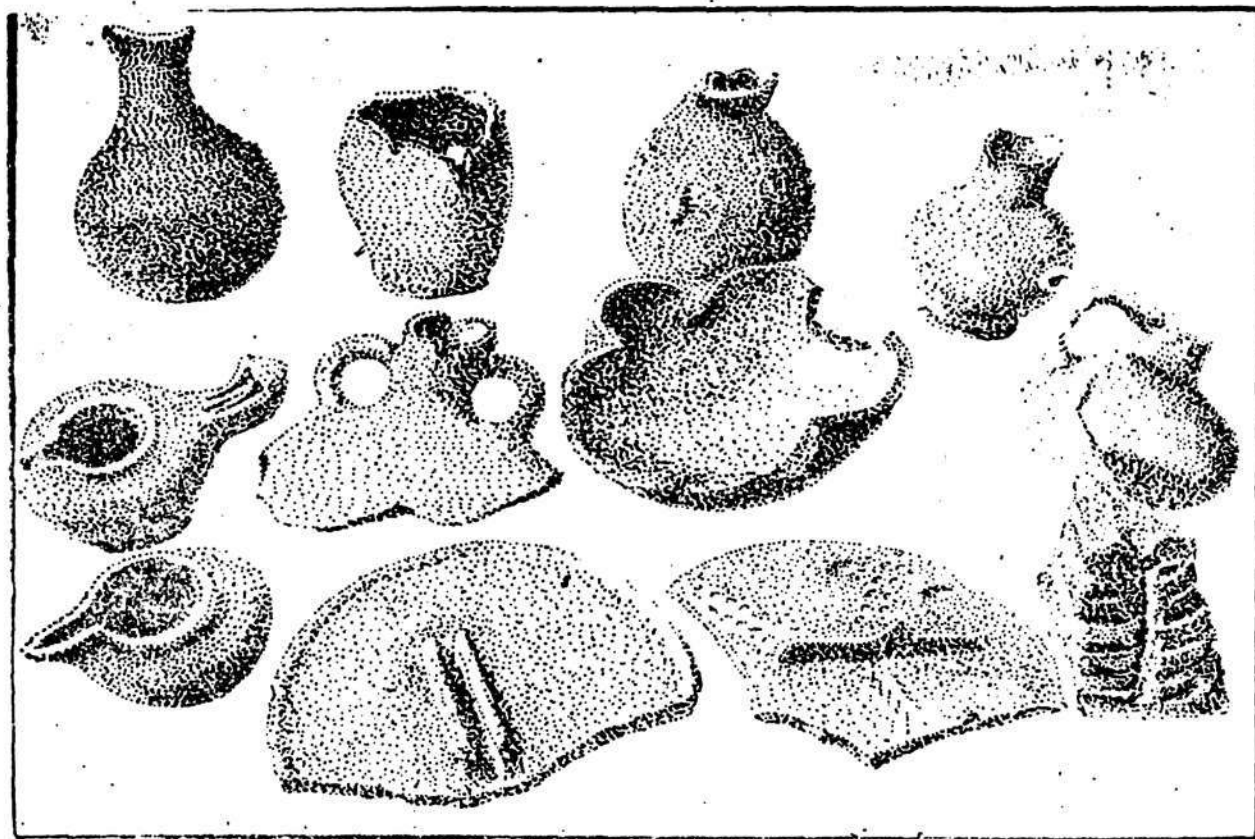

Рис. 16. Керамические изделия с городища Шишихона.

рое разрезает нож бульдозера! На эти вопросы отвечает корреспондент газеты «Вечерний Душанбе» от 24.8.83 г. Д. Каратыгин в статье «Шишихона раскрывает тайны»: «Слов нет, строить надо, строить удобно, быстро, но помнить о нуждах лишь сегодняшнего дня и забывать день вчерашний, историю — непростительно». К тому же примеров бережного отношения к своему наследию в мировой практике немало. Автору приходилось видеть во Франции удивительный музей, в котором сохранился большой участок культурного слоя одной из древнейших палеолитических стоянок мира — Терра-Аматы, что значит «любимая земля». Люди здесь жили давно — 400 тыс. лет тому назад. И вот люди, живущие сейчас в городе Ницца на юге Франции, удивительно бережно отнеслись к этому памятнику. Когда здесь решили построить большую гостиницу, то сразу был запроектирован большой подвал под многоэтажным домом, в котором и организован этот, сделанный с большой любовью музей. В настоящие подземные залы с большим вниманием и на высоком профессиональном уровне превращены комнаты музея, посвященного стоянке Терра-Аматы и вопросам происхождения и жизни древнего человека. Здесь же реконструкция хижины — древнейшего жилища первобытного человека, известного нам. Мало того, при раскопках стоянки оставлен нетронутый рукой человека, только бережно раскопанный археологами участок культурного слоя с подлинными каменными орудиями, обломками костей животных, ставших добычей первобытных охотников.

Ницца — один из фешенебельнейших курортов мира, на Английской набережной гуляют первые красавицы в сопровождении богатых мужчин со всего света. Посещения музея «под землей» вошло в обязательный для каждого туриста обычай, и нет сомнения в том, что доходы от небольшой платы за посещение музея давным-давно уже перекрыли все затраты на его довольно сложное строительство. Но главное, наверное, не это. Главное — внимательное отношение к памятнику старины, соединенное с коммерческой хваткой. А разве это плохо? Такой же музей в подвале большого дома имеется и в Будапеште, где бережно сохранена мозаика римского времени. Недавно газеты сообщили, что во время реставрации Лувра в Париже произведены раскопки на площади перед знаменитым музеем. Остатки средневековых стен и помещений перекрыты специальной крышей и сразу же превратились в новый ценный экспонат. Такие примеры можно приводить до бесконечности. Значит все-таки можно строить большие дома, осваивать новые территории, возводить заводы и микрорайоны и думать при

этом о памятниках старины. Могли сделать это и наши строители, оставив неприкосновенными примерно 10 гектаров. Не так уж мало, конечно, но и не так уж много! А если провести раскопки, выявить наиболее интересные участки, произвести реставрацию стен и помещений, выставить наиболее интересные находки в специально построенном музее и это для всех и на долгие годы, чтобы каждый душанбинец мог прикоснуться к далекому прошлому. Нужны определенные затраты, но, во-первых, даже если билет в такой музей будет стоить 1 рубль, то всего через несколько лет все затраты без всякого сомнения окупятся. Да и не только в деньгах дело... Бесценны свидетельства прошлого, рассказывающие о наших предках, показывающие высокую культуру и традиции в истории материальной культуры, которые часто доживают до нашего дня. И как печально, что они, эти традиции, воплощенные в археологических памятниках, разрушаются руками строителей, живущих только сегодняшним днем.

Так что же такое Шишихона? Благодаря самоотверженной работе Т. М. Атаханова мы можем с определенной степенью точности сделать заключение о возрасте и исторической судьбе этого памятника, одного из наиболее значительных археологических памятников г. Душанбе.

Археологу Института истории им. А. Дониша в 1982—1984 гг. удалось провести раскопки лишь небольших участков городища, раскопанных в спешке, что никак не способствует нужной для археологических исследований точности. При этом археолог полностью зависел от тех участков, которые ему предоставляли строители, и не мог произвести работы в других местах площади городища, кроме строительных котлованов и траншей — на это уже просто не хватало времени.

Шишихона состоит из невысокого холма-цитадели, места где жил правитель древнего города. К сожалению, здесь до сих пор существует действующее кладбище и наши попытки воспрепятствовать использованию памятника для этих целей, так как это в значительной степени затруднит будущие раскопки, не встретили со стороны соответствующих административных организаций ничего, кроме сочувствия.

Неглубокий сейчас, а некогда глубокий и наполненный водой ров отделяет цитадель от шахристана, собственно города. Существовал на Шисихоне и рабад — торгово-ремесленная часть заселенная главным образом ремесленниками. По мнению Т. М. Атаханова, на Шисихона можно выделить 3 основных периода жизни, охватывающие время от поздних кушан до раннего средневековья.

С ранней датой соглашаются не все ученые, тем более что здесь были найдены лишь керамика и терракотовые фигурки. Трудно сказать, были ли здесь дома или керамика, и терракоты попали случайно, если датировка Т. М. Атаханова неправильная. Вообще-то, в такой близости к душанбинскому городищу удивляться наличию вещей 3—4 вв. удивляться не приходится. Другое дело, был ли период, когда здесь, еще в кушанское время, существовало поселение, т. е. имелась какая-то жилая структура? Это пока остается лишь предположением и трудно надеяться, что в условиях почти полного разрушения памятника археологам удастся разрешить этот вопрос.

Для раннесредневекового периода раскопками Т. М. Атаханова обнаружены остатки стен помещений, большая коллекция разнообразной посуды, служившей людям 1400—1200 лет тому назад, и замечательная коллекция фигурок из обожженной глины — терракот. Среди них есть и фигурки, которые, очевидно, украшали интерьеры домов, служили религиозным целям, отражая идеологию своего времени, а часть из них была простыми детскими игрушками. И если мы вспомним фигурки мифических чудовищ — «аждахоров», птичек-свистулек, лошадок, которых и в наше время можно встретить на среднеазиатских базарах, мы можем сразу почувствовать реальную связь времен, непрерывную нить традиций, протянувшуюся более чем через тысячу лет.

Интересны подставки в виде головок птиц, которые использовались древними виртуозами кулинарного искусства — бороздки на головках птиц говорят о том, что на них клали шашлычные шампуры. И вот перед нами из впечатляющей громады лет встает такая бытовая сценка — шашлычная седьмого века нашей эры! Закрыв глаза, можно себе представить, что пыльный караван, идущий из Термеза, а может быть из Беграма, а то и дальней Индии в близкий Вашгирд (нынешний Файзабад), останавливается у дверей вкусно пахнущей ошхоны и степенный караван-баши, разминая затекшие в седле ноги, спешит к столу, верблюды с презрительным взглядом, помахивая косматыми шеями, позвякивают тяжелыми медными колокольчиками, и мелодичный звон вплетается в шумную разноголосицу ремесленного квартала Шишихоны — небольшого городка на большом караванном пути, соединяющем Каратегин и Дарваз с далекими центрами среднеазиатских городов.

Для эпохи развитого средневековья не удалось обнаружить строительных остатков, но этот период очень богат керамическими находками, фрагментированными очажками, другими предметами, характерными для этого времени. Изучая их, ар-

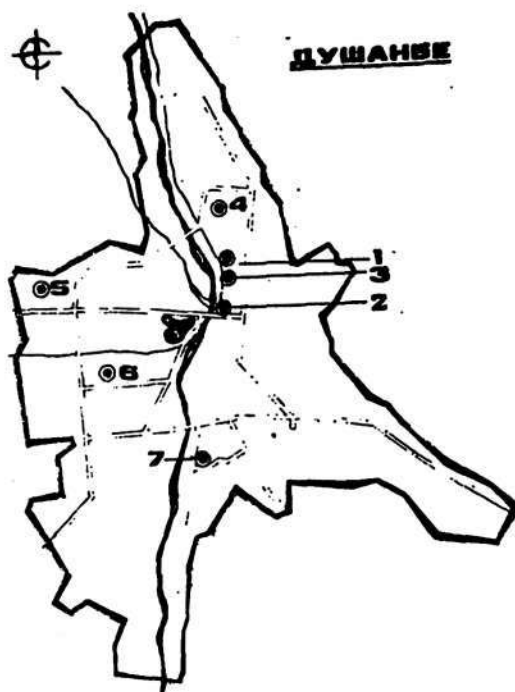

Рис. 17. Основные археологические памятники на территории Душанбе. Схема составлена М. А. Бубновой. 1—Душанбинское городище, раскопки в РУРе, 2—«Останец», 3—раскоп № 2 Душанбинского городища, 4—Тепе Арки Мир. 5—Чормазгтепа, 6—Шишихона, 7—Тепе Искандар.

хеологи пришли к выводу, что городок Шишихона был разрушен монгольским нашествием 13 века н. э. И после этого трагического периода памятник уже никогда не возродился. Время остановилось для Шишихона так, как оно остановилось для многих городов, поселений, замков, деревень, буквально стертых с лица земли страшным нашествием.

Вот таким разнообразным и интересным было городище Шишихона, незначительные по объему работы на котором принесли науке богатые и разнообразные археологические материалы, их полную историческую сущность еще следует расшифровать. Как же археологам не горевать о его потере?!

Годы 1960—1982 можно считать, таким образом, вторым периодом археологического изучения территории г. Душанбе.

Сведения о новых памятниках накапливались менее интенсивно, чем в пятидесятые годы, но тем не менее несколько новых пунктов с археологическими находками, отдельные монеты и отдельные клады, а главное городище Шишихона принесли археологам дополнительные данные о древнейшем периоде жизни людей в границах города.

Следующий, современный период археологического изучения территории г. Душанбе начался в 1983 г., когда по инициативе душанбинского горкома Институт истории им. А. Дониша организовал большой археологический отряд, получивший название душанбинского. Отряд состоял из нескольких групп, проводящих работы на отдельных объектах. Общее руководство всеми работами осуществлял заведующий отделом археологии Института истории им. А. Дониша В. А. Ранов, начальником отряда была назначена кандидат исторических наук М. А. Бубнова Мира Алексеевна — одна из наиболее опытных археологов Таджикистана, прекрасно владеющая техникой раскопок и фиксации полученного материала. Научное имя она приобрела благодаря многолетним раскопкам на Памире, причем ее «памирскому долголетию» можно позавидовать — она провела более двадцати раскопочных сезонов на «Крыше мира», таким достижением (об этом очень хорошо знает каждый, кто хоть раз работал на высокогорье) похвастаться могут лишь немногие. Старший научный сотрудник М. А. Бубнова была выбрана начальником еще и благодаря своей требовательности и собранности в работе, качествам, которые были столь необходимы для выполнения поставленной задачи. А задача, нужно сказать, стояла перед организаторами работ нелегкая — за сравнительно короткий срок, всего 2,5 месяца, ответить на вопрос, который мы вынесли в заголовок следующей главы — сколько же тебе лет, Душанбе? Новые раскопки должны были подтвердить старые наблюдения, получить новые, желательно более обильные и более конкретные археологические материалы, которые могли бы ответить на поставленный вопрос. В работах участвовали почти все сотрудники отдела археологии. Организовали несколько групп, за каждой были закреплены определенные, известные ранее или обнаруженные в процессе разведок Т. М. Атаханова памятники.

Душанбинское городище под руководством М. А. Бубновой исследовали сотрудники отдела археологии А. Л. Абдуллаев, Э. Г. Гулямова, Е. П. Денисов, Д. Давутов, Л. Т. Пьянкова, Т. Г. Филимонова и молодые археологи И. А. Маслов, М. М. Муллоканов, В. В. Радилиловский, Н. М. Симакова, а также аспирант отдела, ныне преподаватель Кулябского пединститута

та М. А. Азизов. В раскопках в качестве рабочих-землекопов участвовало более 50 студентов исторического факультета Таджикского государственного университета им. В. И. Ленина и Педагогического Университета. Все, что было открыто за два месяца и двадцать один день работ было сделано их молодыми руками. Конечно, не все проходило гладко, среди студентов попадались и лентяи, и прогульщики, не проявлявшие должного интереса к работе, как впрочем, что греха таить, и некоторые приставленные к ним преподаватели, но в целом жаловаться было бы грешно — основная масса студентов работала с энтузиазмом и присущим молодости интересом. И все мы глубоко благодарны за эту нужную для всех жителей нашего города работу.

Итак, теплым и светлым сентябрьским днем стояла группа руководителей будущих раскопок на территории душанбинской радиостанции — у нас не было сомнений в выборе первых пунктов для раскопок — они должны были быть связаны с площадью душанбинского городища, ведь самая древняя часть нашего города находится именно здесь. Но где лучше всего заложить новые раскопки, чтобы в краткий, максимально краткий срок добиться положительного результата, т. е. вскрыть наиболее древние культурные слои городища? Это очень сложно, тем более что по сравнению с началом 50-х годов площадь душанбинского городища застроилась еще намного плотнее. Единственным местом, так сказать «печкой, от которой надо танцевать», был некрополь, вернее знаменитое погребение, раскопанное Э. Г. Гулямовой в 1956 г. Несмотря на то, что со времени ее работы здесь прошло без малого тридцать лет, Эркиной Гулямовна без особого труда нашла место старых раскопок, но — увы! Оно было застроено, возведен гараж, а рядом проходил забор частной усадьбы. Перед гаражом немалая площадь была заасфальтирована — не срывать же асфальт, никакой гарантии, что здесь будут новые погребения, нет. Вообще нужно сказать, что выбор места для нового раскопа всегда представляется нелегким делом — если площадь памятника несколько гектаров, то совершенно неясно, откуда начинать, где, как говорят археологи, поставить раскоп. Тут играет роль и опыт, и интуиция, и элемент везения.

В данном случае особых зацепок не было, поэтому мы применили методику, которую можно было бы назвать, используя военный термин, «стрельбой по квадратам». Это когда артиллерия ведет беспокоящий огонь, не видя противника. Вот и М. А. Бубнова заложила на территории радиостанции целую серию раскопов и шурфов, общая площадь которых составляла около

200 кв. м. Отдельный раскоп был заложен справа от дороги, ведущей к Комсомольскому озеру на Путовском спуске, как раз в той части городища, которая пострадала от гидромонитора при строительстве каналов в 50-е годы.

И именно там археологов ждала наибольшая удача! Раскоп, вернее широкая траншея площадью в 25 кв. м., которым руководил А. Л. Абдуллаев, вскрыл чрезвычайно интересные археологические наслоения. Место раскопа было выбрано очень удачно, на глубине 5 метров от поверхности Али Латифулаевич обнаружил самые древние остатки исторического времени, которые были до сих пор известны на территории г. Душанбе. Этот материал греко-бактрийского времени благодаря находке ряда керамических изделий и прежде всего так называемых «рыбных блюд» определяется возрастом примерно в 2300 лет. А наши французские коллеги, которые долгое время работали на территории Афганистана и хорошо знают греко-бактрийский материал, не исключают возможности, что этот комплекс может быть на один век старше.

Но этот успех к нам пришел не сразу. Ведь А. Л. Абдуллаев шел к нему не день и не два, осторожно снимая более поздние наслоения, а в других шурфах и раскопах первоначально ничего особо интересного не было. Попадались разновременная керамика, какие-то отдельные очаги и другие следы жизни, но желаемые сенсационные открытия (таким открытием можно назвать лишь нижние горизонты раскопа на Путовском спуске) в руки не давались. И здесь проявились упорство и профессионализм М. А. Бубновой. Работы продолжались и вскоре на самом высоком участке территории, начинавшемся за руслом старого, ныне не действующего канала, новый раскоп (№ 10), которым руководил И. А. Маслов, вскрыл мощный слой кушанского времени. Помимо богатого керамического материала, раскопками были вскрыты и остатки помещений. Материалы этого же времени были обнаружены В. В. Радилиловским в саду одного из частных домов по улице Набережной. Особенно привлекают внимание хорошо известные археологам красивые кубки с изящным профилированным основанием, тонким, покрытым красной глиной и хорошо залощеным, можно сказать «элегантным», привлекающим внимание своей пропорциональностью туловом. Если постучать по стенке такого кубка, он издает приятный звенящий звук словно фаянсовая посуда хорошего качества. Так их и прозвали «звенящие кубки» или «бокалы».

До сих пор кушанские материалы — очень важного периода в истории нашей республики — были известны на душанбин-

ском городище лишь фрагментарно, в небольшом количестве и вот теперь были получены свидетельства тому, что душанбинское городище не только кушанской некрополь, но и жилые кварталы.

Упорство археологов было вознаграждено еще одним важным открытием. На правом берегу канала у самого спуска к Душанбинке в виде узкого лёссового останца-гребня сохранился участок старого берега, который был прорезан каналом и как часть древнего городища сохранился лишь частично. Тем не менее раскоп-расчистка, заложенный здесь Е. П. Денисовым и ленинградским архитектором, участницей многих наших экспедиций Е. Разумовской, принес важные материалы 6—8 вв. н. э. — великолепный набор керамической посуды, собранной в помещении, где сохранился угол с частью суфы и двумя очагами. Керамика этого времени встречалась на исследуемом нами участке повсеместно. Так был открыт и обоснован еще один период интенсивного обживания душанбинского городища — раннесредневековый.

Подтвердилось и ранее высказывавшееся предположение: на душанбинском городище имеются материалы и развитого средневековья. Их мало, пока они представлены только керамикой и редкими монетами в другой части города, но они есть, и жизнь в этот период продолжалась, по-видимому, не менее интенсивно, чем несколькими веками ранее.

Ну, а после монгольского нашествия, когда вновь на территории Душанбе возрождается и начинает развиваться жизнь? На этот вопрос отчасти дали ответ исследования известного историка, ведущего научного сотрудника Ш. Ю. Юсупова, который долгие годы собирал материалы по истории позднесредневекового города Душанбе. Ему удалось определить, что в конце 17 в. в письменных источниках упоминается область Душанбе, а несколько позже среди 5 крупных городов Гиссарской долины назван и г. Душанбе, который впоследствии неоднократно упоминался в трудах русских путешественников. Известен план города в начале нашего века, согласно которому на краю Путовского спуска находилась летняя резиденция гиссарского бека. Эти данные прекрасно подтвердились в результате археологических исследований. Керамика из верхней части раскопов и шурфов душанбинского городища соответствовала указанному времени — 19 — концу 18 веков, попадались фрагменты более поздней посуды. Но наиболее интересными оказались результаты раскопок на Путовском спуске. Здесь раскоп прорезал остатки стен бекской крепости, жилое помещение с тенуром — очагом для выпечки хлеба (17—18 века). А под

полом этого помещения найдены 10 хозяйственных ям, в которых обнаружено 15 медных монет. По определению нумизмата Д. Д. Давутова, монеты относятся к 15—16 вв.

Таким образом, работы 1983 г. на душанбинском городище показали нам, что этот участок города сохранил следы почти непрерывной жизни в течении 2300 лет, и в полученных на раскопках археологических материалах отражены все главные этапы истории: греко-бактрийский, кушанский, раннесредневековый, этап развитого и позднего средневековья. Не все периоды отражены одинаково полно, большинство из них известно нам фрагментарно, но их существование в далеком прошлом — вне всякого сомнения.

Но работы душанбинского отряда 1983 г. не ограничились только раскопками в районе городища. Исследовалось еще четыре археологических объекта в черте нашего города.

1. М. А. Азизов провел раскопки памятника под названием Арки-Мир (площадь раскопа — 24 м²). Этот памятник расположен в Ботаническом саду АН Таджикской ССР на самом краю душанбинской террасы. Обнаруженные здесь остатки помещений раннесредневекового времени (7—8 вв. н. э.) могут быть связаны с одновременными слоями, обнаруженными на душанбинском городище и, вероятно, эти точки входили в один комплекс того времени. Здесь же обнаружены и фрагменты керамики более раннего времени — кушанской эпохи.

2. Т. М. Атаханов продолжил свои исследования на Шишихоне, мы о них уже говорили выше.

3. В. С. Соловьев начал раскопки интереснейшего раннесредневекового памятника Чормагзтепа, расположенного рядом с новостройками массива «Испечак» в северо-западной части города. Удивительным образом этот компактный замок, сейчас имеющий вид довольно крупного холма, окруженный жилыми домами, полностью сохранился от уничтожения. Только по краям видны ямы для выборки земли, нанесшие совсем незначительный ущерб этому памятнику. Раскоп площадью около 100 м² вскрыл часть постройки 7 века и принес богатую керамическую коллекцию, железные наконечники стрел, терракотовые фигурки.

4. Е. П. Денисов в южной части города исследовал памятник под названием Искандартепа. Несмотря на громкое название, тепе никак не связано с каким-либо периодом жизни великого завоевателя Александра Македонского, которого в восточной литературе, как известно, называли Искандари-Зулькарнайн, поскольку самые ранние черепки, найденные здесь, не старше кушанского времени. Но зато памятник интересен яр-

кими находками, относящимися к 10—12 векам, периоду для Душанбе еще мало известному.

Работы на Шишихона продолжались и в 1984 г. Продолжают поступать к нам отдельные находки. Не удалось еще осуществить давно задуманное — создать отдельный, постоянно действующий Душанбинский археологический отряд — пока для этого не хватает свободных от пятилетних планов сотрудников. Но недавно археологам вновь представилась возможность поработать на душанбинском городище — при строительстве нового дома на краю душанбинской террасы в 1988 г. под угрозой разрушения оказался останец на правом берегу канала около душанбинского городища, о котором уже упоминалось. Студенты-практиканты исторического факультета нашли слон раннего средневековья, но как истинный специалист по античной археологии А. Л. Абдуллаев пошел глубже в надежде найти слои более раннего времени — и нужно себе представить — он эти слои действительно обнаружил. Подтвердился греко-бактрийский возраст начала городища, а так как расстояние между Путовским спуском и останцем немалое, можно думать, что слои конца первого тысячелетия до н. э. тянулись сравнительно далеко. Это позволяет нам думать, что поселение греко-бактрийского времени было значительным по своему протяжению. Работы на останце должны продолжаться и мы уверены, что они принесут немало эффективных находок.

Будем надеяться, что история археологических исследований г. Душанбе, изложенная в этой главе, несмотря на все трудности, еще не закончена. Она обогатится в самом ближайшем будущем новыми, еще более интересными открытиями, чем те, о которых рассказано в этой главе¹.

¹ Основанием для написания главы послужили следующие публикации: В. А. Ранов. Сколько тебе лет, Душанбе? — Коммунист Таджикистана от 26.10.1983 г.; М. А. Бубнова. Возраст выдают находки. — Коммунист Таджикистана от 26.5.1984 г.; Д. Давутов. В монетах — история города. — Вечерний Душанбе от 28.5.1984; М. А. Бубнова, В. А. Ранов. Город уходит вглубь веков. — Памир, № 8, 1985; М. Бубнова, В. А. Ранов. Археологическое изучение территории г. Душанбе. — Информ. бюл. Межд. Асс. по изуч. культур Центральной Азии, вып. 9. — М., 1985. Сведения о первом периоде изучения душанбинского городища содержатся в книге: Сообщения республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР, вып. 1. — Археология, Сталинабад, 1982. Уже после сдачи этой работы в печать вышла новая статья: М. А. Бубнова. Археологические работы на территории Душанбе в 1983 г. Археологические работы в Таджикистане, в. 23 — Душанбе, 1991, с. 332—346.

Глава III

СКОЛЬКО ТЕБЕ ЛЕТ, ДУШАНБЕ?

Каменный век на территории Душанбе

Во второй главе мы рассказывали о том, когда и как происходило археологическое изучение территории г. Душанбе. Основная задача настоящей главы — научная оценка тех материалов, которые на сегодняшний день имеются в распоряжении археологов. Поскольку Душанбе находится в Гиссарской долине, читателю будет легко сопоставить периодизацию памятников различных исторических этапов, описанных в первой главе настоящей книги, с материалами г. Душанбе. Как водится, мы начнем с самого начала — с каменного века.

Даже взглянув на общее расположение города, в рельефе окружающей местности можно, конечно, имея нужную подготовку, определить, в каких его районах можно ожидать находки каменного века. Ожидать, это не значит обязательно найти — для этого надо сочетание многих счастливых для археолога факторов, прежде всего сохранности былой стоянки и определенной доли удачи для того, кто ищет, но сделать, так сказать, первоначальную прикидку опытный археолог может сразу.

Каждый археолог, который занимается древнейшими этапами жизни людей на нашей планете — памятниками каменного века, привык к часто задаваемому ему вопросу, — а как вы находите эти невероятные по своему возрасту древности, как обнаруживаете стоябища древних людей, их каменные орудия, костры, которые горели десятки и сотни тысяч лет тому назад, наконец, остатки самих людей — ведь безжалостное время и геологические процессы, которые происходили всегда и происходят сейчас, должны были обязательно разрушить, стереть с лица земли, глубоко захоронить под более молодыми отложениями все эти остатки? И археолог привык отвечать на этот

вопрос примерно так: — Вы совершенно правы, в большинстве случаев так и происходит, и древние стоянки разрушаются безжалостным временем, но с другой стороны, те же мощные подчас геологические отложения являются прекрасным консервантом былой жизни — разрушая в одном случае, лёссы, глины, пески, заботливо укрывают древние стоянки как бы «подушкой» и тем самым сберегают их вплоть до того дня, когда лопата археолога или же молодая, вторичная эрозия (размыв) не вскрыет этот горизонт. У нас есть и определенные, отработанные, не раз проверенные на практике приемы поиска стоянок каменного века. Одним из таких приемов является геоморфологическая оценка ситуации данного района. Геоморфология — это очень популярная геологическая дисциплина, которая занимается изучением рельефа, т. е. различных форм земной поверхности, их происхождения, развития и географического распространения.

Именно поэтому у опытного археолога всегда складывается впечатление, куда надо идти для того, чтобы, как мы говорим, «искать камень». При этом найти несколько изделий из камня — «артефактов» — не представляет особого труда, а вот найти настоящую стоянку, сохранившую культурный слой — это очень сложная задача и здесь очень часто благоприятный случай или удача играют первостепенную роль.

Наиболее перспективными для поиска следов людей каменного века в районе Душанбе являются окаймляющие город с севера холмы, или, как принято их называть в среднеазиатской географической литературе, — адыры. Действительно, в основании адыров находятся отложения очень древних рек — галечники, пески и глины. Их возраст несколько миллионов лет. Там орудий каменного века нет, может быть только в самых верхних горизонтах этих отложений, но имеется, пусть маленькая, но все же надежда найти здесь далеких предков человека — гоминоидов¹.

Конечно, искать артефакты в адырных отложениях чрезвычайно трудно. Надо найти достаточно полный разрез этих от-

¹ Не путать с пресловутыми «гоминондами», термином, замелькавшим в последнее время на страницах наших газет и популярных журналов. «Гоминоиды» — это плод совсем ненаучной фантазии группы любителей сенсаций, которые отстаивают заранее обреченную на провал и ничем фактически не подтвержденную идею о существовании уже в наше время «реликтовых людей», якобы оставшихся от первобытных времен и вошедших в наш просвещенный век, не имея никаких даже самых примитивных орудий, причем, к тому же, и живущих не стадами, а в одиночку, что совершенно неправильно.

ложений (овраг, обвал и т. п.). А потом — где искать? Часто приходится делать это наобум, просматривая участок за участком. Но главное в том, что понимая рельеф данной местности, оценивая возраст формирующих его отложений, мы по крайней мере понимаем, где и что мы можем ожидать найти. А это уже обозначает поиск.

Вместе с тем адыры перекрываются, как мы уже говорили выше, мощным плащом лёссов (по имеющимся данным до 100 и более метров). Местами в них прослеживаются погребенные почвы — объект наиболее пристального внимания археологов, ведь именно в таких палеопочвах могут встретиться орудия палеолитической эпохи, в частности упоминающейся в предыдущей главе каратауской культуры.

Начинаясь от скал Гиссарского хребта, лёссовый плащ подходит к самым улицам города и его окончание во многих местах вскрыто многочисленными дорогами, карьерами, строительными площадками. Здесь настоящий лёсс замещается перенесенными водой по склону пылеватыми частицами его составляющими (это образование называется лёссовидными суглинками). Лёссовидные суглинки хуже сохраняют остатки палеопочв и палеолитических стоянок, но такие случаи все же имеют место, поэтому именно лёссовые холмы, окружающие город, могут дать интересные находки.

Наконец, верхняя часть лёссового покрова перекрыта современной почвой, развивающейся на его поверхности последние 7 тыс. лет. На поверхности адыров в упомянутой почве, а иногда в подстилающем её лёссе или лёссовидных суглинках встречаются орудия неолитической гиссарской культуры.

Вторым элементом рельефа, который для нас интересен в плане поисков следов каменного века являются речные террасы. При этом в нижней части террас в русловом аллювии, в бывшем когда-то русле реки, можно найти лишь переотложенные орудия, но в перекрывающих аллювий рыхлых отложениях — лёссовидных суглинках вполне могут сохраняться культурные слои стоянок. Поэтому вполне вероятно, что третья терраса реки Душанбинки, на которой стоит восточная часть города, может принести сенсационные открытия. Судя по геоморфологической ее позиции, терраса эта сформировалась в верхнеплейстоценовое время, скорее всего где-то между 60—40 тыс. лет, ее покровная часть — лёссовидные суглинки явно моложе этого возраста, здесь вероятны находки конца мустьерской, верхнепалеолитической и более поздних эпох каменного века. Такова теоретическая позиция, к сожалению, пока еще совершенно нереализованная.

Какие же следы каменного века реально на сегодняшний день, имеются на территории нашего города?

Сейчас уже трудно вспомнить, кто нашел в куче гравия, привезенного на строительную площадку застраивавшейся тогда Красной площади (в районе современных аэрокасс) треугольный обломок, напоминающий типичное для мустьерского времени орудие — остроконечник, в основании которого хорошо заметна серия дополнительных сколов, что как будто говорит о преднамеренной обработке. Однако полной уверенности в том, что это действительно изготовленное орудие, у нас нет, поэтому говорить о том, что на территории Душанбе имеются орудия неандертальцев пока нельзя, тем более что неизвестно место, откуда добывался этот гравий.

Все реальные сведения о каменном веке на территории города связаны лишь с самым поздним его периодом, с завершающими стадиями — гиссарской неолитической культурой.

Всего имеются три пункта с находками орудий этого времени, если не считать отдельных изделий, иногда попадающих на холмах вокруг Душанбе и по правому берегу реки Варзоб, уже вне пределов города.

Первый пункт дал очень мало находок — несколько отщепов, оббитых галек и грубых нуклеусов, причем точное положение находок неизвестно. Но нет сомнений в том, что мы имеем дело с остатками стоянки неолитической гиссарской культуры, возраст которой условно определяется в рамках 6—4 тысячелетия до н. э. Стоянка была обнаружена при подготовке Варзобского канала вблизи пересечения проспекта Рудаки и улицы Хафиза на левом берегу реки Варзоб.

Второй пункт, вернее две точки сборов, объединенных в один пункт для облегчения описания, расположен на южном окончании «стрелки», образовавшейся в месте слияния рек Варзоб и Лучоб. Далее река уже называется Душанбинкой. Эта верхнеплейстоценовая терраса, соответствующая душанбинской террасе левого берега, обрывается к обоим рекам крутыми склонами и даже обрывами, в которых обнажаются сильно смещенные древние породы. На них залегает пласт лёссовидного желтого суглинка мощностью 4—6 метров, подстилаемый аллювием, состоящим из хорошо окатанной речной гальки. Точка № 1 зафиксирована сравнительно недалеко от обрыва вблизи бывшего подсобного хозяйства, вторая — ближе к левому берегу Лучоба.

Найдены изделия на сравнительно большой площади мыса между реками. Площадь во время сборов была затронута вспашкой, причем работавший здесь А. П. Окладников заме-

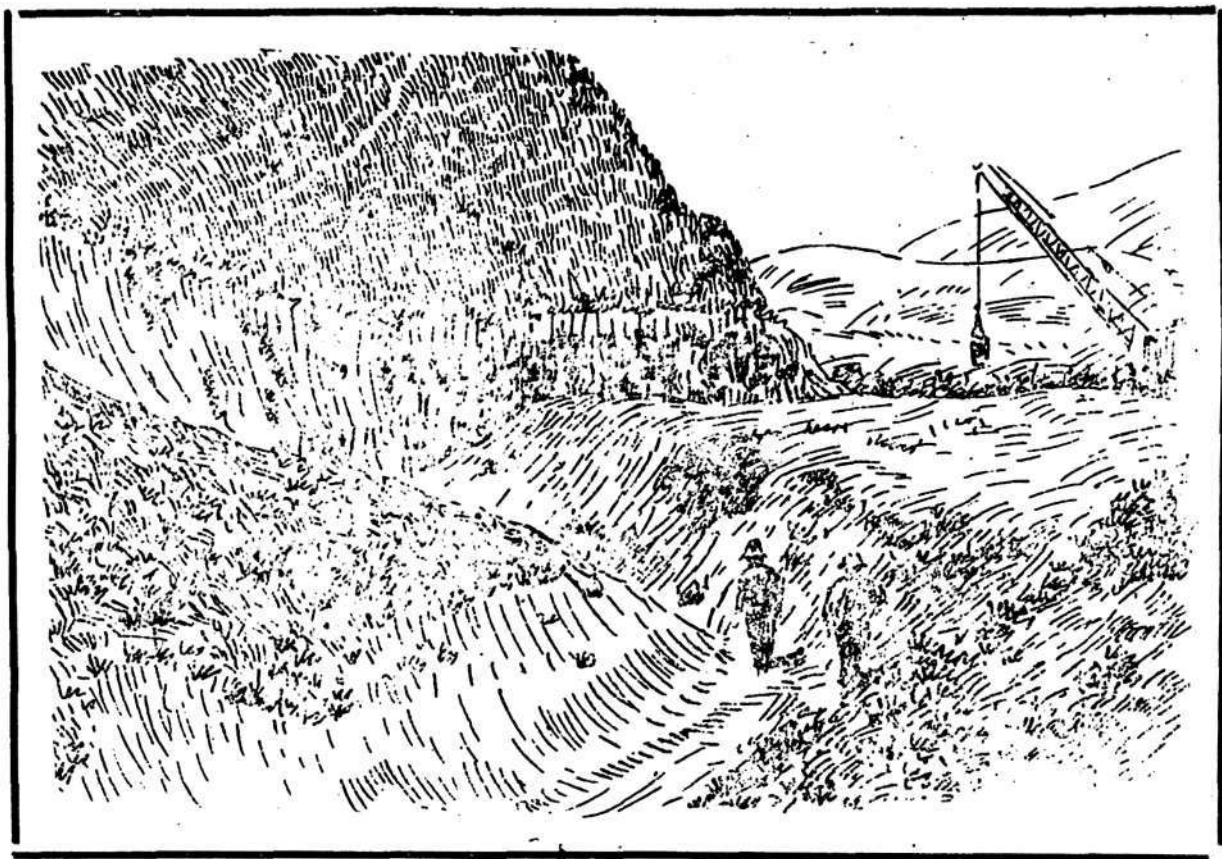

Рис. 18. Поиски каменных орудий на канале Янги-Чойра в 1953 г.

тил, что вдоль края террасы распространялся более крупный материал — расколотые гальки и их обломки, тогда как в глубь мыса встречаются каменные изделия более мелкого размера. Возможно, что такой факт связан с хозяйственной деятельностью древних жителей — ближе к обрыву находилась мастерская, где изготовлялись необходимые для работы орудия, а жили люди дальше от обрыва.

Орудия, собранные здесь, изготовлены из окремненных изверженных пород темно-серого или зеленоватого цвета, яшмовидной породы, значительно реже встречается полупрозрачный кремнь розового цвета.

Необходимо сказать несколько слов о том, как определяют каменные изделия и чем они отличаются от тысяч и миллионов простых обломков или галек, валяющихся там и сям, устилающих дно и берега речных долин или образующих осыпи.

Дело в том, что все преднамеренно сделанные человеком изделия или артефакты имеют признаки, позволяющие отличать их от простых камней. Эти признаки будут одинаковы у артефакта, найденного на побережье Ледовитого океана и в жарких песках Сахары на стоянке, культурный слой которой размывается волнами Атлантического океана, и стоянке на берегу Тихого, где-нибудь у Владивостока или Хошимина.

В чем состоят эти признаки, позволяющие и не очень тренированному археологу или даже любителю археологии быстро научиться определять каменные орудия? Коротко они характеризуются следующими моментами. Среди терминов, которыми пользуются специалисты по каменному веку, наиболее распространенными являются два: отщеп и пластина. Отщепом называется любой преднамеренно сколотый, т. е. снятый с какой-то массы камня (желвака кремня, обломка скалы, речной гальки) осколок. Пластина — это отщеп, длина которого хотя бы в два раза превосходит толщину (можно к этому еще добавить — обладающий более или менее правильными пропорциями). Все эти отщепы и пластины имеют так называемую ударную площадку. Это плоскость, по которой наносился удар каменным отбойником для того, чтобы отделить отщеп от ядрища (в археологии последнее называется нуклеусом). На ударной площадке всегда можно найти точку удара, отколовшего этот отщеп. А если перевернуть отщеп, который мы держим в руке, то можно сразу увидеть бьюльб или ударный бугорок, который выступает над плоскостью раскалывания, т. е. той плоскостью, которой ранее отщеп примыкал к ядрищу. В свою очередь ядрище может быть отпрепарированным, предварительно подготовленным к скалыванию перед тем, как с него сняли

Рис. 19. Каменные орудия эпохи неолита (Гиссарская культура). Правый берег Лучоба, сборы на террасе канала Янги Чойра.

отщеп. Это значит, что поверхность ядрища предварительно как бы стесали, сняли и выровняли. Тогда и на отделенном от ядрища отщепе, на его внешней поверхности, спинке останутся фасетки этих снятий. Ядрища (нуклеусы) обычно подразделяют по форме: дисковидный, прямоугольный, призматический, клиновидный и т. д.

Поэтому, дорогой читатель, вы должны верить нам в том, что мы действительно находим настоящие изделия рук первобытного нашего с вами предка!

Наиболее представительными являются сборы на первой точке, где зафиксировано 119 предметов каменного века. Согласно описи имеется: отщепов, т. е. сколов, преднамеренно сделанных человеком — 92, камней со следами обработки — 12, орудий, главным образом скребков — 10, кость животного — 1, фрагментов керамики — 4.

Большинство отщепов крупных размеров (6,5 и более сантиметров в длину) с плохо обработанной спинкой, что указывает на то, что они были сняты с галечных нуклеусов, округлой, прямоугольной, а чаще неопределенной формы. Многие сохра-

няют галечную корку на спинке, в других случаях последняя имеет один или несколько неориентированных в одном направлении сколов. Такие отщепы типичны для гиссарской культуры. Несколько более выразительный облик имеют мелкие отщепы, размеры которых 2×1 см; можно отметить и наличие нескольких мелких плохо ограненных кремневых пластинок.

Орудия также представлены очень невыразительными экземплярами. Это большей частью скребловидные инструменты — отщепы и осколки с небрежной, нерегулярной подправкой по самому краю.

Остатки керамики не могут при условии сборов с поверхности считаться бесспорно связанными с находками обработанного человеком камня. Один фрагмент, покрытый на внешней стороне красным ангобом и залощенный, явно более позднего времени, принадлежит античной эпохе. Три других сосуда имели слоистое, рыхлое тесто, в которое было замешано большое количество крупнозернистого песка. Тесто рыхлое, легко крошится пальцами. Обжиг несколько более интенсивный к внешней поверхности. Венчики сосудов простые, слегка отогнутые во внутрь. Такая примитивная керамика вполне может принадлежать каменному веку. Но несмотря на то, что в Таджикистане уже раскопано несколько стоянок эпохи неолита — гиссарской культуры — вопрос о том, пользовались ли гиссарцы глиняной посудой, до сих пор остается открытым.

Статистикой второго пункта мы не располагаем, но судя по общему описанию, данному А. П. Окладниковым, артефакты, найденные здесь, тоже представлены в основном грубыми отщепами гиссарского типа, скребловидными инструментами, в том числе невыразительными скребками.

В общем описании упомянуто 8 нуклеусов дисковидного типа с фасетками снятых ранее отщепов овальных или подпрямоугольных по очертаниям. Длина наиболее крупного из них 6 см, ширина 4 см. Имеется одна заготовка призматического нуклеуса, которому соответствуют ранее упоминавшиеся пластинки. Сочетание крупных грубых отщепов, галек со сколами, нуклеусов дисковидных или приближающихся по форме к диску, изготовленных из малопластичных магматических пород, и мелких кремневых пластинок, снятых с призматических нуклеусов, как помнит читатель из первой главы, составляет едва ли не главную особенность гиссарской культуры. Итак, на мысу, образованном слиянием рек Варзоб и Лучоб, на пахоте, что тоже весьма типично для гиссарского неолита, были найдены следы былой стоянки. Трудно сказать, располагалась ли здесь настоящая стоянка, культурный слой которой был раз-

рушен впоследствии, или же перед нами остатки временной остановки гиссарцев — мастерской, которая была устроена на этой удобной «стрелке», где в русле двух рек легко было найти подходящий материал, кроме того, положение стоянки было безопасным. О том, что камень раскалывался именно здесь, говорит находка 2 отбойников — продолговатых галек с типичной расплюснутостью на концах. Хлестким, хорошо рассчитанным ударом мастер сбивал отщеп или пластину с галечно-го или дисковидного нуклеуса. Довольно большие сборы говорят о том, что эта стоянка или мастерская функционировала довольно значительное время.

Пункт № 3 — канал Янги Чойра и террасы правого (западного) берега р. Лучоб в месте выхода реки в долину, северо-западнее современного поселка Калинина. Хорошо заметно, что окончание лёссовых предгорий (адыров) растеррасировано на ряд хорошо заметных террасовидных уровней. Самый высокий, пятый уровень располагается на высоте 40 м над рекой, самый низкий — первый — всего в 3 метрах. Второй, семиметровый уровень, в 1953—1954 гг. был прорезан строящимся каналом Янги Чойра, в котором А. П. Окладников и нашел три точки находок гиссарского материала. Расположены они примерно в 100—150 м друг от друга. Изделия каменного века попадались в выбросе земли, однако в отдельных случаях обработанный камень встречался в бортах канала или в самом его ложе. По всей очевидности, несмотря на то что культурный слой здесь практически не сохранился, многие изделия, как говорят археологи, лежат «*ин ситу*», что в переводе с латыни означает «на месте». Так, на дне канала попадались куски грубой глиняной обмазки, напоминающей обмазку современных тануров, которыми до сих пор пользуются наши хозяйки. Здесь встречена и более грубая и плохо обожженная керамика по сравнению с находками на лучобском мысу.

В точке № 3 найдено 32 предмета, из них отщепов — 28, орудие — 1, фрагментов керамики — 3. В точке № 2 найдено отщепов — 14, керамики — 2 фрагмента.

Наверное не стоит специально описывать изделия из камня, поднятых с дна и на бортах канала Янги Чойра. Они совершенно не отличаются от тех, которые найдены на левом берегу реки в вышеописанном пункте на «стрелке». Это те же крупные отщепы, редкие кремневые пластинки, отбойники, оббитые гальки, скребловидные инструменты. Выделяется крупный остроконечник треугольных очертаний с хорошо заметной обработкой по обоим краям. Его длина 5 см, ширина основания — 8 см.

В 1954 г. краевед А. Маджи нашел на самой высокой террасе этого же берега такие же отщепы и обработанные гальки. В 1955 г. В. А. Ранову удалось установить, что наибольшая концентрация каменных изделий имеет место на третьей террасе (10—12 м), выше канала. Отщепы и другие изделия попадались здесь практически всюду на протяжении 150—200 м (обследована полоса шириною 30 м). Таким образом, очень может быть, что на низкую террасу изделия попали в результате смыва с более верхних уровней, хотя это и не обязательно.

Следовательно, оба берега р. Лучоб в черте города Душанбе были относительно плотно заселены людьми эпохи неолита (гиссарская культура) в 6—3 (2?) тысячелетиях до н. э.

Надо думать, что и левый берег р. Варзоб, а потом Душанбинки, также был освоен людьми эпохи неолита. Но там все сильно застроено и перекопано. Несколько раз мы пытались искать здесь каменные орудия, но каждый раз неудача преследовала нас. Дело в том, что почти всюду естественный склон левого берега разрушен строительством каналов и отодвинут на несколько десятков метров в глубь террасы. А стоянки должны располагаться по идее на самом берегу реки, скорее всего там, где в долину Варзоба — Душанбинки впадают крупные естественные овраги, которые теперь превращены в закопанные в асфальт и застроенные домами улицы. Как говорится, «на нет и суда нет», но все же терять надежду не следует.

Погребения эпохи бронзы

Эпоха бронзы представлена на территории Душанбе очень слабо — всего несколько случайно найденными и частично разрушенными, но обследованными профессионалами погребениями. Это вовсе не значит, что люди эпохи бронзы не могли жить на этом месте. Удобная широкая терраса, никем не заселенная, не могла не привлекать внимание кочевников бронзового века. Здесь должны быть если не поселения, для которых, как показывает практика, обычно, выбирались площадки, связанные с боковыми речками предгорий, а не берегами основных водных артерий, то во всяком случае значительные по размерам могильники. Но пока их не удалось найти и, надо думать, что интереснейшие погребения бронзового века навсегда скрыты коммуникациями большого города и в большой степени разрушены при его строительстве. Конечно, это только предположение, которое к тому же совершенно не поддается проверке.

А вот факты немногочисленные, но все же существующие.

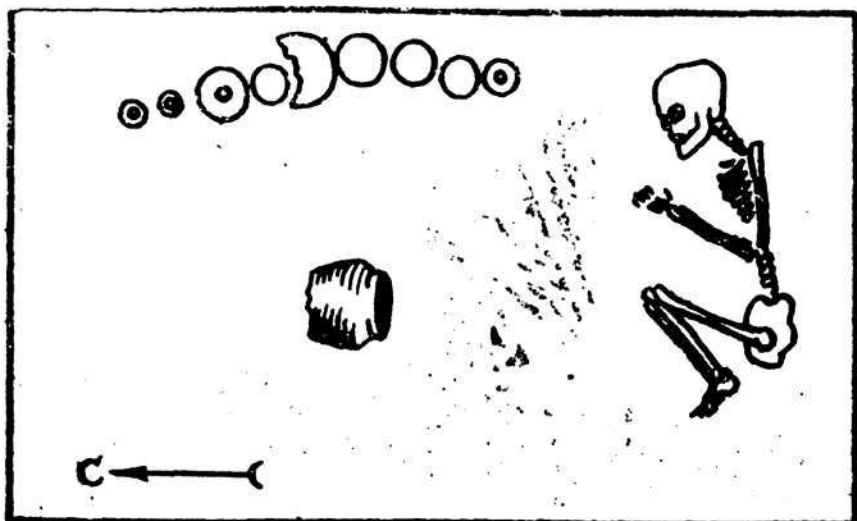

Рис. 20. Погребение эпохи бронзы. Реконструкция П. И. Смоличева.

В районе пивзавода во время Великой Отечественной войны рабочие Управления водоканализации копали шурф. Он располагался на склоне холмов в основании 3-й террасы. Во время прохождения шурфа на его дне наткнулись на человеческие кости, которые сопровождались частично целыми, частично битыми сосудами. К счастью для науки, начальник Управления, имя которого не сохранилось, сообщил об этой находке в Краеведческий музей, а на место раскопок прибыл квалифицированный украинский археолог П. И. Смоличев, живший тогда в эвакуации в нашем городе. Он провел необходимые исследования, расширил шурф, глубина которого достигала 3 м и установил, что здесь разрушено погребение с определенным обрядом захоронения: умерший человек был положен в могилу в скорченном положении с высоко поднятыми коленями и головой на восток. Северную часть могилы занимала погребальная посуда. В иной мир покойника сопровождали девять сосудов, поставленных в ряд по линии север-юг, а один горшок находился ниже и отдельно. Интересно, что часть посуды разбита, видимо, похороненный здесь человек не был ни знатым, ни богатым, раз ему в могилу положили такие неказистые подношения. П. И. Смоличев полагал, что возраст сделанных им находок — середина первого тысячелетия до н. э. Но теперь, благодаря изучению многих могильников эпохи бронзы и керамики в них найденной на юге Таджикистана, произведенному Б. А. Лит-

винским, Х. Ю. Мухитдиновым и особенно Л. Т. Пьянковой, можно твердо сказать, что перед нами — погребение эпохи бронзы. Можно примерно сказать и о возрасте погребения — середина второго тысячелетия до н. э.

Два погребения, также найденные случайно, изучены археологом П. Т. Самойликом. Одно из них находилось недалеко от душанбинского аэропорта на территории колхоза им. Ленина Ленинского района. Сведения об этом погребении поступили в Институт истории им. А. Дониша от С. Шахобидинова. По всей вероятности, мы здесь имеем дело с другим типом захоронений эпохи бронзы. Если в первом случае это была хорошо нам знакомая земледельческая бронза, то погребение, о котором мы говорим, вероятнее всего относится к степной бронзе и его оставили не земледельцы, а скотоводы бронзового века. Погребение также скорченное, скелет лежал на левом боку головой к северо-востоку. Погребение находилось на глубине 8 м на краю невысокой террасы, керамика столь нужная для определения типа погребения здесь отсутствовала, но зато сохранились превосходные предметы из бронзы, настоящие ювелирные произведения той далекой эпохи. Это крупные дутые бронзовые браслеты, более сорока бронзовых пронизок и шестнадцать мелких бронзовых бус. Очевидно, они нашивались на одежду, надевались на шею, запястья рук украшались браслетами. По тем временам, это достаточно богатое погребение, которое на основании аналогий к упомянутым выше находкам П. Т. Самойлик датировал концом второго-началом первого тысячелетия до н. э.

В поселке Калинина на улице Гризодубовой при застройке одной из усадеб (В. Х. Ходжаева) обнаружена почти целая чаша «фруктовая» т. е. принадлежащая к бронзе земледельческого типа и лепной сосуд на поддоне. Кроме того, найдено около 10 крупных и мелких бус, выполненных из бронзы. Еще меньше мы знаем о погребении на окраине низкой террасы Кафирнигана, неподалеку от Института зоологии и паразитологии им. Е. Н. Павловского, а также обнаруженном под мостом на улице Ахмади Дониша, ведущей к аэропорту. Но важно и то, что можно нанести и эти две точки на археологическую карту города, предварительно отнеся их к бронзовому веку.

Говоря об эпохе бронзы на территории Душанбе стоит еще упомянуть о случайно найденном медном топоре в 1958 г. колхозником Нарзуло Разыковым в полукилометре на юго-запад от кишлака Аракчин Варзобского района. Этот кишлак находился на левом берегу реки Лучоб, в 5—6 км выше слияния этой реки с Варзобом, т. е. в непосредственной близости от го-

рода. Топор проушной, клиновидной формы, длиной 8, 9 см. Топор, как установил изучивший и опубликовавший его археолог Е. В. Зеймаль, литой, изготовленный в форме, а затем поверхность топора была подправлена ковкой. Спектральный анализ, показал, что он на 90% состоит из меди. Топор был выпущен плугом при разработке поля под посев на одном из лессовых холмов и, таким образом, находка не связана с каким-нибудь поселением. Характерно, что еще неоформленный обух, широкое проушное отверстие для надевания на рукоятку, имеющее неправильные очертания, клиновидное сечение и ряд других признаков позволил Е. В. Зеймалю сравнить топор из Аракчина с проушными клиновидными топорами, найденными в Индии, на Кавказе и Ближнем Востоке, и высказать предположение о его возрасте: 3 — начало 2-го тысячелетия до н. э. Тогда топор из Аракчина предшествует в Гиссарской долине памятникам эпохи бронзы и принадлежит к самому «темному» периоду в археологии Таджикистана — энеолиту или халколиту (иногда этот период называют еще медно-бронзовым веком) — 3-му тысячелетию до н. э. Пока этот период времени мы совсем еще не знаем и хорошо датированных памятников эпохи энеолита в распоряжении археологов не имеется. Тем ценнее одиночная находка около кишлака Аракчин.

Начало города Душанбе фиксируется Греко-Бактрийским временем

В прославленной многими историческими сочинениями славной и богатой Бактрии было немало городов. А согласно истории римского автора Юстина, Доидот, наместник Бактрии, называется «правителем тысячи бактрийских городов». Рассказывая в популярной книжке о истории и археологическом изучении Бактрии известный советский археолог В. М. Массон удачно назвал Бактрию страной тысячи городов.

Города, конечно, были разными. Еще до прихода Александра Македонского в Бактрии существовали большие столичные города, такие как Бактры (в районе современного Балха), Мараканда (современный Самарканд). Большим культурным и экономическим центром было городище Ай-Ханум, которое сейчас сопоставляется с известным по источникам городом Александрия на Оксе (городище находится в месте слияния рек Пяндж и Кокча в Афганском Бадахшане). Оно было создано ранеными и ветеранами греческой армии после ухода Александра Македонского из Центральной Азии. Археологические

исследования показывают, что, например, Мараканда к моменту прихода греческого войска имела площадь более 200 га.

Наряду со столичными городами, естественно, существовали и мелкие городские поселения или, проще сказать, маленькие городки, играющие роль своеобразных районных центров, объединявших вокруг себя сельскую общину.

У археологов и историков есть основание предполагать, что в Греко-Бактрийское время такой небольшой городок существовал на левом берегу Душанбинки около Путовского спуска. И вот какие данные говорят в пользу такого заключения.

Во второй главе мы уже говорили о работах в районе так называемого Душанбинского городища, — безусловно, старейшего района нашего города, где от Путовского спуска до зданий педуниверситета неоднократно встречались археологические находки античного периода. Примерная протяженность Душанбинского городища на основании этих находок устанавливается в 4—5 км вдоль Душанбинки, а площадь — около 40 га. Для античного времени основным периодом заселения была кушанская эпоха, об этом мы подробнее будем говорить чуть-чуть позже, а сейчас нас интересует самый ранний, первоначальный пласт всей исторической свиты, накопившейся в толще отложений края Душанбинской террасы в указанном выше районе.

О невеселой судьбе Душанбинского городища мы уже рассказывали. Особенно жалко, что при строительстве канала больше всего пострадали самые древние участки застройки. Невосполнимая потеря.

Остановимся более подробно на двух уже упоминавшихся уникальных находках, случайно обнаруженных в те печальные для археологов дни, когда гидромониторы безжалостно размывали край Душанбинской террасы, унося с мокрой пульпой бесценные свидетельства былых времен.

Первая находка — это великолепная серьга в виде сфинкса, с женским лицом. Е. М. Линде, изучавший серьгу, считает, что она была изготовлена во 2 веке до н. э., еще в Греко-Бактрийское время. И сделали ее местные мастера, но в подражание далеким греческим образцам. Образ сфинкса, до того как он проник на берега Душанбинки, насчитывал уже несколько тысяч лет. Появился он в Египте во времена Древнего Царства как символ военной мощи и божественной сущности фараонов или как страж их захоронений. Из Египта сфинс попал в Малую Азию, на Ближний Восток, в Грецию. Многие из читателей видели на иллюстрациях статуи с телом льва и головой человека или священного животного, размещенные в знаменитой аллее сфинксов в Фивах (Египет), или огромный сфинкс

Рис. 21. Бронзовый фалар с изображением юного греческого бога Диониса. Душанбинское городище. Греко-Бактрийское время.

около пирамиды царя Хефрена в Гизе в той же стране. Два сфинкса, изображающие египетского царя Аменхотепа III, сделанные 1500 лет до н. э., можно увидеть на набережной реки Невы в Петербурге. Попавший из Египта в Грецию образ сфинкса в значительной степени усложнился. Здесь это уже фантастическое существо с головой женщины, львиными лапами, крыльями птицы и туловищем наполовину женщины, наполовину животного. Именно такой сфинкс и встречен на серьге, найденной в г. Душанбе. Греки принесли этот образ в Бактрию, где он стал очень популярным. В частности, изображения сфинкса имеются на золотых бляшках известного Амударьинского клада Е. М. Линде предполагал, что в Бактрии сфинкс играл роль оберега, призванного охранять людей от злых духов. Именно вера в сверхъестественную силу изображения сфинкса у среднеазиатских народов явилась причиной то-

го, что этот обряд, в сильно, правда, измененном виде, дожил до арабского завоевания.

Вторая находка, не менее эффектная, это металлический диск диаметром 14,5 см. Диск, сделанный из бронзы, представляет собой фалар-деталь украшения конской сбруи, очевидно, богатого всадника. Лицевую поверхность фалара покрывает позолота из сусальных листиков золота, прорези глаз человеческого лица, изображенного на поверхности, были инкрустированы вставками, которые не сохранились. С помощью петель-дужек изделие крепилось к кожаным ремням. На фаларе изображение прекрасного юношеского лица. Лента охватывает его голову, украшенную венком из плюща. Одежда юноши состоит из рубашки и хитона (накидки в виде плаща без рукавов — типично греческой одежды). Изучившая находку искусствовед К. В. Тревер, известный специалист по греческому искусству, посвятила ей небольшую, но очень содержательную публикацию, в которой писала: «Кто же изображен на нашем фаларе? Судя по плющевому венку, двум пучкам цветов надо лбом, по спускающимся на плечи локонам... перед нами широко распространенный начиная с IV в до н. э. канонический образ юного Диониса — образ созданный Праксителем»¹.

К. В. Тревер сравнила изображение юного греческого божества вина и виноделия (другое, более популярное его наименование — Вакх) с его скульптурными портретами и изображениями на монетах и пришла к выводу в том, что душанбинский фалар был изготовлен бактрийским мастером в промежутке между 2 в. до н. э. и 1 в. н. э., но, скорее всего, еще до эпохи кушан. Его прообразом мог быть слепок изображения Диониса, привезенный непосредственно из Греции. Известно, и об этом говорят данные археологии, что в Бактрии вино стали изготавливать исключительно давно. Мужской части наших читателей может быть небезынтересно узнать о специальных изысканиях, проведенных крупным английским археологом Р. Олчиным. Согласно собранным им свидетельствам древних источников и археологическим данным, нельзя исключить возможности того, что дистилляция алкоголя возникла в Южной Индии еще в эпоху неолита 2000 лет до н. э., хотя для доказательства столь глубокого возраста пагубнейшей привычки нашего времени еще очень мало материала. А вот существование своеобразных «самогонных аппаратов» вполне уверен-

¹ К. В. Тревер. Бронзовый фалар, найденный в Сталинабаде. Сообщения республ. историко-краеведческого Музея Тадж. ССР, вып. III, Сталинабад, 1958, с. 27.

но устанавливается для периода 2 в. до н. э.—4 в н. э. по раскопкам пре-кушанских и кушанских горизонтов в известных археологических памятниках Таксиле и Шейкхан-Дхери. Еще при ахеменидах, как это известно из источников, в областях Каписа и Арахозия славились изготавливаемые здесь вина, причем было известно два сорта вина, один — из черного. Античные авторы сообщают, что в Греко-Бактрии помимо посевов зерновых и риса имелись обширные сады и виноградники. Из философского сочинения «Мелинда-Панха», написанного во втором веке до н. э., известно, что среди торговцев Бактрии того времени существовали и торговцы вином.

Так что культ Диониса-Вакха, прибывший из далекой Греции нашел, по всей очевидности, благодатную почву среди местного населения — бактрийцев. Чем и можно объяснить изготовление описанного выше фалара.

Обе находки с душанбинского городища свидетельствуют о распространении на территории Бактрии античных традиций в искусстве и обычаях. С некоторыми из них бактрийцы познакомились еще до прихода греков. В то время, когда Бактрия входила в состав Ахеменидской державы, на ее территорию переселялись выходцы из Египта и Малой Азии, которые знакомили бактрийцев со своей культурой. Многие бактрийцы могли увидеть сами, когда по торговым делам проникали в далекие уголки Ахеменидского царства или во время службы в армии ахеменидских царей. Конкретные пути проникновения культурных веяний всегда сложно проследить, хотя общая ситуация может быть хорошо понята и поддается реконструкции.

Итак, начало 50-х годов ознаменовалось уникальными находками Греко-Бактрийского времени, которые однозначно указывали на самые ранние пласты заселения территории, на которой расположился современный город Душанбе. Однако прошло тридцать лет, прежде чем лопата археолога коснулась слоев и вскрыла далекий временной пласт, из которого через впечатляющую глубину веков пришли к нам эти замечательные вещи.

Долго ходили руководители Душанбинского отряда вдоль канала, уничтожившего часть предполагаемого городища. Поднимались по дорожкам и тропам, спускающимся к каналу с террасы, царапаясь о кусты, рискуя рухнуть в канал с высоты 5—10 м, ползали по крутым лёссовым обрывам, глотая пыль, пересекая в своих маршрутах бесчисленное число свалок, современных мусорных ям, скоплений железного хлама. На склонах и обрывах попадалось немало разнообразной керамики, в том числе кушанской. Но более ранней грекобактрийской посу-

ды не встретилось. А поверхность городища была почти полностью застроена и никаких следов былых построек на свободных от строений участках не наблюдалось. Учитывая все «за» и «против, коллективное мнение было единодушным — античные слои надо ожидать на самом южном окончании предполагаемого городища в районе современного Путовского спуска на север от дороги. Правда, участок, на котором можно было развернуть раскопки, здесь был очень маленьким — это мысок, ограниченный с востока мощным забором, а севернее полностью разрушенный обрывом террасы. Пусть на небольшой площади, но попробовать стоило. Кроме того, мы надеялись, что в одном из многочисленных шурфов, которые планировалось заложить наверху, могут встретиться, такие желаемые слои Греко-Бактрийского времени.

Работы на объекте № 2 (так весьма прозаически называли раскоп на Путовском спуске) были поручены опытному археологу А. Л. Абдуллаеву. В помощь выделен археолог-нумизмат Д. Давутов. Очень хорошо проявили себя на раскопках студенты исторического факультета ТГУ им. В. И. Ленина. На их долю выпала нелегкая работа — твердый грунт пришлось пробивать кирками, спуская снятую землю вниз. Пыль стояла столбом. К нам в Институт стали звонить возмущенные служащие одного из учреждения, расположенного неподалеку. Когда раскоп ушел на глубину 5 м, пришлось работать с опаской — плотные слои чередовались с рыхлыми завалами, надо было внимательно следить за стенками раскопа, которые могли внезапно посыпаться вниз. Но соблюдая правила безопасности, А. Л. Абдуллаев удачно провел раскопки до конца. Погода в октябре — ноябре 1983 г. была хорошей, дожди задержались и археологи не испытали особых затруднений. А ведь бывает, и очень часто, что завершать раскопки приходится в холодную погоду, под дождем, прячась под кое-как натянутым брезентом, а иногда даже и под снегом, а на раскопках в Душанбе нам определенно повезло.

Естественно, что археологические раскопки начинаются сверху-вниз и чтобы достигнуть ожидаемых — всего лишь ожидаемых — грекобактрийских слоев, надо было осторожно пройти более чем двухтысячную толщу исторических напластований. Тем более что речь шла об истории нашей столицы, и любой период древний или поздний одинаково интересен и важен. Наверху на площадке Душанбинской террасы было заложено 3 шурфа, и мы очень надеялись, что хотя бы один из них достигнет столь желаемых горизонтов. Но — увы! Далеко не всегда в археологии получается так, как хочется. В шурфах, заложен-

ных на расстоянии 50—80 м к востоку от края террасы, между постройками ничего особо интересного не оказалось.

Объем шурфов превышал 20 м², но к большому нашему разочарованию на глубине около 3 м во всех шурфах появилась стерильная, никогда не копанная земля, как говорят археологи — «материк». А выше были зафиксированы мусорные, или хозяйственные ямы, в которых обнаружены керамические изделия 19 — начала 20 века. Очевидно, здесь был хозяйственный двор правителя душанбинской округи — бека, жившего в крепости, расположенной на краю террасы. Об остатках этой крепости упоминали русские путешественники 19 века, она еще сохранялась в революционные годы, но до нашего времени ничего от этой крепости не осталось, так что нам сейчас трудно восстановить ее контуры. Более интересным оказался объект № 2, который вполне можно назвать раскопом, поскольку его площадь достигала 40 м². Это прямоугольная врезка в крутой склон, так что ее восточная часть, естественно, оказалась значительно глубже западной, а максимальная глубина достигла 6 м.

Медленно слой за слоем шли археологи все глубже и глубже. Это ведь не простое дело — археологический раскоп! Помимо знаний, опыта, соблюдения правил раскопочных работ, здесь большую роль играет интуиция, — где начинать копать, что нужно снять в первую очередь, да и как снять, тоже очень важно. Тут можно крутиться вокруг двух-трех кирпичей, беспрерывно их чистить, оглаживать, рисовать, фотографировать... и бояться снять, бояться двинуться с места. А бывает наоборот — не разобравшись человек снимает целый участок, не понимая что и как, не сумев связать в целое разрозненные факты, не вслушиваясь во внутреннюю музыку древней архитектуры, не чувствуя ни душой, ни на ощупь, каким был древний дом или комната, или коридор, или даже двор.

У Али Латифуллаевича все получилось хорошо. Методично, слой за слоем, тщательно фиксируя каждый горизонт, он двигался вниз и, словно на машине времени, пролетая вековые пространства, совершал доступный только археологии путь в прошлое. Неказистым, с первого взгляда, представлялось оно ему — остатки глинобитных пахсовых стен, кое-где кирпичная, опять-таки из кирпича-сырца кладка, забутовка брошенных комнат, на которой устанавливались полы новых уже более поздних домов, хозяйственные и мусорные ямы, прорезающие почти всю расчищенную площадь, безжалостно путающие периоды и времена, поскольку такая яма иногда прорезает несколько раскопочных ярусов (а каждый ярус — 50 см) и, сле-

довательно, может пересечь и сто, и двести, и триста лет. Археологу требуется немалое умение четко отделить яму от культурного слоя данного периода, выбрать ее содержимое и точно проследить ее форму, чтобы случайно не врезаться в горизонт совсем другого, более раннего времени. А это весьма сложно, если культурный слой рыхлый и по цвету плохо отличается от заполнения ямы. А что стоит умение отделить стенку! Это, пожалуй, главная трудность и здесь в наибольшей степени проявляется мастерство среднеазиатского археолога. Дело в том, что по многим причинам (засоление почвы, подпочвенные воды, плохое качество глины, из которой делались необожженные кирпичи и др.) стенка, на которой к тому же может разрушиться либо вообще отсутствовать штукатурка, может очень плохо отслаиваться, почти не отличаясь от культурно-содержащего слоя. Четкое движение тешой или ножом, и археолог по едва уловимому изменению твердости, буквально прощупывая швы между кирпичами или пахсовыми блоками, иногда даже по звуку удара тешой, ошибаясь несколько раз и врезаясь уже в стенку, потом отступая снова, все более и более уверенно начинает расчищать ее поверхность. А это уже архитектура, это уже во многих случаях — помещение. А в каждом помещении обязательно должен быть пол. А уж пол для археолога — это самое нужное, ведь на полу и сосредотачиваются основные находки. Найти стены и пол — первая и самая важная задача археолога, А. Л. Абдуллаеву удалось найти в раскопе на Путовском спуске целых семь периодов застройки.

Что они из себя представляли эти строительные горизонты, вскрытые, как мы уже говорили, лишь небольшими участками. Это остатки пахсовых и кирпичных стен, позволяющие оконтурить небольшие пространства комнат, плотная забутовка из кусков пахсы и камней, которая возводилась как платформа для строительства следующего здания, хозяйственные и мусорные ямы, участки пола, очаги, среди которых встречались остатки очагов для выпечки хлеба — тануры. Основным массовым материалом, как всегда, были керамика, а проще говоря, битая в быту посуда.

В первых 6 горизонтах это средневековая глазурованная, парадная или столовая посуда, ну и, конечно, кухонная — обломки горшков, в которых готовили пищу, хумов, в которых держали воду или зерно, разнообразных хумчей. Были найдены отдельные железные виды бус, монеты 15—16 вв. Сверху вниз 6 строительных периодов охватывают время от начала 20 века до 10 века, т. е. полную тысячу лет. Основные гори-

зонты относятся к позднему средневековью, в том числе еще мало у нас изученному 16 веку.

Но для нас сейчас интересен лишь самый нижний, 7-й строительный горизонт, порадовавший тогда организаторов работ в Душанбе — это так долгожданный слой бактрийского времени. Теперь-то мы твердо уверены в существовании бактрийского городка или поселения в основании Душанбинского городища. Две тысячи триста лет тому назад на территории, занимаемом современным Душанбе, уже жили люди! Было от чего обрадоваться археологам, проводившим здесь раскопки. Именно такие цифры мы и называли в организациях, когда шло обсуждение целесообразности проведения больших работ в Душанбе. К сожалению, расширить раскоп было некуда, а тот небольшой участок 7-го горизонта, который вскрыл удачливый Али Латифуллаевич, был сильно поврежден хозяйственными ямами вышележащего горизонта, так что автору раскопок пришлось немало понервничать, разбирая этот слой. Удалось установить, что на 7-м строительном горизонте существовало 3 уровня, отделенных друг от друга, судя по находкам, небольшим промежутком времени, поскольку керамика из всех трех слоев одинаковая. Сначала шел очень плотный слой, затем обнаружилась зольная прослойка, содержащая большое количество обломков керамики. Очевидно, это подчистка-выброс из очага, которая может быть потом использовалась в строительных целях. Далее шел второй слой — четкий уровень жилого пола с сохранившимися остатками пахсовых стен, горелые куски глины, вероятнее всего, от очага. Ниже открыт еще один, более ранний, пол, здесь расчищена каменная вымостка с золой и, как было выше, с кусками обгорелой глины. На полу встречено большое количество керамики — в основном это не кухонная, а столовая посуда. Пол имеет вид утоптанного слоя без дополнительной обмазки. Тщательно выложена узкая дорожка из мелкой пахсовой гальки. Расчищена часть стены длиной около метра. От другой стены осталось только каменное основание. В основании стены обнаружены обломки зернотерок.

Читатель может подумать: небогатая добыча ждала археологов в 7-м строительном горизонте. Но надо помнить, что это остатки самого древнего дома когда-либо обнаруженного на территории Душанбе, и вообще одного из древнейших домов в Средней Азии! К тому же такой коллекции керамики для греко-бактрийского времени у нас еще не было. Имеются археологические целые формы, т. е. когда полные сосуды (их отсутствующие части подгипсовываются в процессе камеральной об-

работки), по которым можно судить о форме и технических особенностях посуды, бывшей в употреблении.

Как мы уже говорили, большую часть керамики составляет столовая посуда, а это значит, что раскопом вскрыты остатки не хозяйственных, а жилых помещений. Однако есть и хозяйственная керамика, а также обломки тарных сосудов типа хумов и хумчей. Основные формы столовой посуды 7-го горизонта определяются разнообразными формами мисок, чашек, блюдец, кубков, разнообразных тарелок и тарелочек — целый набор парадной посуды хозяйки дома, жизнь в котором проходила более 2000 лет тому назад. Столовая посуда произведена из хорошо отмученной глины, хорошо обжигалась — тонкая, имеет звонкий звук, если щелкнуть по краю чашки или бокала, что особо ценится гончарами. Многие сосуды сверху покрыты тонким слоем красивого светло-красного ангоба (специально подготовленной глины) и залощены. Но особенно нас порадовали так называемые «рыбные блюда».

Именно эта форма, конечно в совокупности с другими наблюдениями, легла в основу датировки 7-го горизонта, предложенной А. Л. Абдуллаевым, — первая половина 3 в. до н. э. Знакомясь с этой керамикой, наши большие друзья — французские археологи, работающие вместе с археологами Таджикистана на поселении Саразм в Пенджикенте, высказали предположение, что керамика из новых раскопок душанбинского городища может быть немного старше и заходить в 4 век до н. э. Однако тут главное слово принадлежит исследователю. И поэтому мы должны принять дату, предложенную А. Л. Абдуллаевым.

Прошло пять лет и снова А. Л. Абдуллаев в центре внимания археологов столицы. На расстоянии примерно полкилометра от раскопа № 2, уже на правом берегу канала высится останец былой террасы, ее западное окончание, уничтоженное, как мы неоднократно говорили, при строительстве канала. Длина этого останца с севера на юг всего 100 м, максимальная ширина — 25 м, а высота 9—12 м. Этот останец был хорошо известен археологам и по работам 1983 г., когда здесь были найдены более поздние археологические материалы (о них речь пойдет дальше). Сейчас строители МЖК должны по своему проекту сделать здесь нужную им площадку и намерились начисто снести останец, а с ним и всякую память о древнем участке душанбинского городища. Пришлось срочно снова взяться за лопаты. Раскоп площадью в 80 м² вскрыл два жилых горизонта. В первом зафиксирован очаг и собрана керамика. Во втором — остатки пахсовых стен длиной 10 м,

образующих два помещения. В северном расчищено два прямоугольных очага. В одном из них сохранилась зола, в другом найдено несколько фрагментов керамики. Имеется здесь и хозяйственная яма, найдены также ладьевидные зернотерки. Мельниц тогда еще не существовало и злаки вручную перетирались на широких камнях крупнозернистых пород, обычно гранитов, которые от долгого употребления стирались, образуя в центральной части углубления. Керамика дает уже знакомые нам формы — миски с клиновидным разрезом венчика, чашки с вогнутой закраиной, чашки цилиндрической формы, обломки хумов и хумчей. Найдена археологически целая мустахара — плоский сосуд типа крупной фляги, употреблявшейся для переноски воды. Керамика в общем та же самая, что и в раскопе № 2. Дополнительными находками являются грузила (для ткацкого станка?), конические пряслица для пряжи, сделанные из керамики. Комплекс датируется несколько более шире — 3—2 вв. до н. э., но вполне вписывается в Греко-Бактрийское время.

В начале 1989 г. Али Латифулаевич продолжил работы на «Останце». Эти работы финансируют строители и это хороший пример правильного отношения к памятникам старины. Именно здесь сохраняются драгоценные для археологов самые древнейшие горизонты, говорящие о самых ранних этапах заселения нашего города далекими предками таджиков бактрийцами.

Заканчивая этот раздел, мы можем сказать — от Греко-Бактрийского городища остались лишь мизерные кусочки, и судя по изученным остаткам, можно говорить лишь о небольшом провинциальном поселении или городке, жители которого, однако, имели широкие торговые и культурные связи и в производстве керамики (и, вероятно, в строительстве) были полностью на уровне своего времени. Жаль, что большая часть городка была уничтожена в 50-е годы.

Кушане строят город

В идеальном варианте археологи вправе были ожидать, что кушанское время будет представлено на душанбинском городище значительно шире не только по материалу, но и по территории его распространения. В целом именно так и получилось. Кроме того, в некоторых случаях кушанская керамика обнаружена в других местах города, вне душанбинского городища, что говорит о более широком, чем в Греко-Бактрийское время распространении обжитой территории в кушанскую эпоху. Однако, к большому нашему огорчению, во время работ

1983 г. в многочисленных раскопах и шурфах также встречена кушанская керамика, но не обнаружено достаточно хорошо выраженных строительных горизонтов. В основном это была «переложенная» керамика, т. е. перемещенная в результате различных причин со своего первоначального места. Не обнаружены даже сколько-нибудь важные постройки этого периода. Это совсем не значит, что таких построек, например, дворцового комплекса, храмов, домов богатых горожан эпохи расцвета кушанской империи на площади, занимаемой душанбинским городищем, вовсе не было. Просто в данном случае, нам не хватало совсем немного — простого археологического счастья, в исследовании далекого прошлого оно приходит далеко не всегда. И так всякое другое счастье, чаще всего неуправляемо, непредсказуемо и случайно. В данном случае с огорчением надо сказать: удачи не было. И тем не менее, все что сделано в 1983 г., сделано не зря, немало новых и очень важных, хотя и не слишком эффектных материалов получено в результате этих работ.

Основные раскопки сосредоточились на площади РУРа — Республиканского Управления радиосвязи и радиовещания. Нельзя не отметить имена руководства предприятия — А. Я. Юнусунова, Л. А. Пиюка, начальника участка, на котором предполагалось вести работы, С. В. Мажукова. Не так часто археологи встречают в своих делах такое понимание и поддержку, какую мы получили в ту памятную для нас осень. Целая толпа археологов и студентов с лопатами, ежедневно собиравшаяся у ворот РУРа и потом растекавшаяся на многие объекты почти на всей его площади, конечно, не могла не доставлять беспокойства нашим любезным хозяевам. Но, к обоюдному удовольствию, все прошло очень хорошо и наши студенты проявили должную дисциплинированность.

На территории РУРа раскопочными работами руководила М. А. Бубнова. Здесь было заложено 9 раскопов, а один, 10-й был поставлен недалеко от западной стены, окружающей эту территорию на улице Набережной, во дворе дома № 70, где благодаря настойчивости и дипломатическому подходу В. В. Радилиловскому удалось добиться разрешения на проведение археологических работ. Еще два раскопа также на краю душанбинской террасы нужно упомянуть в данном разделе: два сравнительно крупных изолированных тепе, расположенных на значительном, в несколько километров расстоянии от Душанбинского городища. Это тепе Арки Мир на территории Ботанического сада Академии Наук Таджикской ССР и Искандертепе — на пересечении улиц Фучика и Коргар, как раз на гра-

нице Железнодорожного и Центрального районов города Душанбе. Далеко находящиеся друг от друга археологические памятники объединяет то обстоятельство, что здания, которые здесь когда-то были воздвигнуты, находились на самом краю третьей душанбинской террасы, что было характерно для античного времени. И действительно, нижние горизонты и тепе Арки Мир и Искандартепе дали археологам кушанскую керамику. И не исключено, что между душанбинским городищем и этими памятниками в кушанскую эпоху существовала если не сложная, то во всяком случае достаточно плотная застройка. Это лишь предположение, которое сейчас невозможно проверить, тем более что масштабы раскопок на двух упомянутых памятниках были незначительные и пока трудно сказать, были ли это городские дома или, что кажется более реальным, сельские поселения, примыкавшие к душанбинскому городищу.

Археолог Т. М. Атаханов считает, что нижний, не имеющий строительных остатков слой Шишихона (84-й микрорайон) также принадлежит кушанской эпохе, и хотя не все археологи разделяют его мнение (в частности, один из авторов этой книги В. С. Соловьев считает, что кушанского материала на Шишихоне нет). Если в дальнейшем Г. М. Атаханову удастся доказать свою правоту, можно будет на археологической карте города поставить еще одну точку кушанского времени, уже в равнинной части, где мог существовать свой собственный небольшой центр, состоящий из объединенных в одно целое нескольких сельских замков. Стоит также вспомнить и о россыпях керамики на стрелке слияния рек Лучоб и Душанбинка. Преобладающее количество фрагментов, найденных здесь, легко сопоставляется именно с кушанской керамикой — город кушанского времени, очевидно, переходил и на правый берег Душанбинки, занимая господствующее положение на высокой террасе.

Если соединить все названные нами точки, даже не включая в эту зону Шишихону, получится значительная площадь, охватывающая несколько тысяч гектаров. А ведь мы далеко не все знаем о топографии «Душанбе кушанского времени», и наша реконструкция охватывает (в этом не приходится сомневаться) лишь незначительную часть площади, освоенной за более чем 5 веков существования кушанской империи, в которую входил и этот городок, образовавшийся далеко от официальных ее центров, на берегах быстрой реки Душанбинки (как-то она называлась в то время?).

Вернемся теперь на Душанбинское городище и посмотрим, что здесь нашли археологи, штурмовавшие под руководством

Миры Алексеевны Бубновой тайны душанбинского городища в 1983 году.

Начальник отряда в своем полевом отчете отмечает, что во всех «выработках», т. е. раскопках и шурфах, присутствовала кушанская керамика, причем разнообразная, принадлежащая к последним векам до н. э. и к началу н. э. Душанбинское городище хранит в себе следы длительного и заметного в античной истории Средней Азии кушанского периода. Однако, к большому сожалению, только в одном случае в раскопе № 8 были зафиксированы строительные остатки, хотя общая площадь всех 10 раскопов значительна — более 150 квадратных метров. В начале главы мы уже говорили о том, что во всех раскопах керамика находилась в переотложенном состоянии, перемещенной с места своего первоначального залегания. В отдельных случаях это могли быть остатки мусорных ям, в других — фрагменты керамики перемешались водным потоком (это заметно по краям обломков, в этом случае они приобретают характерную сглаженность), в иных случаях это могли быть обломки посуды, выметенные из дома и скопившиеся внутри двора или за его оградой. В раскопе № 6 темно-коричневый слой, содержащий разновременную керамику, но с преобладанием кушанской, лежал первоначально под углом 40°, а глубже — еще круче, до 60°, что, скорее всего, говорит о сбросе по склону, естественному или искусственному.

Наиболее интересным оказался раскоп № 8, которым командовал молодой археолог И. А. Маслов. Он был заложен в северо-западном углу исследуемой площади в 15 квадратных метров, пройден на глубину 5 м. Руководитель раскопа сумел четко разделить друг от друга 3 культурных слоя, относящихся к различным периодам.

Самый глубокий 3-й слой находится на глубине 3,0—4,0 м. По своей структуре этот слой напоминает крупную хозяйственную яму, заполненную рыхлой зеленой глиной с тонкими прослойками золы. В северо-восточном углу раскопа вскрыта пахсовая стена, сохранившаяся на высоту 50 см. Игорь Анатольевич предполагает, что стена эта старше культурного слоя, поскольку она опирается на стерильную землю — материк, но тогда появляется вопрос: если 3-й культурный горизонт раскопа № 8 датируется по наблюдениям упомянутого археолога раннекушанским временем, т. е. 2—1 вв. до н. э., то стена, выходит, относится к предыдущему Греко-Бактрийскому? Хотелось бы в это поверить, но такую дату стены еще надо подтвердить (вот ведь как в археологии бывает — небольшой кусок когда-то, кем-то сделанной и сохранившейся неполностью

стены будит наше воображение, заставляет думать, искать ответ на целый ряд вопросов, поставленных новым фактом). Раскоп принес большое количество типичной кушанской керамики. Среди фрагментов выделяются обломки знаменитых кушанских бокалов, о которых мы говорили в первой главе, а также обломки ножек этих сосудов; серия мисок с изогнутыми в профиле стенками. Встречены многочисленные венчики кувшинов, орнаментированные волнистыми линиями стенки. Значительная часть керамики, как обычно в кушанское время, покрыта очень тонким слоем красно-коричневого ангоба и тщательно залощена. Реже встречается сероглиняная керамика. Как всегда станковая (сделанная при помощи гончарного станка, а не вылепленная от руки) керамика представлена фрагментами крупных по размерам хумов и более маленьких тарных сосудов-хумчей. А лепная керамика — наиболее количественно распространенной группой фрагментов котлов — какая же хозяйственная яма не будет набита остатками кухонной посуды! Недаром говорят: «где живут, там и посуду бьют», без разбитых горшков и в древности не обходились.

Второй слой, обнаруженный на глубине 2,0—3,0 м от поверхности, вскрыл часть то ли помещения, то ли двора с сильно утрамбованной площадкой, на которой встречен очаг типа тонура с сильно прокаленными стенками, возле него найдены три крупные ладьевидные зернотерки. Наверное какое-то хозяйственное назначение было у группы камней, найденных там же. Количество бокалов здесь уменьшается, но зато их форма становится более разнообразной. А столовых мисок, наоборот, больше. Венчики кувшинов отличаются очень сложным профилем. Как и в нижнем слое, много фрагментов хумов и хумчей, но по количеству первое место по-прежнему занимают лепные лотлы. Анализ всего этого материала привел И. А. Маслова к выводу о существенном отличии этого керамического материала от комплекса керамики нижнего слоя, что позволило ему достаточно уверенно датировать второй слой великокушанским временем. Это будет соответствовать первым двум векам нашей эры.

Третий, верхний слой раскопа № 8 уже выходит за рамки кушанской эпохи, поскольку набор керамики, встреченный здесь, уверенно позволяет отнести его к более позднему, раннесредневековому периоду.

Несколько слов о тоже интересном раскопе № 10, уже вне стен РУра. Здесь также не очень повезло. Раскоп размерами 9 квадратных метров пройден на глубину 7 ярусов и углубился, таким образом, на глубину 3,5 м, где появился материк.

Заполнение раскопа состоит из перекопанной, набитой обломками кирпичей, речными валунами, угольками, керамикой земли темно- или светло-коричневого цвета. Прослеживаются остатки хозяйственных ям, а иногда — зольные прослойки. Западная часть раскопа выходит на обрыв террасы, где вполне может быть и стоял тот дом, откуда выбрасывались в мусор и на свалку найденные в раскопе вещи. Так вполне могло быть, ведь та часть городища, которая протягивалась на запад, как мы уже неоднократно говорили, была разрушена каналом. Делать в чужой усадьбе крупномасштабные раскопки мы, естественно, не могли.

Работавший здесь археолог В. В. Радилиловский провел тщательную статистическую обработку всех 416 фрагментов керамики, извлеченных из шурфа (целым оказался только один горшок, в археологически целыми — 2 бокала) и разделил весь полученный материал на 2 группы. Нижняя, более ранняя, определяется им в рамках кушанского времени и датируется, в предварительных чертах (это дело автора быть уверенным или неуверенным в своих выводах) 2—3 вв. н. э., тогда как верхняя, полученная в 1—3 ярусах, относится к 4—5 вв. н. э. Этот материал отдельно можно не описывать, он вполне схож с другим кушанским материалом, упомянутым выше. Такой же материал был встречен и на упоминавшемся выше «Останце», на котором в 1983 г. работали Е. П. Денисов и архитектор Е. Разумовская из Ленинграда.

Кушанский слой обнаружился в раскопе, площадь его была определена в 24 квадратных метра, на глубине 2 метров от поверхности. Расчищено три очага, содержавших золу и кости животных и зафиксировано несколько уровней полов, причем некоторые участки на них сохранили следы огня. Опытный археолог сумел найти здесь хозяйственные ямы и даже заметить в лёссе, в котором они были вырыты, следы инструмента типа кирки или теши. Керамика типично кушанская, по мнению Е. П. Денисова — раннекушанская (1 в. до н. э.—2 в. н. э.).

Как всегда, наиболее привлекательны тонкостенные «звенящие» бокалы, фрагменты их найдены с другой керамикой, покрытой типичным красным ангобом, и отличающейся хорошим лощением поверхности.

По всей очевидности, основная часть кушанского городища и в районе радиостанции находилась западнее. А здесь был на рубеже веков пустырь, может быть заселенный отдельными усадьбами или даже отдельными домами, следы одного из них обнаружены в раскопе № 8. Эти земли прилегали с одной стороны к городищу, а с другой — к кладбищу — некрополю.

Возможно, здесь существовали и свалки, куда вывозили битые черепки. Остатки таких свалок и обнаружены почти во всех заложенных здесь раскопах.

Особое внимание следует уделить рву, который прослеживается в районе наших раскопок. Ров широкий и глубокий, заметен в районе современной улицы Рудзки, затем проходит по западной части РУРа, очень плохо, но все же прослеживается среди массива жилых домов, примыкающих с запада к Краснойармейской улице (наблюдения М. А. Бубновой). Это, конечно, остатки крупного канала, вырытого, вероятно, еще в античное время, его водой пользовались жители душанбинского городища. С другой стороны, наполненный водой ров, при случае мог служить достаточно сложным оборонительным рубежом для основной части городища с востока.

Дары богу Харону

К северу от Душанбинского городища, на площади около 20 гектаров, располагался город мертвых — некрополь, где горожане хоронили своих родственников. Там, где сейчас раскинулись огромные антенны радиостанции, в древности время от времени появлялись траурные процессии. Проходили годы, заплывали, ставали невидимыми для глаза людей могильные холмики. Жаль, конечно, что сейчас нельзя во всей полноте представить весь обряд захоронения, в котором, как в зеркале отражаются древние верования (а ведь некоторые элементы из них сохранились вплоть до наших дней), но все же многое об этих обрядах археологи рассказать все же могут.

Из второй главы читатель знает, что в одном из дворов, примыкающем к современной территории РУРа, рыли яму и наткнулись на два крупных сосуда — хума, в которых находились человеческие кости, стало быть в них производились захоронения. На венчике одного из хумов, как помнит читатель, была сделана надпись греческими буквами. Надпись прочитана и означает слово «камедь». Получается, что захоронение древнего бактрийца было совершено в сосуде, который первоначально предназначался для хранения древесной смолы. Что же это такое — погребения в хумах? Что это за обряд, который в древности, во всяком случае в античное время и в раннем средневековье, был очень широко распространен в Бактрии. На этот счет в науке существуют разные предположения. Некоторые ученые думают, что захоронения в хумах возникают в связи с зороастрийскими обычаями, строго запрещавшими соприкосновение мертвого тела с землей, чтобы не осквернить ее.

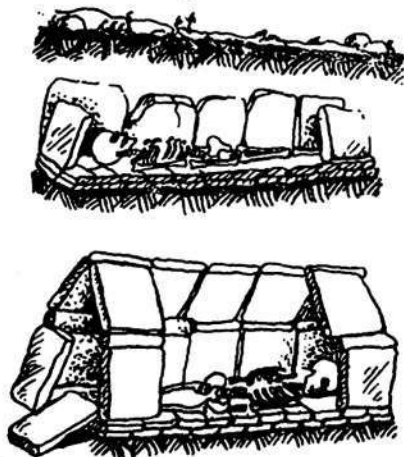

Рис. 22. Кирпичные склепы из некрополя на Душанбинском городище. Эпоха кушан.

Другие полагают, что здесь нет никакого религиозного содержания, этот тип погребения, широко распространенный как в I тысячелетии до н. э., так и в I тысячелетии н. э. от Средней Азии до Кавказа и Ближнего Востока, объяснялся только целесообразностью (всегда можно было использовать имеющийся под рукой хум, не надо делать какое-нибудь другое погребальное сооружение). Например, деревянный гроб. В пользу предположения 'говорит тот факт, что в Средней Азии домусульманского времени погребения в хумах были распространены на различных территориях и у разных этнических объединений, имевших, очевидно, религиозные различия. Большую протяженность эти погребения имеют и во времени.

На Душанбинском некрополе известны и другие погребения в хумах. Недалеко от описанного выше были раскопаны два захоронения людей в хумах, которые лежали на боку горлом на север; горловина одного из них была прикрыта обожженным кирпичом. В хумах в скорченном положении находились костные останки людей плохо сохранившихся, никаких вещей с ними не было, что затруднило датировку этих захоронений. Поскольку формат обожженного кирпича, закрывавшего горло одного из хумов, был таким же, как и формат кирпичей, из которых сооружались погребальные камеры (о них чуть позже), можно предположить, что хумные захоронения также относятся к кушанскому периоду.

В 1956 г. в Институт истории, археологии и этнографии со-

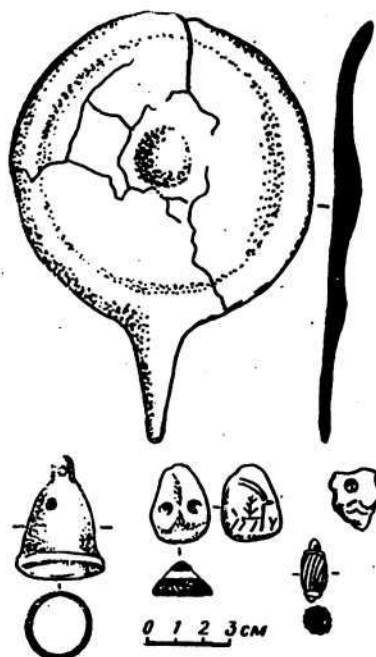

Рис. 23. Предметы из погребения на Душанбинских холмах. Бронзовое зеркало и бронзовый колокольчик, печатка с изображением козла, подвеска и пастовая бусинка из жировика.

общили, что на территории радиостанции во время хозяйственных работ найдены новые захоронения. Археолог Э. Г. Гулямова заложила в этом месте поисковую траншею длиной в 13 метров и пять шурфов. В траншее, на глубине около полуметра, была расчищена погребальная камера, выложенная из квадратных ($37 \times 37 \times 5-6$ см) обожженных кирпичей, вытянута она с севера на юг. В камере находился скелет человека плохой сохранности (очевидно, это было погребение женщины). Погребение сопровождали плоский золотой кружок диаметров 1,6—1,7 см, толщиной 3 мм, лежащий у правого плеча, и бронзовое зеркало с небольшой ручкой у ног. Чуть углубившись после расчистки этого захоронения, археологи обнаружили еще одну погребальную камеру, сложенную из плотно пригнанных друг к другу известяковых плит; пол камеры выстелен обожженным кирпичом того же формата, что и у vyšележащей камеры. В отличие от первой камеры здесь хорошо сохранилось двухскатое перекрытие, выложенное из тех же кирпичей. Таким образом, перед нами настоящий «дом для мертвого» — с крышей, стенами и полом. В новой камере так-

же находилось одиночное захоронение, ориентированное головой в противоположную, по сравнению с предыдущим захоронением, сторону. Рядом с правым плечом погребенного лежал плоский золотой кружок диаметром 2 см, толщиной 1,6 мм. Благодаря находке в верхнем погребении бронзового зеркала, оба захоронения могут быть датированы в пределах от I в. до н. э. до IV в. н. э., т. е. они относятся к кушанскому времени.

Несмотря на то что кирпичные склепы в душанбинском погребении были частично разрушены, они производят очень большое впечатление, прежде всего благодаря возможности полной реконструкции их первоначального вида — здесь построены настоящие «домики мертвых». Это не единственное погребение этого рода в Гиссарской долине, хотя, может быть, и наиболее своеобразное, кирпичные домики-склепы известны для кушанского времени на могильнике Тупхона в Гиссаре, правда, здесь они строились в основном из кирпича-сырца и оформлялись по-другому. В вырытой специально яме сооружалась своеобразная «рама» из положенных плашмя кирпичей и на этой основе, наклонно поставленными кирпичами создавалась, как и на Душанбинском городище, двухскатая крыша. В принципе тупхонинские склепы очень близки к сооружениям, вскрытым Э. Г. Гулямовой.

Б. А. Литвинский, анализируя погребальные обычаи Тупхоны, справедливо выводит описанные кирпичные сооружения-склепы из более ранних склепов, известных, например, в греческом городе Ай-Ханум, причем эта традиция, по мнению исследователя, была заимствована бактрийскими греками в Месопотамии. Впоследствии эта идея постепенно трансформировалась, и на рубеже новой эры появляются небольшие склепы из кирпича-сырца, значительно более упрощенные. Одним из вариантов этих склепов являются сооружения из жженого кирпича, которые мы видим в Душанбе. Б. А. Литвинский в упоминавшейся выше монографии, посвященной культам и ритуалам кушанской Бактрии, дает очень полный и чрезвычайно интересный обзор бактрийских погребальных обрядов, основанный на привлечении огромного числа публикаций как советских, так и зарубежных. Этот обзор помогает нам найти место и для погребений, найденных на душанбинском городище.

Нельзя исключить, что два захоронения в хумах, о которых упоминалось выше, как-то связаны с кирпичными склепами, но такая связь совсем необязательна, тем более что как для первого, так и для второго типа погребений нет так сказать «узкой» даты, позволяющей с нужной точностью сопоставить эти погребения во времени.

Годом позже, в поселке «Нагорный» при выемке грунта на глубине 2,5 м от поверхности было обнаружено древнее захоронение, принадлежащее, судя по набору сопровождающих его вещей, женщине. О находке в Республиканский историко-краеведческий музей сообщил житель улицы Нагорная В. Р. Грамс. Погребение находилось на крутом склоне в плотном лёссовидном суглинке. Место его находки обследовано сотрудниками Республиканского музея Ш. И. Исламовым, А. С. Давыдовым и заведующим сектором археологии и нумизматики Института истории, археологии и этнографии Академии Наук Таджикской ССР Б. А. Литвинским. Погребение сильно нарушено добытками грунта, поэтому некоторые вещи в нем сдвинуты с места. Около головы погребенной стояло несколько керамических сосудов: кружка, кувшин, горшок и два миниатюрных спаренных сосудика. В области шеи нашли каменную подвеску с вырезанными на ней изображениями козла и дерева, амфоровидную подвеску из зеленоватой стеклянной массы, бронзовое зеркало, колокольчик и браслет, перстень с изображением человека и подвеску из обломка морской раковины. По рассказам жителей, еще одно древнее погребение, сопровождаемое двумя керамическими сосудами, было найдено недалеко от этого места. Б. А. Литвинский, изучивший находки из описанного выше погребения, пришел к выводу, что оно датируется II—III вв. н. э.

Таким образом, в каком-то промежутке времени погребения на душанбинском городище и могильник в поселке «Нагорный» совпадали. Но исследования специалистов показали, что они тем не менее принадлежали к разным этническим образованиям. Погребения в районе душанбинского городища оставлены местным, оседлым земледельческим населением, жившим в небольшом кушанском городке, располагавшемся на краю душанбинской террасы и имевшем искусственную ирригацию. Погребение, известное под названием «погребения на душанбинских холмах», судя по материалу, принадлежало кочевникам античного времени. Кочевники — это скотоводы древних времен, и хотя у всех кочевых племен существовала определенная зона обитания, постоянного места жизни не имелось. Кочевали они со своими стадами в зависимости от сезона, от уровня трав, часто там, где можно было кормить скот и содержать его в безопасности. Быстрые, подвижные, хорошо владеющие конным строем кочевники во все времена были более воинственными, более организованными в военном деле, чем жители земледельческих оазисов. Но сказать конкретно, какие кочевники оставили погребение на душанбинских холмах, пока

нельзя. Для этого в распоряжении археологов имеется слишком мало материала. Кое что из инвентаря напоминает джунгскую культуру кочевников, распространенную на севере Согда и в Приташкентском районе — Чаче, другие аналогии увозят исследователей в мир известной сарматской культуры — кочевников Поволжья и Урала.

Трудно сказать, какими были взаимоотношения постоянных жителей душанбинского городища и кочевавших на холмах, окружающих современный город, кочевых племен. Но судя по тому, что погребения, о которых мы говорим, разделяет всего несколько километров (и, следовательно, это была зона выпаса скота горожан), отношения скорее всего были мирными, дружескими. Об этом может говорить, кстати, и найденный в погребении кувшин — кружка явно городского происхождения. Наличие подобной посуды в обиходе кочевника чаще всего свидетельствует об обмене продуктами производства или торговле, хотя первая форма в античное время безусловно преобладала в экономических контактах между оседлым и кочевым миром.

Найденные на территории Душанбе древние захоронения дали чрезвычайно интересные сведения об идеологии его жителей. Прежде всего хочется остановиться на двух золотых кружочках, обнаруженных в погребениях некрополя душанбинского городища. По всей очевидности, они равнозначны маленьким серебряным монеткам-оболам, которые клали в кушанское время под язык или в руку покойникам родственники. Так, много раз их находили при раскопках могильника Тупхона — недалеко от Гиссарской крепости. М. М. Дьяконов, одним из первых среди среднеазиатских исследователей начавший его изучение, обратил внимание на сходство этого погребального обряда с погребальным обрядом древних греков, помещавших иногда с умершими монетки — «оболы Харона». У древних греков существовало представление о том, что души умерших людей на пути в загробный мир должны были пересечь на лодке, которой правил бог Харон, реку подземного мира Стикс. Именно для оплаты трудов божеству предназначалась монетка, которую клали с покойником в могилу. Этот обряд упоминается во многих греческих источниках. В комедии Аристофана «Лягушка» можно прочитать:

«На челночище маленьком старик седой Гребец.
За два гроша перевезет тебя».

Со школьных лет мы помним трогательную историю любви Орфея и Эвридики. Орфей, удивительно красиво игравший на

арфе, спускается в ад, чтобы найти свою любимую жену. Но Харон не хочет его перевезти через реку мертвых — Стикс, поскольку у Орфея нет монетки. Зачарованный игрой Орфея, Харон не замечает, как тот садится в лодку и переправляется через запретную реку. Но когда Орфей нарушает завет бога подземного царства Аида и оглядывается назад при выходе из ада, тень Эвридики, которая должна была превратиться при выходе из ада в его любимую жену, исчезает, а вторично без монетки Харон отказывается вновь перевезти безутешного Орфея через реку мертвых¹. Вот такой красивый миф сохранило для нас время. А Харона мифы чаще всего рисуют неопрятным, заросшим и жестоким стариком, разгоняющим при помощи весла души умерших, не имеющих монетки, обрекая их вечно маяться на берегу Стикса.

У археологов есть все основания думать, что греческие грошики-оболы и их иммитация в виде золотых дисков или специально приготовленные для погребения золотые или электронные кружочки-брактеаты, которые имеют вид монеты, но со штампом лишь с одной стороны, отражают в Средней Азии греческий погребальный обряд, связанный с подношением Харону. Нужно отметить очень широкий хронологический диапазон этого обычая — от первых веков до нашей эры вплоть до нашествия арабов.

В одном из найденных археологами погребений около Пенджикента обнаружен даже арабский дирхем. Конечно, монету в могилу могли положить и в виде оберега или для приобретения покойником пищи для загробной жизни, но поскольку монетный чекан в Бактрию принесли греки, то скорее всего, как и у греков, монеты предназначались для платы божеству. Вероятно, пережитком древнего обычая являются случаи, когда в рот умершему в наши дни вкладывалась бусина или какая-нибудь драгоценность у таджиков Кулябской и Сурхандарьинской областей?

Однако здесь не так все просто. Еще М. М. Дьяконов указал на такой же обряд в древнем Китае, что привело его к выводу, что обряд положения монеты в рот покойнику (или, добавим, вообще в могилу) имеет в Бактрии глубокие местные корни. Этот обряд, существовавший еще до греков, сливается с греческим — после прихода македонского войска бактрийцы в могилу кладут чаще всего греческий обол. В дальнейшем мы находим в погребениях различные монеты, что связано, очевид-

¹ Легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима.— М., 1987, с. 229—233.

но, и с различной идеологической нагрузкой. Отголоском этого обряда может являться обряд посыпания монетами носилок с покойным у современных народов Средней Азии.

Но как ни интерпретировать золотые кружочки из душанбинского двойного погребения, они открывают нам путь для изучения очень интересных и разнообразных обрядов, возникших в глубокой древности и прошедших через громадную толщу лет, сохранившихся, правда, в трансформированном виде и в наши дни.

Захоронения в хумах свидетельствуют о стремлении родственников не допустить того, чтобы тело умершего соприкасалось с землей. За последние годы таких захоронений в Средней Азии найдено множество. У некоторых исследователей даже появилась идея о том, что существовала секта хумников — людей, хоронивших умерших в хумах. Однако идея насчет того, что они принадлежат среднеазиатским зороастрийцам, кажется более вероятной. Они считали, что земля-кормилица святая, а человеческое тело грешное, а потому и нельзя было допускать, чтобы после смерти они соприкасались. Для этих же целей использовались и специально изготовленные керамические ящики — остодапы (оссуарии).

Большой интерес представляет изображение козла и дерева на амулете в погребении из поселка «Нагорный». Истоки этого сюжета лежат еще в эпохе бронзы, специалисты считают, что он был связан с культом плодородия. Козел издревле почитался народами Средней Азии. Погребение неандертальского мальчика, совершенное 50—40 тысяч лет тому назад в Байсунском районе было ограждено со всех сторон рогами горного козла. О почитании в древности козла свидетельствуют и многочисленные его наскальные изображения, относящиеся к более поздним эпохам. До наших дней сохранились отзвуки древнего почитания козла в Таджикистане. Еще в 20-е годы памирский охотник прежде чем выстрелить из ружья в горного козла-нахчира, просил у него прощения. Это представление идет от того времени, когда люди считали козла своим тотемом — прародителем, к тому же козел являлся основной добычей древних охотников и не раз спасал их от голодной смерти.

Очень жаль, что в распоряжении ученых всего несколько погребений с территории Душанбе. Читатель мог оценить, как много интересных фактов и мыслей дали даже немногочисленные памятники этого рода, описанные выше. По всей очевидности, некрополь на душанбинском городище не был сплошным, а могильные сооружения и отдельные погребения располагались отдельными скоплениями, характеризующими какой-то

временной отрезок. Затем кладбище устраивалось рядом или даже на большом расстоянии от предыдущего.

Бактрия при кушанах достигает нового расцвета, усиливаются ее международные связи. Высокого уровня достигла международная торговля, кушанские монеты найдены в Индии, Эфиопии и других странах. При кушанах Бактрия налаживает отношения с Египтом, Римом, Китаем, Индией. В результате тесных отношений с Индией в Бактрии распространяется буддийская религия, сыгравшая огромную роль в культуре, искусстве, идеологии. Из Бактрии буддизм распространился в Китай, Корею, Японию. В кушанский период (I в. до н. э. — IV в. н. э.) переживает свой расцвет Гиссарская долина. Здесь существовало несколько больших городов, много поселений. Продолжается жизнь на душанбинском городище, к этому периоду относятся и несколько захоронений, найденных в некрополе города.

В поисках загадочного Шумана

Напомним, что в этот период (5—8 вв.) на территории Гиссарской долины постоянно осуществлялись активные контакты между различными народами. Этому способствовало удобное географическое расположение долины, через неё проходили в разные стороны торговые пути, связывающие между собой как многие регионы Средней Азии, так и весьма удаленные от неё страны со среднеазиатскими владениями. В том месте, где сейчас проложены современные автомобильные трассы, в древности пролегли караванные тропы. Особенно тесные контакты Шуман и Ахарун поддерживали с соседним Согдом, граничащим с ними непосредственно. Горные проходы в Гиссарском хребте, по которым сейчас путешествуют в летнее время туристы, использовались тохаристанцами и согдийцами для общения между собой.

Дело не ограничивалось только торговлей, отдельные правители Тохаристана посылали посольства ко двору согдийских царей. Во время раскопок древнего Самарканда на стенах парадного дворца открыта живопись — изображение сцены прибытия к царю Вархуману посольства из различных стран, в том числе из тохаристанского владения Чаганиан, занимавшего Сурхандарьинскую долину. Древний писец оставил пояснения к этим сценам. Вот что, например, он писал: «Когда царь Вархуман (из рода) Унаш к нему (послу) приблизился, (посол) открыл рот. «Я — чаганианский дапирпат (по имени) Пукарзате. От чаганианского государя Туранташа сюда в Самарканд

к царю для выражения почтения я прибыл и пребываю я сейчас в почтении перед царем. И ты (о царь), вовсе не имей подозрений относительно меня — о самаркандских богах, а также о самаркандской письменности я хорошо осведомлен, и я не причиню никакого зла (самаркандскому царю). И пребывай, о царь, в полном благополучии. И царь Вархуман (из рода) Унаш отпустил его»¹. Из Согда в Тохаристан шли буддийские паломники, на родине им не давали возможности поклоняться Будде, в Тохаристане же буддизм процветал. Именно поэтому в Гиссарской долине насчитывалось несколько монастырей. Часть согдийских монет, найденных в Южном Таджикистане археологами, принесена была сюда буддийскими паломниками. Согдийцы не только посещали Гиссарскую долину, но и селились в ней. Несколько лет назад около Гиссарской крепости случайно был найден глиняный гроб 5—6 вв. н. э. с захоронением согдианки, судя по имени, прочерченном на стенке гроба. В Варзобском ущелье до сих пор довольно компактно живут потомки согдийцев, переселившихся сюда из горного Согда много лет назад.

Все это вселяло в археологов самые радужные надежды ожидания мощных культурных слоев раннего средневековья на душанбинском городище и вообще следов этого периода на территории нашего города. Нельзя сказать, что эти надежды совсем не сбылись, но результаты раскопок в первой своей части на душанбинском городище никак нельзя назвать радостными. Несмотря на то что во время раскопок РУРа керамика 5—8 веков встречалась во многих местах и почти во всех раскопах, даже в отдельных случаях можно говорить о довольно мощных культурных слоях, эти точки отдалены друг от друга значительным пространством и нигде не встретилось архитектурных остатков. По всей очевидности, как и в кушанскую эпоху, здесь была свалка, примыкавшая к городу, который, как и в предыдущее время, находился западнее. А может быть раннесредневековый город надо искать и в других направлениях, там, где сейчас давно уже стоят новые дома города?

Но зато в других местах археологам удалось получить хороший материал, а в отдельных случаях можно сказать — просто великолепный. На территории города обнаружено несколько отдельно стоящих холмов — тепе, представляющих собой скорее всего изолированные замки или же остатки несохранившейся группы построек, в которых эти замки занимали какое-то место, скорее всего центральное. Три из них — Арки Мир,

¹ Перевод текста В. А. Лившица.

Тепе Искандар и Чормагзтепа подтвердились раскопками, в последнем случае значительным по масштабам. Возникает весьма сложный при явном недостатке фактических данных вопрос — что это, остатки независимых между собой сельских поселений или остатки города, нами еще не обнаруженного. Все эти замки или небольшие поселения тяготели к одному центру, которым мог быть, например, раннесредневековый город Шишихона. Сказать трудно, но нам больше импонирует второе решение. Нельзя ведь исключить и то, что часть средневекового города, причем значительная площадь погибла при строительстве канала или одна часть пока еще не найдена.

Тепе Арки Мир расположено в непосредственной близости от душанбинского городища на территории Ботанического сада Академии Наук Республики Таджикистан. Необходимо сказать слова глубокой благодарности членам-корреспондентам Академии наук — бывшему директору Института ботаники М. Р. Расуловой и В. И. Запрягаевой — за любезное содействие в проведении археологических работ на территории Ботсада.

Тепе Арки Мир небольшое, вытянутое с севера на юг, размеры 60 × 50 см. Высота его 3,5 м. Тепе очень аккуратное, компактное и, конечно, полные его раскопки были бы чрезвычайно интересны. Однако здесь приходится считаться с интересами ботаников, использующих поверхность тепе для создания одного из уголков таджикостанской природы. А пока здесь был заложен небольшой раскоп площадью в 24 кв. метра, работами руководил аспирант Института истории им. А. Дониша Музафар Азизов (ныне преподаватель Кулябского пединститута), консультировали Э. Г. Гулямова и М. А. Бубнова. Как мы уже готорили, в самом низу встречалась керамика кушанского времени, но главный материал бесспорно раннесредневековый. На глубине примерно 2 м вскрыт пол с остатками очагов и каменной вымосткой, а под ним часть стены из кирпича-сырца. Встречено большое количество типичной для этого времени керамики, преобладают фрагменты крупных лепных котлов, обломки зернотерок и костяное пряслице.

Раскопки Тепе Искандар осуществил археолог Е. П. Денисов. Но поскольку основная часть материалов, полученных на этом памятнике, относится к более позднему времени, здесь мы только упомянем, что при раскопках был получен и комплекс керамики раннесредневековой эпохи, а это говорит о том, что и здесь в этот период проходила интенсивная жизнь и можно предположить, что душанбинская терраса от Ботанического сада на севере до Тепе Искандар на юге имела несколько раннесредневековых поселений. Может быть даже объединенных

в одно целое. Но наибольший успех ждал археологов в другом месте.

На северо-западной окраине Душанбе, среди быстро растущих домов жилмассива «Испечак I» чудом сохранился холм, площадью в полгектара. Вокруг него растут великолепные деревья орешника, отсюда и название холма — Чормагзтепе (Ореховый холм). Ещё недавно недалеко от холма располагались хлопковые поля, рядом с ним поселились колхозники, выстроившие здесь дома. Они же выровняли верхушку холма, превратив её в место, где устраивались празднества с борьбой местных силачей — пахлаванов. Одно время на холме функционировала колхозная птицеферма. Все это конечно не способствовало его сохранности. Во время хозяйственных работ люди находили на холме и вблизи него различные вещи и монеты, что говорило о том, что в его недрах скрываются развалины каких-то построек. О существовании Чормагзтепа археологи узнали ещё в начале 50-х годов, когда начали изучать памятники Гиссарской долины, но до него, как говорится, не доходили руки. В 1983 г., когда началось систематическое археологическое изучение территории Душанбе, одного из авторов назначили руководителем группы студентов, отправившихся исследовать этот холм.

Поверхность его покрывал плотный слой дерна, от которого отскакивали штыковые лопаты. Но вот слой дерна пройден, и первые попавшиеся нам черепки подсказали, что холм имеет длительную и сложную историю. Последующие раскопки позволили узнать её более детально, получить массовый археологический материал.

В VII — первой половине VIII в. в. н. э. на месте холма возвышались над окружающей местностью строения феодального замка. В основании замка находилась искусственная платформа высотой около четырех метров, со всех сторон его окружала оборонительная стена, фланкированная на углах башнями. Постройки замка возведены из крупного сырцового кирпича прямоугольного формата (50 × 25 × 8 см) и битой глины — пахсы, они сохранились на высоту до 3 метров. Кладка стен аккуратная: строители обязательно делали перевязку швов вышележащих и нижележащих рядов кирпича, соблюдали их строгую горизонтальность. Поверхность стен оштукатурена глиняным, с добавкой рубленой соломы раствором. Стены некоторых помещений имеют сильный наклон внутрь, это делалось для того, чтобы их легче было перекрыть сводами и возвести второй этаж.

Значительную площадь первого этажа занимали коридоры, образующие интересную архитектурно-планировочную компо-

зицию, напоминающую с высоты птичьего полета громадную гребенку, в которой «зубьями» являлись стены коридоров, подходящие симметрично с южной и северной сторон под прямым углом к массивной глухой стене, вытянутой с востока на запад. Эта стена являлась своеобразной осью строений замка. В Средней Азии раскопано большое число раннесредневековых замков, сравнивая с ними Чормагзтепа, мы постепенно убедились в том, что на территории Душанбе открыт уникальный по своей планировке памятник. Подобная планировка в древних строениях Средней Азии встречена впервые, потому что обычно подобные коридоры одновременно разделял и соединял между собой осевой коридор. Для читателей такое различие может показаться незначительным, но нам оно дало возможность выделить новый вариант замковой застройки.

Коридоры имели длину около двадцати метров, ширину чуть больше метра. Они служили для хранения продуктов: зерновых, вина, сухих фруктов и др. В хранилищах лежали и различные вещи, столовая и кухонная посуда. Продукты помещались в крупные сосуды — хумы, каждый из которых вмещал около ста килограммов. Хумы ставили на невысокие суфы, так как коридоры были очень узкими, темными, передвигаться по ним между рядов хумов было сложно. В одном случае владельцы замка нашли оригинальный выход — устроили в коридорных стенах небольшие ниши, куда частично входили тулова хумов. В этом же коридоре в пол был по горло вкопан хум для сбора мусора, что свидетельствует о том, что владельцы замка заботились о чистоте его помещений. Продукты хранились не только в коридорах, но и в помещениях — хранилищах, одно из них раскопано в северо-восточном углу замка. Площадь хранилища достигала шестнадцати квадратных метров, перекрывала его плоская крыша, деревянные остатки которой в виде балок и колонн найдены упавшими на полу. Вдоль длинных стен хранилища цепочками стояли хумы, здесь же находились большие и маленькие кухонные котлы. Невольно возникает вопрос о том, зачем столько хранилищ продуктов для одного замка? Ответ на этот вопрос нужно искать в политической ситуации того времени, когда существовал замок. Шло завоевание Средней Азии арабами, обитатели замка могли себя чувствовать увереннее, имея большой запас продуктов на случай военных действий в Гиссарской долине, осады. Сельскохозяйственные продукты выращивались на полях, принадлежащих феодалу, не исключено, что часть их продавалась в расположенном недалеко от замка городе, развалины которого именуются Шишихона, находятся они в 84-м микрорайоне.

При раскопках помещений первого этажа кроме строитель-

ных остатков найдены вещи, вышедшие из употребления и брошенные обитателями замка: керамические сосуды, пряслица — небольшие маховички, надевавшиеся на веретено, железные наконечники стрел и многое другое. Среди находок великолепная терракотовая фигурка козла — очень реалистичная и выразительная, она является, видимо, игрушкой ребенка. Проржавевшие от времени наконечники стрел сейчас кроме любопытства никаких чувств у нас не вызывают, но в древности они были грозным наступательным и оборонительным оружием: выпущенные из тугого лука стрелы поражали противника на расстоянии нескольких сотен метров. Один из наконечников, имеющих узкую головку, был бронебойным — от него не спасала даже мощная кольчуга. Фишка для игры в нарды изготовлена из памирского лазурита, думается, что она стоила немалых денег, потому что тогда лазурит ценился на вес золота. Поэтому фишку, когда она раскололась пополам, не выбросили, а просверлив в ней отверстие, использовали как бусину.

Очень разнообразен набор керамики: многоведерные хумы, грубые кухонные лепные котлы с богато орнаментированными крышками для них. Тонким черепком и хорошим обжигом отличается столовая посуда, среди неё выделяются тарелки для еды, сосуды для вина и воды, кружки. Когда занимаешься изучением керамики Чормагзтепа, то в глаза невольно бросается то, что в её облике сочетаются тохаристанские и согдийские черты. Часть керамики сохранилась полностью, она оставлена на полах помещений или содержится в их заполнении. Постройки второго этажа замка, к сожалению, не сохранились. Вероятно, они были преимущественно жилыми и парадными, украшенными настенной живописью, фрагменты которой синего цвета найдены.

Во время арабского завоевания Шумана замок был захвачен, разграблен, жители покинули его. Долгое время в нем никто не жил, поэтому замковые постройки начали разрушаться. Постепенно на его месте образовался холм с неясными очертаниями помещений. Вернулись люди в замок в конце XII в., незадолго до вторжения татаро-монголов в Гиссарскую долину, разгромивших городские центры. Перед новым строительством остатки стен второго этажа и верхушки стен первого этажа были срублены. Кусками пахсы и сырцовыми кирпичами засыпали провалы помещений, на образовавшейся более или менее ровной площадке возвели небольшое поселение. Планировка его строений не совсем ясна, потому что они сохранились лишь на краях поселения. Качество построек очень плохое. Трудности, испытываемые в это время жителями поселения, отразились и на облике предметов материальной культуры. На

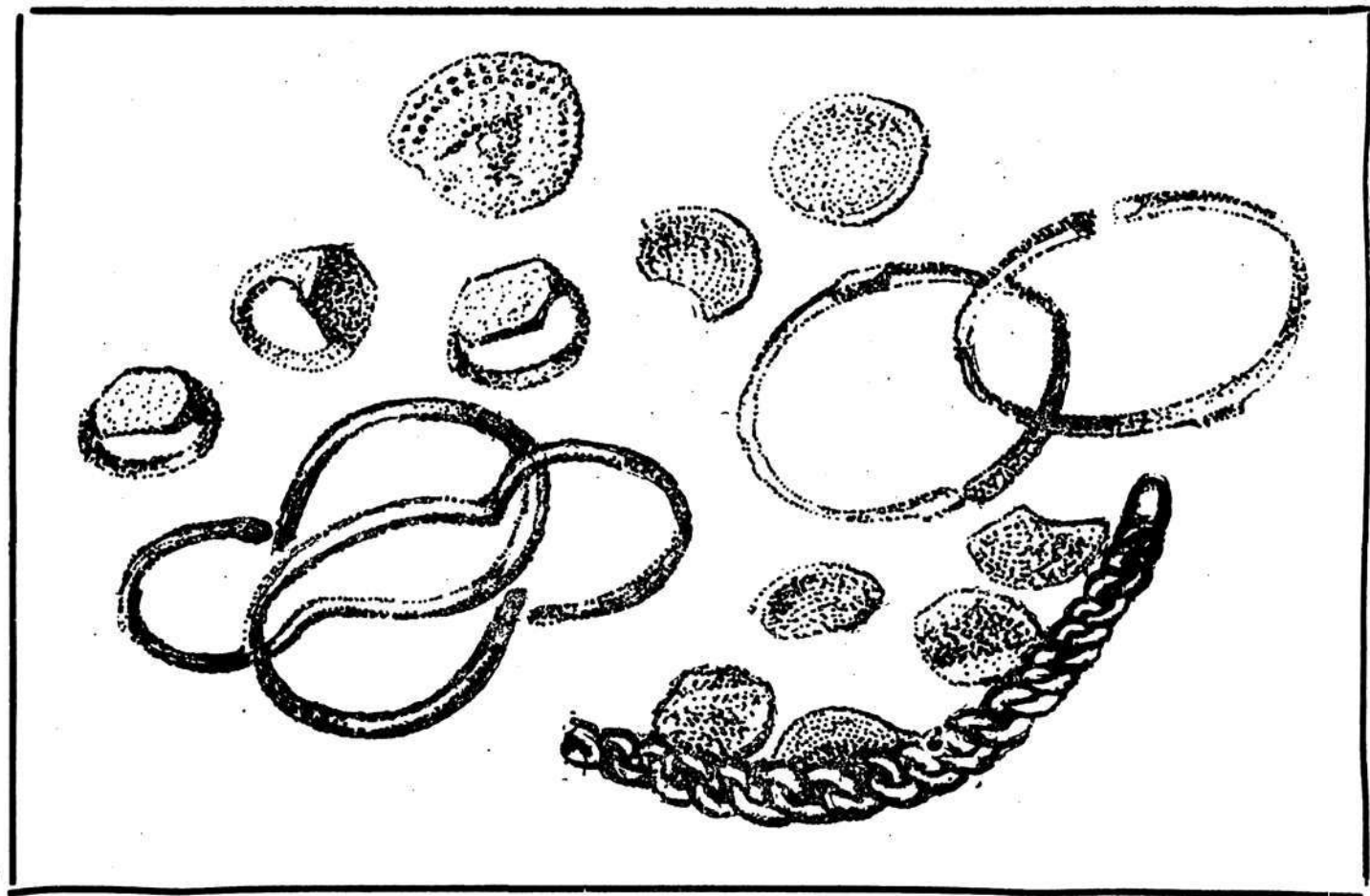

Рис. 24. Предметы клада из Чормагзтепа. Браслеты со змеинной головкой, перстни, монеты.

смену более продуктивному жернову — ручной мельнице приходит примитивная зернотерка. Керамика сильно огрубляется, преимущественно лепная, толстостенная. В хозяйстве преобладали лепные котлы, сковороды — жаровни, очень редко встречаются фрагменты тонкостенной, формованной на круге, глазурованной посуды. Часть лепной керамики расписана красной и коричневой краской, покрыта прочерченным орнаментом, характерным для XII в. Очень распространенными были подставки для шашлычниц в виде стилизованных фигурок животных. Среди находок этого времени есть и фрагмент богато орнаментированного каменного котла и тщательно вырезанные костяные пуговицы. Часть из них найдена в помещениях, часть в больших мусорных ямах, вырытых прямо в полу некоторых помещений.

В начале XIII в. поселение было перестроено, так как старые постройки пришли в ветхость. Стены этих построек, как правило, сохранились на небольшую высоту, полы помещений обмазаны толстым слоем глиняной штукатурки. Во многих домах имелись глиняные тануры для выпечки лепешек и приготовления пищи. Планировка построек последнего периода в целом не выявлена полностью, ясно, что их стены были ориентированы немного иначе, чем стены предыдущих периодов. Последний период жизни Чормагзтепа длился совсем недолго, в 1220—1221 гг. в Гиссарскую долину вторглись татаро-монголы, замок был ими разгромлен. Жители, наслышанные об их жестокости, спрятали семейные ценности в землю. Так, был зарыт небольшой клад, обнаруженный во время раскопок замка в 1988 г. душанбинскими школьниками Вадимом Гайдуком и Сашей Кисиним, работавшими здесь в тот сезон. Немного углубившись в раскоп, один из них вдруг заметил под лопатой серебряный браслет. Мальчишки позвали Евгения Веча, самого опытного, и вместе начали расчищать то, что еще оставалось в земле. Затем они тщательно просеяли через сито землю отвала и нашли часть вещей за пределами раскопа. Всего в кладе было девять вещей: два браслета, три перстня, два ушных украшения, фрагмент массивной гривны (шейного украшения) и нашивная на одежду бляшка. Думается, что эти украшения принадлежали довольно зажиточной женщине, сделаны из полновесного, хорошего серебра — металла, который в древности был очень дорогим. Заказчики никогда не давали его для работы плохим мастерам, не является исключением и мастер, изготовивший набор украшений для чормагзтепинской модницы. Нужно сказать, что у нее тоже был хороший вкус.

Очень изящны перстни, имеющие щитки шестиугольной формы; поверхность одного из них мастер украсил миниатюрными

Рис. 25. Раковина. Ее принесли с берегов далекого океана. Душанбинское городище, Греко-бактрийский слой.

изображениями цветов. Получилась декоративная «полянка» на небольшой плоскости. Браслеты сделаны не сплошными, а с двумя размыкающимися концами, облегчающими их надевание на запястье. Концы браслетов украшены реалистичными изображениями змеинных головок, высунувших раздвоенные язычки.

Точками, расположенными в четыре ряда, мастер показал чешуйки их кожи. Концы браслетов не случайно были украшены змеинными головками, эта традиция к раннему средневековью насчитывала несколько веков. Массовое производство похожих латунных браслетов существовало в Бактрии еще в кушанскую эпоху. Это делалось отнюдь не для красоты. В Средней Азии змея почиталась с древнейших времен, как существо, оберегающее домашний очаг, стерегущее богатство, берегущее от несчастий женщин и др. Хорошее отношение к змее, живущей в доме, когда её не только не убивают, но и радуются её присутствию, подкармливают, сохранилось у среднеазиатских народов до наших дней. Интересны украшения, напоминающие формой ушные раковины человека, они собственно и предназначались для надевания на них и являлись дополнением к серьгам. К концам ушных украшений крепились подвески, но они не сохранились.

В ювелирный гарнитур входил массивный серебряный браслет, сплетенный искусно из четырех толстых, сужающихся к концам, проволок. Перед тем как зарыть браслет в землю, его разрубили на две части, видимо, по числу участников дележа. Можно представить, что дело было ночью, уже недалеко от замка хозяйничали татаро-монголы, его обитатели видели огни пожарищ на месте соседних поселений и города. Собравшись на семейный совет, родственники решили спрятать ценности, чтобы они не достались захватчикам. Вслед за разрубленным браслетом они поделили между собой золотые монеты и их обломки, серебряные украшения и жемчуг. Думается, что владелец клада был довольно состоятельным человеком. Как известно, золото и серебро всегда высоко ценились, дорогими были и жемчужины, ребята нашли 60 штук вместе с монетами и вещами. Жемчужины в основном мелкие, диаметром 3—5 мм, но имеются и довольно крупные, диаметром 6—8 мм. Различна их форма: круглая, вытянутая. Все жемчужины просверлены для продевания в них тонкой нити и подвешивания к ушным украшениям.

Клад был, видимо, положен в тряпичный мешочек, на самом его дне лежала золотая монета и пятнадцать обломков золотых монет разной величины. Неярко, таинственно поблескивает старинное золото. Владельцы клада надеялись воспользо-

ваться им после ухода врага, но не сумели этого сделать. Вероятно, они погибли или были угнаны в плен на чужбину и там умерли. Такова история чормагзтепинского клада — находки редкой и интересной. Значение её выходит далеко за пределы истории самого замка, открывает интересную страницу в истории ювелирного дела средневекового Таджикистана, радуется нас искусством неизвестных мастеров. Ушные украшения очень похожи на соответствующие украшения, изготавливаемые в Индии, поэтому чормагзтепинские находки в какой-то мере свидетельствуют о контактах жителей Гиссарской долины с этой страной.

Чормагзтепинский клад является одним из кладов первой половины XIII в., найденных в Средней Азии. Около древнего города Отрара в Казахстане во время ирригационных работ в 1974 г. был выпахан керамический сосуд с большим количеством серебряных украшений и золотых монет. Ушные украшения и перстни с шестиугольными щитками практически идентичны соответствующим чормагзтепинским украшениям, сходна и техника их изготовления. В 1957 г. в поселке Шахристан Ура-Тюбинского района найден клад золотых украшений и жемчужин. Все эти клады зарыты в землю примерно в одно время, в середине XIII в. или в начале второй его половины, когда политическая обстановка в Средней Азии была очень напряженной: между монгольскими царевичами шла непрерывная борьба за власть, разорялись города и селения, гибли мирные люди. И только курултай в Талаской долине в 1269 г. несколько стабилизировал положение. Царевичи на совещании решили жить в горах и степях, не входить в города и не брать с населения больше установленных податей. И хотя свои обещания они выполняли не всегда, жизнь жителей Средней Азии стала спокойнее.

Раскопки замка Чормагзтепа ещё не завершены, но учитывая ценность памятника, Фонд культуры Таджикистана обратился с просьбой в Совет Министров республики об организации на его основе небольшого историко-культурного заповедника. Правительство республики поддержало эту идею. После раскопок замок будет перекрыт гигантской крышей; находки, обнаруженные при раскопках, разместятся в специальном павильоне. Думается, что скоро душанбинцы и гости столицы смогут ознакомиться с прекрасными образцами раннесредневекового зодчества и ремесленной продукции тохаристанских мастеров.

В 84-м микрорайоне столицы сохранились остатки города, о котором в письменных источниках нет никаких сведений. Сейчас городище на его месте называется Шишихоной. Судя

по всему, город состоял из двух частей: массивной прямоугольной цитадели площадью около одного гектара и собственно города, окружавшего её со всех сторон, площадь его около пяти гектаров. На цитадели, видимо, располагалась резиденция правителя города, но, к сожалению, она сейчас недоступна для изучения, потому что занята современным кладбищем. Когда на территории древнего города началось строительство нового микрорайона, археологи обследовали большой его участок. Возглавлял их Г. М. Атаханов, каждый день под аккомпанемент грохота бульдозеров и экскаваторов, роющих рядом с раскопом котлованы для домов, археологи постепенно вскрывали культурные напластования. Иногда им приходилось выхватывать находки буквально из под ковша экскаватора.

Раскопки показали, что история города довольно сложная, насчитывающая не менее пяти веков. Возник он, очевидно, в VII в. н. э. как один из центров Шумана, постепенно увеличивался в своих размерах, дожил до арабского завоевания в VIII в., к этому периоду относится возведение жилых домов из сырцового прямоугольного кирпича недалеко от цитадели, принадлежащих, видимо, небогатым горожанам. Культурные слои, относящиеся к этому периоду, имеют толщу около 3 метров. В них найдено большое количество обломков глиняной посуды — изящной столовой и грубой, лепной кухонной. Богато и с выдумкой орнаментированы крышки кухонных котлов. Количество лепной посуды явно преобладает, этот факт свидетельствует о том, что в городе большая часть посуды изготавливалась в домашних условиях мастерами-непрофессионалами. Среди находок имеются терракотовые статуэтки, донесшие до нас образы неведомых мужских и женских божеств. Особенно интересен образ царственной женщины, на голове у неё корона с тремя выступами, на шее гривна с крупным каплевидным камнем в центре, в ушах серьги с крупными шаровидными подвесками. Руки женщины сложены на груди. Много детских игрушек, выделяется погремушка в виде птицы, выполненной в реалистичной манере. Нравилось городской детворе играть в лошадки, фигурки их многочисленны, некоторые снабжены седлами, в которых, видимо, сидели всадники.

Интересно, что при раскопках Шишихона археологи не нашли ни одной монеты, хотя обычно при таком объеме земляных работ на других памятниках городского типа они находят не один десяток позеленевших от времени монетных кружков. Обращает на себя внимание и тот факт, что на других памятниках этого времени в Гиссарской долине монетные находки крайне редки. Данное обстоятельство позволяет нам сделать предположение о том, что во владениях Ахарун и Шуман го-

варно-денежные отношения были развиты слабо. Это особенно контрастно с предыдущими кушанским и греко-бактрийским периодами, когда в долине находилось в обращении огромное количество монет. Почему в раннем средневековье здесь на смену купле-продаже пришел натуральный обмен? Возможно, ответ на этот вопрос дают скудные обрывки письменных источников, содержащих сведения о вторжении в Среднюю Азию в 5—6 вв. нескольких групп кочевников, нарушивших хорошо отлаженное хозяйство среднеазиатских народов.

Работы на территории Душанбе, относящиеся к археологии раннего средневековья, мы назвали «поисками загадочного Шумана». Наверное материалов, о которых мы рассказывали в этом разделе еще недостаточно, чтобы ответить на этот вопрос, но ведь вполне возможно, что столицей легендарного Шумана было городище Шишихона — почему бы и нет?! Во всяком случае, раскопки в городе Душанбе позволяют более полно, чем раньше, представить уровень экономической и культурной жизни княжества Шуман, занимавшего центральную часть Гиссарской долины в эпоху раннего средневековья.

Интересно, что, согласно исследованиям Л. А. Боровковой, во многом опирающейся на известные работы А. Бичурина, китайские хроники VI—VII вв. н. э. называют район Душанбе городом Дами или Ланши. Это говорит о том, что здесь в раннее средневековье действительно существовал значительный по размерам город¹.

Караваны идут мимо

Так мы предлагаем назвать этот раздел, посвященный развитому и позднему средневековью: 9—19 вв. Срок немалый — одна тысяча лет. Такое название очень условно. Оно отражает скорее всего не то, что мы знаем, а то, чего еще не знаем о Шумане развитого средневековья и маленьком городке Душанбе, существовавшем на месте нашего города в позднем средневековье. В распоряжении археологов и историков, к сожалению, слишком мало материала для каких-нибудь определенных заключений. Можно думать, что в интересующий нас отрезок времени площадь, занятая под поселения и, может быть, небольшой город (Шишихона?), была не меньше, чем в предыдущую эпоху раннего средневековья. Но фактов для подтверждения такого заключения пока еще мало...

¹ Л. А. Боровкова. Запад Центральной Азии во II в до н. э.—VII в н. э.—М.: Наука, 1989, стр. 11, 57—58.

После арабского завоевания жизнь в Гиссарской долине постепенно возрождается: как показывают археологические раскопки, люди продолжали жить на всей её территории. Возникают новые города, селения, часто люди продолжали жить на старом месте. Однако в X—XII вв. сколько-нибудь значительного центра в долине не было. Гиссарские владения Ахарун и Шуман в это время входили в состав области Чагиниан, занимавшей территорию Сурхандарьинской долины. В Чаганиане работал монетный двор, снабжавший их монетами. Около Регара располагается жемчужина средневековой архитектуры — комплекс Ходжа Нахшран, состоящий из двух мавзолеев. В их декоре удачно использовано сочетание фигурной кирпичной кладки, разной терракоты и надписей.

Но главные центры развитого средневековья, как показано в первой главе, находились не в Гиссарской долине. Мерно позвякивая колокольчиками, богатые караваны, двигавшиеся из Термеза и преодолевавшие горные перевалы из Самарканда, Бухары, Ходжента, останавливались на берегах современной Душанбинки лишь на короткое время. Эпоха великих зодчих и поэтов оставила мало следов в этом уголке Таджикистана, хотя остается надежда, что ученые не все еще знают. Нет, конечно, сомнения в том, что в маленький городок Шишихона, в средневековые поселения у Кокташа и в Гиссаре долетали ветры большой и напряженной жизни, но ведь и работали археологи в этом направлении еще мало.

Татаро-монгольское завоевание первой половины XIII в. губительным образом отразилось на развитии экономики и культуры Гиссарской долины. Потребовалось несколько десятилетий для их восстановления. Новое возрождение долины было связано с возвышением владения Гиссар при Тимуридах в конце XV — начале XVI вв. В письменных источниках оно именуется «Хисори Шодмон». Это название появилось в результате трансформации старого названия области «Шуман». Особого могущества Гиссар достиг при правителе Хусрау шахе, который почувствовал себя настолько сильным, что перестал подчиняться центральному Тимуридам. В состав владения входили территория нынешних южных районов Таджикистана и Узбекистана, север Афганистана. Гиссар был оружейным арсеналом Тимура, отчасти, видимо, потому что на южных склонах Гиссарского хребта в это время активно велась добыча железа — основного материала для изготовления оружия.

Глава хорасанских Тимуридов Султан Хусейн пытался захватить Хисор, чтобы лишить Хусрау шаха власти. Вот как описывает один из эпизодов этой борьбы в 1496 г. Бабур, ставший впоследствии основателем династии великих Моголов в

Индии: «Султан Хусейн Мирза подошел, обложил крепость Хисар и стал лагерем. Днем и ночью он не знал отдыха и покоя, устраивал подкопы, штурмует крепость, мечает камни и действует пушками. В четырех — пяти местах он прорыл подкоп... Однажды на северной стороне, где стоял (Султан Хусейн) Мирза, установили пушки и, стреляя, пробили брешь в одной башне. Во время молитвы перед сном башня упала, некоторые йигиты, проявляя поспешность, просили разрешения на битву, но Мирза сказал: «Уже ночь» и не позволил. А к рассвету люди в крепости полностью отстроили башню, так что утром боя тоже не было... После этого Султан Хусейн Мирза ушел из под Хисара и направился к Кундуз, он также произвел кое-какие осадные работы и вознамерился начать осаду... Причиной столь большого возвышения Хусрау шаха и совершения им стольких дел, превышающих его меру, стало то, что Султан Хусейн Мирза два раза приходил и, не сумев его взять, возвращался».

Хусрау шах имел по тем временам большую армию. Вначале она достигала «четырёх-пяти тысяч нукеров, знатных и простых, великих и малых...», под конец жизни Хусрау шаха число его нукеров и приспешников достигло двадцати-тридцати тысяч человек, а владения и уделы его были больше владений самого государя и царевичей...» Все это позволило Хусрау шаху провести в 1501 г. денежную реформу, призванную оживить рыночную торговлю. Бабуру, гонимому Шайбанидами, пришлось искать убежища и помощь в Гиссаре, но Хусрау шах не удостоился ему их оказать. Бабур с горечью писал по этому поводу: «Нам случалось пройти через его владения два раза, он не проявил к нам даже того великодушия, какое выказывал последнему из наших нукеров, не говоря уже о людях нашей породы»¹. Бабур даже сочинил стихи, в которых сквозит обида:

«О сердце, кто видел добро от сынов сего мира?
От того, в ком нет добра, не ожидай ничего хорошего»².

Перейдем теперь непосредственно к проблемам нас интересующим и посмотрим, что же все-таки есть из средневековых археологических материалов на территории современного Душанбе.

Начнем опять с хорошо знакомого РУРа. Судя по полевому отчету М. А. Бубновой, в одном из раскопов встретился

¹ Бабур-наме, 2-я кн., — Ташкент: 1982, с. 66.

² Там же.

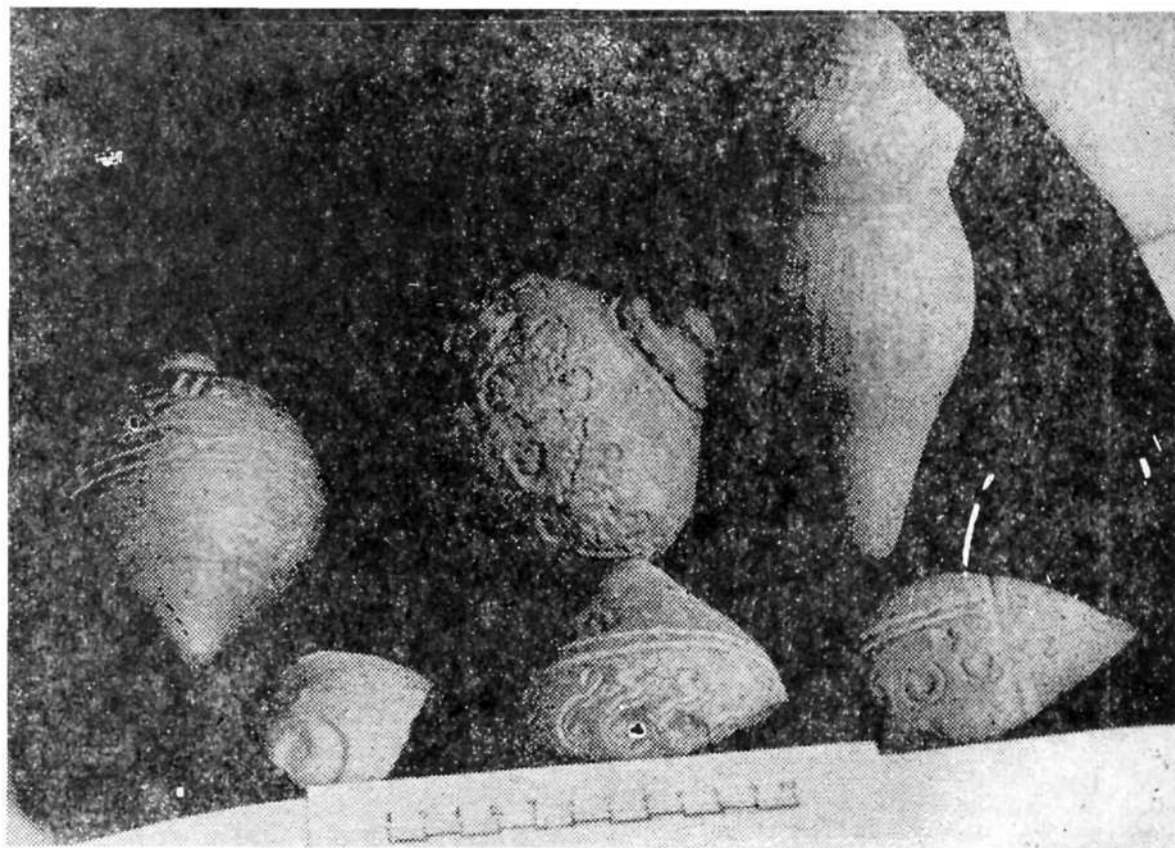

Рис. 26. «Симобкузача». Хорошо известные археологам глиняные сосуды развитого средневековья, украшенные штампованным орнаментом. Предназначались для перевозки ртути и благовоний. Городище Шайнак.

слой 11 века, представленный, однако, только керамикой без строительных остатков. Так что общие масштабы заселения площади, примыкавшей к основной территории душанбинского городища были в развитом средневековье значительно меньше, чем в кушанскую и раннесредневековую эпоху. Зато обильными оказались остатки позднего средневековья (16—19 вв.), вскрытые серией шурфов и раскопом № 2 на Путовском спуске, который по праву можно назвать «Абдуллаевским», по фамилии его исследователя, в юго-западном углу душанбинского городища. Из шурфов и раскопа извлечена серия фрагментов глазурованной и неглазурованной керамики этого времени, металлические вещи, бусы, монеты. В третьем строительном периоде раскопа № 2 прослежены мощные стены, которые делались из пахсы и камней (7—8 рядом по ширине). Ниже вскрыты помещения 17 века. Таким образом, бекская крепость, стоявшая в 19—начале 20 века на крутом берегу Душанбинки, была заложена значительно раньше—в 16 веке. Это пока гипотеза, поскольку в раскопе вскрыто не фортификационная система, а жилые помещения, но совершенно очевидно, что должна была существовать по законам того времени и крепость. Напомним читателю, что первые сведения о местности под названием Душанбе появились в источниках в 17 веке.

Значительный средневековый материал собран во время исследований тепе Искандар, возвышающееся на пересечении улиц Фучика и Каргар. Это сравнительно высокий холм над полотном дороги улицы Коргар—16 м. По данным Е. П. Денисова, в верхней части холм протягивается с северо-запада на юго-восток примерно на 60 м. Однако большая часть полезной для археологов площади сейчас уже застроена или освояется под огороды. На поверхности холма Е. П. Денисов собрал много керамики, немало фрагментов 10—12 века. А по словам местных жителей, ранее здесь находились жженные кирпичи, бронзовый браслет и серьги из этого же металла, человеческие кости. Но такие интересные для археологов вещи уже потерялись. Слой 10—12 вв. в заложенных Е. П. Денисовым выработка шел на глубину одного метра, а ниже он встречался лишь в хозяйственных ямах, прорезающих более ранний горизонт. Имеются и остатки плохо сохранившихся пахсовых стен. Среди находок выделяются превосходные образцы фрагментированной поливной или расписной посуды, характерные для развитого средневековья керамические изделия, украшенные рельефным орнаментом, так называемые очажки или крышки, очевидно для парадной посуды. К этому же времени относится небольшой железный топор. Археологам стоит подумать о продолжении работ на этом интересном памятнике.

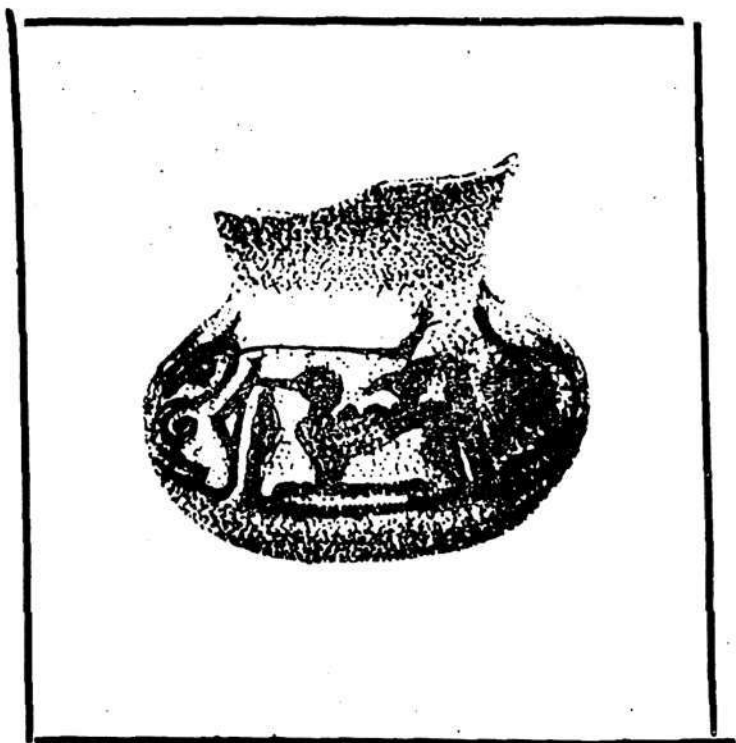

Рис. 27. Сосуд с имитацией надписи, Развитое средневековье.

О слоях раннего средневековья на Чормагзтепа написано в предыдущем разделе.

В трех километрах от Душанбе имеется городище Шайнак, на территории которого Т. М. Атаханов при шурфовке встретил кушанские, раннесредневековые слои, а также горизонт развитого средневековья, чрезвычайно насыщенный керамикой этого времени. Памятник можно присоединить к душанбинским и, очевидно, в указанное время он тяготел именно к этой округе.

В районе Масложиркомбината были сделаны случайные находки, очень возможно, что здесь существовало значительное средневековое поселение, однако исследовать его не удалось, даже место находок лишь бегло, без добавочных раскопок, обследовано Э. Г. Гулямовой. Среди собранного материала выделяется эффектный глазурованный кувшинчик. Высота около 10 см, стройные пропорции благодаря наличию высокого горла. Вытянутая вертикальная ручка придавала ему особенную легкость. Снаружи и изнутри кувшинчик покрыт плотным слоем белой глазури, послужившей прекрасным фоном для художест-

венной росписи на внешней стороне тулова. Между орнаментальными полосами, имитирующими растительность, опытная рука художника точными движениями здесь нарисовала павлинов — птиц, очень почитаемых издревне в Средней Азии людьми за их необычный вид и красоту. Особенно людей поражал роскошный золотистый хвост павлинов самцов, очень похожий на лучи солнца. Это изделие, видимо, было привезено в Гиссарскую долину из стран Ближнего Востока.

Есть случайные находки и в северо-восточной части города. В главе, посвященной истории археологического изучения, упоминались предметы, обнаруженные на улице Пролетарской. Гражданин Мадумаров во время земляных работ в своей усадьбе на глубине всего 30—40 см от поверхности нашел несколько совершенно целых сосудов и фрагментов орнаментированных очажков. Свои находки он передал в Республиканский музей (нам приходится принести свои извинения в этом и следующем случае — за отсутствие инициалов товарищей, сделавших известными новые места археологических находок). Обследование этого интересного места было проведено археологом С. Марафиевым, который опубликовал короткий отчет о своих работах на улице Пролетарской. Он установил, что усадьба находится на краю Душанбинской террасы и, по словам хозяина, при подготовке участка бульдозером снято 1,5 метра грунта, что и определяет действительное положение археологических находок. Раскоп 16 кв. метров вскрыл культурный слой, содержащий кости животных, фрагменты жженных кирпичей. Найдены несколько зернотерок, каменные грузила для ткацкого станка и целые сосуды различного размера, в том числе с двумя ручками. Найдено несколько кубуров — водопроводных труб. Много фрагментов поливной керамики с коричневой росписью на кремовом и желто-зеленой на белом фоне. Полученный материал С. Марафиев уверенно датирует 10—12 вв.

На той же улице гражданин Рахмонов при земляных работах обнаружил фрагменты глазурованных облицовочных плиток. С. Марафиев отмечает фрагменты и целые плитки с растительным орнаментом на зеленом фоне, с геометрическим на черном и светло-зеленом, растительным на желто-зеленом фоне. Трудно сказать, попала ли усадьба Рахмонова на какую-то строительную площадку и значит где-то здесь, на той же улице Пролетарской было архитектурное сооружение — скорее всего мечеть или же поблизости находилась мастерская по выделке глазурованных архитектурных плиток, украшавших общественные здания в 14—16 веках.

Положение предметов второй группы, всего в 60—70 м от

первой, точно такое же, что позволяет объединить их в один комплекс, к сожалению, не давший жилых или других архитектурных структур.

Как мы уже знаем, развитое средневековое хорошо представлено на городище, Шишихона. Найдено большое количество соответствующей керамики, фрагментированных очажков и других предметов. Но вот строительных остатков не удалось найти, это может быть связано с относительно небольшой площадью раскопок.

Следует упомянуть еще один позднесредневековый памятник, тесно примыкающий к городу. Это городище и ныне действующая мечеть Мавлоно в юго-восточной части Душанбе, относительно недалеко от 191 микрорайона. Рельеф большого городища, сильно поврежден хлопковыми полями, а само городище, на площади которого имеются два хорошо выраженных тепе, частично застроено. На основании керамических находок Т. М. Атаханов датировал городище 16 веком, мечеть Мавлоно была заложена, по мнению того же исследователя, в 14—15 веках.

Читателю может показаться монотонным перечисление находок: на разных объектах неизменно упоминаются находки глазурованной и неглазурованной керамики, обломки штампованных очажков, редкие монеты и редкие предметы из железа. Все это так, но для археолога любая находка не только приносит радость открытия, но и радость, если можно так сказать, эстетическую. Это неправда, что все черепки даже одного периода, в данном случае развитого средневековья, похожи друг на друга, они все — разные. Описываемый период как раз и отличается удивительным разнообразием керамики и ее чрезвычайно высоким качеством. Это видно сразу, как только вы берете средневековую керамику в руки, даже если это не полный сосуд, а всего лишь небольшой осколок — фрагмент. Находки фрагментов керамики и на площади душанбинского городища, и на тепе Искандар, и на Шишихона — это всегда набор разнообразной по характеру производства, орнаментации и форме керамики.

Таким образом, 9—12 века — время консолидации и расцвета таджикского государства Саманидов и высокого уровня культуры жителей Средней Азии и вплоть до монгольского нашествия очень заметно в истории ремесла и связанного с ним искусства керамического производства.

Так называемая «саманидская» керамика хорошо известна каждому археологу. Употреблялись глазури высокого качества — свинцовые, дававшие прозрачный фон, и свинцово-оловянные, покрывавшие сосуды непрозрачной глазурью. Поверх-

ность сосуда покрывалась специально подготовленной тонкодисперсной глиной — ангобом, часто окрашенным, что создавало гладкий, одноцветный фон. Излюбленным фоном саманидской керамики был белый, а на дне или по краю сосуда арабской вязью наносилась надпись — благопожелание или какая-нибудь сентенция вроде: «Щедрость — свойство праведников». Иногда надпись заменялась ее имитацией. В это время распространяется возникшая еще раньше штампованная керамика с очень затейливым подчас орнаментом. Большой фрагмент такого сосуда найден на тепе Искандар. Для производства орнамента специально изготавливались глиняные штампы — «колыбы», большую серию которых, кстати, нашли в Хульбуке.

Всегда привлекает внимание и «караханидская» керамика, для которой характерны эффектные геометрические орнаменты, выполненные на коричневом или черном фоне.

Интересную группу находок составляют не раз упоминавшиеся выше «очажки», как правило, дошедшие до нас во фрагментах. В целом виде они имели подковообразную форму и хорошо обжигались, поэтому стенки очажков красного цвета. Глиняное тесто обычно грубое, плохо отмученное, для придания крепости в тесто подмешивался шамот — дробленая, отслужившая свое керамика. Орнамент на внешней стороне неизменно геометрический. Не совсем ясно их назначение. Декоративная функция вроде бы опровергается тем, что иногда на стенках, особенно в тыловой части, на изгибе хорошо заметны следы копоты. Возможно, если исключить какое-то назначение религиозного плана, такие очажки имели назначение комнатных каминов.

Приведенные материалы уверенно свидетельствуют о непрерывной или почти непрерывной жизни, протекавшей на территории современного Душанбе в течение более двух тысяч лет (а точнее 2300 или быть может даже 2400 лет, при этом мы не берем во внимание эпоху каменного века и бронзы, в этом случае цифру заселения этой территории нужно опустить по крайней мере до 6 тысяч лет). Почти 2,5 тысячелетняя история интересующего нас района — это установленный факт. А на его возможной интерпретации мы остановимся в последнем разделе этой книги.

Мы писали о том, что сотрудник нашего Института археолог Алиджон Латифулаевич Абдуллаев возобновил работы на объекте ранее лишь затронутом раскопками — «Останце», который входит в площадь Душанбинского городища. Процесс подготовки нашей рукописи к печати, как всегда, затянулся, но было бы совершенно несправедливо выпускать книгу об археологическом изучении нашей столицы и не упомянуть о блестя-

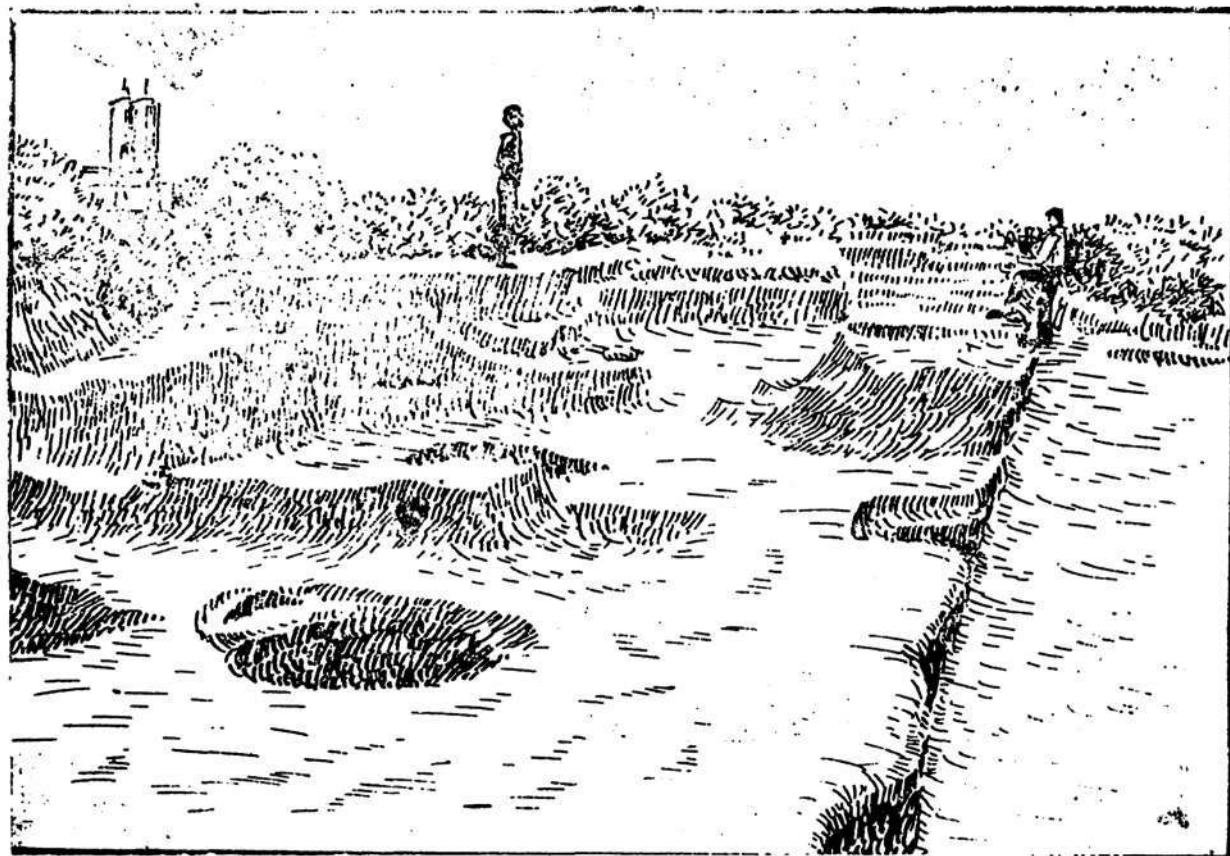

Рис. 28. Общий вид раскопа на Останце. Остатки помещений третьего периода.

щих результатах, полученных в результате раскопок 1989 г. в районе строительства МЖК близ Путовского спуска на ставшем теперь знаменитом Останце. А. Л. Абдуллаев любезно согласился дать для нашей книги короткое резюме, сопроводив его несколькими иллюстрациями. Таким образом, текст, завершающий эту главу, принадлежит не авторам, а нашему уважаемому коллеге, которому мы приносим глубокую благодарность.

Останец был раскопан полностью. Общий объем вскрытой площади составил 2000 кв. метров. Всего было установлено 3 строительных периода. Первый период сохранился плохо, это остатки стен, трудно прослеживаемый уровень пола с очагами, едва сохранившимися. Однако здесь археологов ожидало весьма загадочное открытие. В северной части были окомтурены остатки мощной фортификационной стены, сложенной из пахсы, в толще стены были вырыты бороздки, которые мы называли траншеями. Эти траншеи, шириной 30—40 см, сильно сужались книзу. Поскольку мне неизвестны аналогичные сооружения среди других археологических памятников Средней Азии, говорить о назначении этих траншей трудно, но вполне возможно, что это своеобразные сейсмические пояса. Судя по небольшой коллекции керамики, полученной в результате раскопок, верхний слой Останца датируется первым веком до н. э. — третьим веком н. э.

Второй строительный период сохранился и того хуже. Однако удалось проследить несколько округлых хозяйственных ям этого периода, уровень пола жилых помещений и остатки очагов. Видимо, к этому периоду относятся остатки обжигательной печи с сильно ошлакованной поверхностью стенок. Возраст также определен по керамике достаточно уверенно. Это второй — первый век до н. э.

Наиболее интересным, к нашему счастью, оказался самый нижний, третий строительный период. Он и сохранился, кстати, значительно лучше верхних. Вскрытые помещения и стены позволяют говорить, что они являются остатками большого монументального сооружения, подчиненного единому архитектурному плану. Но от него сохранилась лишь западная часть, да и то плохой сохранности. Несмотря на это, мы наблюдаем определенную завершенность архитектурного плана. По своей планировке помещения этого сооружения можно разделить на две части — северную и южную. В обоих случаях удалось проследить массивную осевую стену и примыкающие к ней перпендикулярные стенки, образующие помещения.

В отдельных помещениях расчищены очаги и плавильные печи для обработки металла, основа печей прямоугольная, с

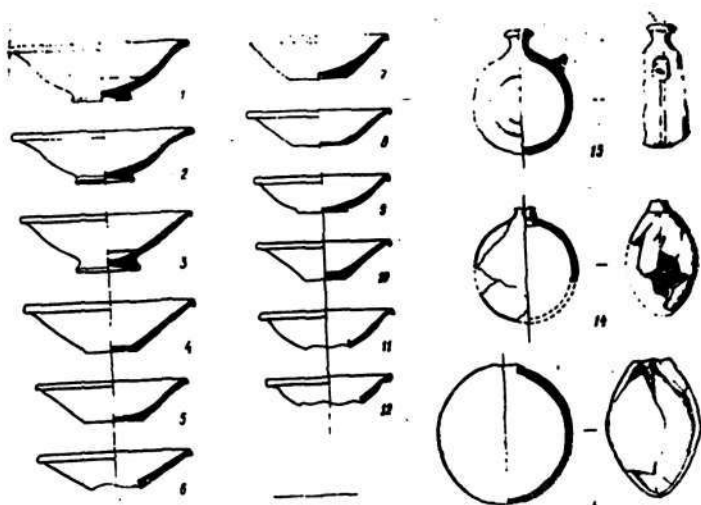

Рис. 29. Керамика Греко-Бактрийского периода, 1—12-рыбные блюда, 13—15 керамические фляги-мустахара.

овальной верхней частью. Хорошо сохранились сопла и вытяжные отверстия для подачи воздуха.

Очень интересными оказались помещения 8 и 20. Первое из них расположено к западу от осевой стены и имеет прямоугольную форму. Посредине помещения обнаружена площадка с битой керамикой и завалом грузил дисковидной и пирамидальной формы. На полу — обработанные трубчатые кости с рифлением, видимо, от рукоятки ножа или украшения от домашнего очага — алтаря. В юго-западном углу найден прямоугольный очаг для обработки металла. На полу оконоурены хозяйственные ямы, из которых извлечено большое количество керамики, пряслиц, бронзовые изделия и поделки из слоновой кости. Помещение 20 прямоугольное, в юго-западном углу на полу каменный жертвенник прямоугольной формы, с круглым резервуаром.

Во всех вскрытых 30 помещениях оконоурены и расчищены от двух до четырех хозяйственных ям круглой формы, с узким устьем и расширяющимися вниз стенками. Это позволяет думать, что описываемые помещения принадлежали первому этажу. Судя по планировке и характеру найденной керамики (столовая посуда), предметам из слоновой кости — украшениям, изделиям из бронзы и железа, можно говорить о том, что данный участок является остатком части дворцовых зданий. Не исключено, что здесь же был и домашний храм.

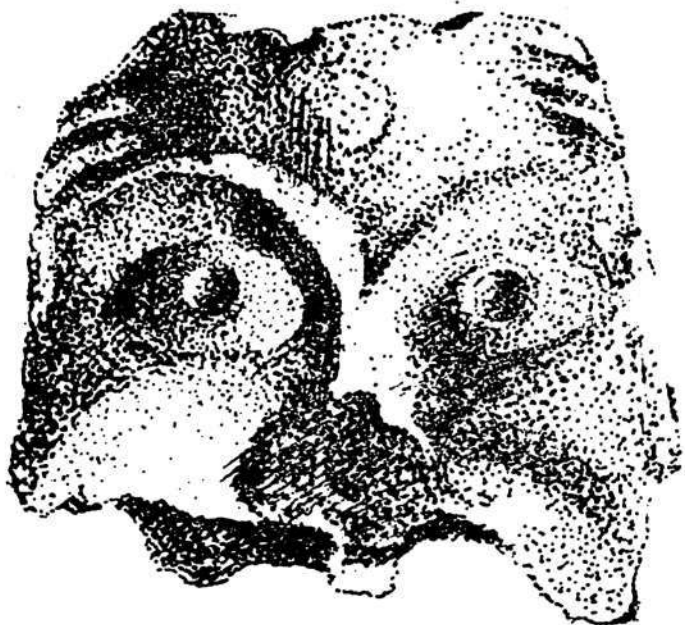

Рис. 30. Глиняная театральная маска греческого образца.
Греко-Бактрийские слои Душанбинского городища.

В помещениях и хозяйственных ямах собрано огромное количество предметов материальной культуры. Керамика изготовлена из хорошо обработанной глины. Это сосуды столового назначения: чаши, миски, тарелочки, бокалы. Посуда предназначалась и для хранения сыпучих предметов: это хумы, хумчи, горшки и кувшины, лепной и гончарной формовки. Третья группа керамики — посуда кухонная: котлы, сковородки, изготовленные лепной формовкой.

По своим формам и технике исполнения она мало чем отличается от керамики из таких памятников как Ай-Ханум, в северном Афганистане, Дальверзинтепа в Узбекистане, в слоях, датированных III—II вв до н. э.

Среди керамики из Останца выделяется группа тарелок с клювовидным венчиком и углублением на дне, которые определяются как рыбные блюда. Идентичные формы не найдены в других памятниках, раскопанных в южных районах Таджикистана и Узбекистана. Выделяются эффектные фрагменты с серым и красным ангобом, привлекающие взгляд элегантностью и законченностью своей формы и превосходным лощением стенок. Подобная керамика имеет прямые аналогии в посуде греческого полиса. Сероглиняная посуда напоминает знаменитую

чернолаковую керамику Греции. Местные мастера изготавливали ее в подражание привозным формам, она отличается от греческих образцов лишь качеством изготовления.

Все это в определенной степени показывает, что в то время существовали близкие контакты населения Гиссарской долины с носителями греческого искусства и ремесла.

На городище мы обнаружили значительное количество бронзовых чаш, к сожалению фрагментированных. Это подтверждает давно высказанную гипотезу о том, что керамические формы повторяли форму сосудов из металла. Кроме того важно, что металлические сосуды, найденные в таком большом количестве свидетельствуют о том, что здесь были большие и важные городские центры с развитой торговой системой, характерной для городов III—II вв до н. э.

Помимо керамического получен материал, отражающий хозяйство и искусство жителей Душанбинского городища. Предметы хозяйства — это орудия земледелия, серпы, ножи, ладьевидные зернотерки, говорящие о высоком уровне земледелия. Помимо того, в каждом помещении было найдено более 100—150 глиняных грузил и пряслиц, связанных с достаточно развитым ткачеством.

Интересны предметы искусства — бусы и костяные изделия. Среди последних редкая находка — стило, заостренный предмет для письма на восковых или глиняных дощечках. Разнообразную форму имеют костяные пуговицы, часто украшенные резным орнаментом. Уникальной находкой можно назвать голову греческого бога Диониса, покровителя плодоносящих сил Земли. Другое его название — Вакх. Голова искусно вырезана из слоновой кости. Чрезвычайно интересен фрагмент глиняной театральной маски.

В целом, весь полученный на Останце материал позволяет датировать вскрытый комплекс III—II вв до н. э. и отнести его к Греко-Бактрийскому времени.

Глава IV

О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ ДРЕВНИЕ МОНЕТЫ

Монетные кружки, чаще всего медные или бронзовые, дают ценнейшую информацию о прошлом Душанбе. На сегодняшний день самой древней монетой, видимо, найденной на его территории, является серебряная драхма греко-бактрийского царя Евкратиды. Диаметр монеты 21 мм, вес около 5 г. На лицевой стороне монеты выбит бюст царя в диадеме, на оборотной — скачущие братья Диоскуры, один из которых Кастор, согласно греческому мифу, был непревзойденным мастером в укрощении коней и езды на колеснице. Евкратид правил Бактрией в трудное для нее время, на границах государства собрались полчища кочевников и пришлось сражаться одновременно против индов и парфян. К власти он пришел примерно в 171 г. до н. э., в то время, когда его предшественник Деметрий завоевывал Индию. Евкратид происходил из греческой знати, мать его Лаодика принадлежала царской семье. Воспользовавшись тем, что греко-бактрийские войска находились в индийском походе, Евкратид объявил себя царем. Вот что об этих событиях сообщил древний историк Юстин: «Почти в одно и то же время стали царями Митридат в Парфии, а Евкратид в Бактрии. Оба великие мужи. Но судьба, более благосклонная к парфянам, довела их под водительством этого правителя до вершины могущества. Бактрийцы же, ведя непрерывно то одну, то другую войну, потеряли не только царство, но и свободу; измученные водами с согдианами, арахонтами, дрангами, арями и индами они в конце концов, как бы обескровленные, были покорены более слабыми парфянами. И все же Евкратид вел эти многочисленные войны с величайшей храбростью: так уже ослабленный ими, когда ему пришлось выдерживать осаду со стороны царя индов Деметрия, он посредством постоянных вылазок с тремястами воинов победил шестьдесят тысяч врагов».

Завхватив власть в Бактрии, Евкратид присвоил себе титул

«Спаситель», намекая на то, что спас государство от Деметрия в трудной, казавшейся безнадежной для него борьбе. Позже он принял титул «Царь великий Евкратид». Чтобы оправдать узурпацию царской власти, Евкратид выпустил серию монет с изображением своих родителей. Его мать, как уже говорилось, принадлежала царскому роду. Выпускал он монеты и со своим изображением, одну из них мы упомянули в начале главы.

Победив Деметрия, Евкратид продолжил завоевания в Индии, причем весьма успешно. Ученые полагают, что он подчинил здесь 1000 городов. Однако на западе в войне с парфянами успех не сопутствовал Евкратиду: ему пришлось уступить ряд областей Митридату I. Конец царствования Евкратиды был трагическим. «Возвращаясь из победного индийского похода, он был убит родным сыном Гелиоклом, которого перед тем сделал своим соправителем. Сын этот даже не старался скрыть отцеубийство, как будто он убил не отца, а врага. Он проехал на колеснице по отцовской крови и приказал бросить труп без погребения». Это случилось в середине 2 в. до н. э., незадолго до гибели Греко-Бактрийского царства. Возможно, на территории Душанбе найдены монеты, чеканенные в подражание монетам Евкратиды, когда того уже не было в живых. Из Душанбе происходят медные подражания монетам Гелиокла — убийцы Евкратиды.

Находок греко-бактрийских монет с территории Южного Таджикистана известно относительно мало, поэтому у некоторых исследователей появилось мнение о том, что она не входила в состав Греко-Бактрийского царства. Вот что пишет об этом Е. В. Зеймаль: «Немногочисленность Греко-Бактрийских монет к северу от Амударьи находится в резком противоречии с широко распространенным представлением о вхождении Средней Азии (или хотя бы ее части) в состав Греко-Бактрийского царства, о существовании в Трансоксиане в то время городов с дворцами и храмами, о расцвете здесь эллинистической культуры и искусства и т. п.»¹. Однако столь пессимистичный вывод, на наш взгляд, не оправдан, во-первых потому, что число находок греко-бактрийских монет с территории Средней Азии постоянно растет; во-вторых, чтобы сделать более определенный вывод о вхождении Средней Азии в состав Греко-Бактрийского царства, необходимо рассмотреть весь комплекс находок этого времени, найденных здесь археологами за последние годы. Это касается, например, керамики, которая отличается единством форм и высоким качеством изготовления как на памят-

¹ Зеймаль Е. В. Древние монеты Таджикистана. — Душанбе, 1983, с. 47.

никах Афганистана, так и юга Средней Азии. В храме, посвященном божеству Окса (Амударьи) на городище Тахти Сангин, в Кобадияне, построенном в III в. до н. э., найдены великолепные каменные архитектурные детали, алебастровые скульптуры, греко-бактрийские монеты, предметы из слоновой кости, металлов. Имелись на юге Средней Азии и города греко-бактрийского времени; однако случилось так, что некоторые из них разрушены в наше время или же не изучаются специалистами...

«Царь царей, великий спаситель». Такой громкий титул носил безымянный царь, медные монеты которого встречены в Душанбе. Характерной особенностью этих монет является изображение на лицевой стороне погрудного портрета царя, держащего в руках дротик. Его голова украшена диадемой с двумя развевающимися лентами. Одет царь в греческое платье, ухо его украшено крупной серьгой. От головы отходят лучи сияния. На обратной стороне монеты царь изображен сидящим на коне и держащим в руке боевой топор. По кругу монеты идет надпись, которая раскрывает нам лишь титул царя, но не его имя, хотя, судя по титулу, царь сыграл в истории очень важную роль.*

Первые монеты «безымянного царя» привлекли внимание ученых более ста лет назад, с тех пор они пытаются выяснить его имя. На этот счет имеется много предположений и гипотез, которые иногда диаметрально противоположны одна другой. Монеты «безымянного царя» чеканились очень долго. На одних монетах он выглядит очень молодым, на других уже пожилым. Большинство ученых считают, что греческая титулатура, греческие одежды, в которые одет царь, не дают оснований считать его греком, потому что греческое письмо и одежда еще долго бытовали в Бактрии после греческого завоевания. Более того, наличие в ухе у него серьги говорит о восточном происхождении царя. Не расходятся ученые и во мнении о том, что монеты «безымянного царя» чеканились в начале нашей эры и принадлежали одному из первых кушанских царей. Об этом, в частности, свидетельствует тамга в виде трезубца с колечком на конце рукояти, помещенная на обеих сторонах монеты, которая была родовым знаком Кушан.

Таким образом, имя загадочного царя нужно искать среди имен первых кушанских правителей, упоминаемых в письменных источниках. Известно, что титулатуру «Царь царей, великий спаситель» носил Кадфиз II, который прожил около 80 лет, долго царствовал. При нем Кушанское царство, созданное его предшественником Кадфизом I, значительно укрепилось. Поэтому невольно напрашивался вывод, что под именем «безымянного царя» скрывается Кадфиз II. Однако то обстоятельство,

ство что Кадфиз II чеканил золотую, серебряную и медную монету, не позволило принять ученым этот вывод. Отчасти поэтому известный археолог Средней Азии М. Е. Массон, много лет изучавший монеты «безымянного царя», пришел к мнению о том, что они чеканились Кадфизом I, создателем огромной державы, в состав которой входили юг Средней Азии, значительная часть Афганистана и Индии. В пользу этого предположения говорит время чеканки монет, анализ почерка греческой надписи на них, территория распространения монетных кружков. Но это заманчивое предположение пока не нашло поддержки у всех исследователей, занимающихся монетами «безымянного царя», поэтому вопрос о том, кому принадлежали эти монеты, остается открытым.

Наиболее известным кушанским царем был Канишка I. Отчасти он прославился как ревностный буддист. Известно, что при Канишке царство достигло своего расцвета, стало мировой державой, упоминающейся наравне с Римом, обширными были его международные связи. Медная монета Канишки I найдена в Душанбе. Она имеет диаметр 2,6 см, вес 14 г. На лицевой стороне монеты изображен бородатый царь, стоящий у жертвенника. Голову его венчает высокая шапка с двумя развевающимися лентами. На оборотной стороне монеты изображен четверорукий Шива, образ которого был заимствован в искусстве Индии.

Монеты Канишки I чеканились в несколько этапов, по своему внешнему виду они отличаются от монет его предшественника Вимы Кадфиза: на монетах вначале восстанавливается греческая легенда без дублирования ее на индийском языке; затем эта легенда начала передаваться на бактрийском языке греческими буквами. Очень много различных божеств изображено на обратной стороне монет Канишки I: Будда, Шива, Вретрагна (бог победы), Митра (бог солнца) и др. Это, видимо, говорит о веротерпимости царя. Датировка монет Канишки I, установление времени его царствования — одна из самых трудных задач в изучении Кушанского царства. Она обсуждалась на нескольких международных конференциях (одна из них проходила в Душанбе в 1968 г.), на страницах научных книг и статей, но до сих пор исследователи расходятся в датировке этого важного периода древней истории Центральной Азии. Есть надежда, что в этом важном деле помогут совместные находки монет Канишки I с другими, хорошо датированными монетами и вещами.

В Душанбе также найдены и монеты Вимы Кадфиза, предшественника Канишки I. Внешне между собой монеты очень похожи, только на монетах Вимы Кадфиза вместо копы — бос-

вого оружия царя — изображалась палица, а монетная легенда выполнена на греческом и индийском языках.

Среди случайных находок с территории Душанбе имеется серебряная монета династии Караханидов, которые пришли в Мавераннахр на смену Саманидам в конце X в. Происхождение Караханидской династии во многом ещё остается неясным, в истории Средней Азии большую роль она играла в течение XI—XII вв. Разделившись на две ветви, Караханиды боролись между собой за первенство. В середине XI в. государство Караханидов окончательно сформировалось, столицей его стал г. Самарканд. В своей экспансии в Мавераннахре Караханиды столкнулись с Газневидами, а затем с Сельджукидами. На рубеже XII и XIII вв. господству Караханидов положили конец Хорезмшахи.

Монета, найденная в Душанбе, чеканена в 1018—1019 гг. из серебра в Уструшане — области, территорию которой занимает сейчас Ура-Тюбинский район, т. е. она относится к раннему этапу истории Караханидов.

Серебряной является и монета династии Шейбанидов, найденная недалеко от инфекционной больницы. Шейбаниды завоевали Среднюю Азию в конце XV — начале XVI в. Уже в 1507 г. основатель нового государства Шейбани-хан провел денежную реформу, основу которой составил чекан серебряной монеты. Эту реформу позволила осуществить громадная контрибуция, установленная Шейбаниханом для жителей Герата — южной столицы Тимуридов. Простые люди собрали 100 тысяч серебряных монет, вес такого «подарка» составил около 120 кг. Знать города передала завоевателям также немалое число серебряных монет — 20 тысяч, весивших 24 кг. Серебряные монеты выпускали и другие представители династии Шейбанидов. К сожалению, установить, какому из них принадлежит душанбинская монета, не удалось.

Отдельные монетные находки имеют большую научную ценность, но если в руки ученых попадает клад монет, то значение их возрастает во много раз. Вот что написала о монетных кладах известный нумизмат Е. А. Давидович: «Пятьдесят отдельных монет и клад из пятидесяти монет — это не одно и то же: клад — это новое качество. Если отдельные «разрозненные» монеты можно сравнить с отдельными страницами летописи, то клад — это сама летопись».

На территории Душанбе найдено несколько монетных кладов. Об одном из них мы уже упоминали — это клад серебряных сасанидских драхм. Самая ранняя монета из клада чеканена при иранском шаханшахе Йездигерде (399—420 гг. н. э.). Значительная часть клада (26 монет) состоит из монет Варах-

рана V Бахрам Гура (420—437 гг. н. э.). 11 монет относятся к чекану Йездигерда (438—457 гг. н. э.). Таким образом, монеты клада принадлежат трем шаханшахам, правившим последовательно в течение полувека. На лицевой стороне монеты портрет шаханшахов, а на оборотной — изображение священного зороастрийского алтаря огня, охраняемого двумя стражами. Первая половина V в. н. э. была временем активной борьбы сасанидского Ирана со слабеющим Кушанским царством. В исторических хрониках того времени много места уделяется подвигам популярного Бахрома Гура, разбившего своего противника во время ночного, внезапного нападения в районе Мерва. В результате военных действий Бахрому Гуру удалось вторгнуться на территорию Средней Азии. Граница между Ираном и Кушанами установилась по Амударье. При Йездигерде II иранцам вначале сопутствовал военный успех, но в середине V в., когда он вновь напал на кушан, эфталиты, доминировавшие в среднеазиатском регионе, нанесли иранцам сильное поражение и перенесли военные действия на иранскую территорию.

Вот так описывает события конца IV в. н. э. один из письменных источников: «Таким образом, эти люди, потомки ярости, убивали сотни, тысяч, десятки тысяч раз. Ворвались знамена и штандарты бесчисленной армии этих демонов со всклокоченными волосами. Они вошли в созданные Ормуздом земли моего Ирана, их отряды вошли широким фронтом — враждебные тюрки и красные хионы, знамена их были приспущены».

Душанбинский клад серебряных сасанидских драхм отражает в какой-то мере взаимоотношения тохаристанских владений, расположенных в Гиссарской долине с сасанидским Ираном. Эти монеты могли попасть на территорию Душанбе в виде военной добычи или же в результате торговли. Интересно, что драхмы, попав в Тохаристан, были пущены в оборот. Но перед этим местный правитель приказал надчеканить все монеты специальным штемпелем со своим родовым знаком, имеющим вид латинской буквы S. Монеты с таким надчеканом встречаются только в Гиссарской долине. Может быть, именно эти монеты имел ввиду буддийский паломник Сюань-Цзан, когда говорил о том, что жители Тохаристана используют в торговле серебро.

При раскопках Чормагзтепа, как говорилось выше, был найден небольшой вклад, в состав которого помимо вещей входила одна целая золотая монета и пятнадцать обломков золотых монет разной величины. Е. А. Давидович, ознакомившаяся с ними, пришла к выводу о том, что целая монета и большинство обломков относятся к чекану Хорезмшаха Мухамма-

да б. Текеша, правившего перед монгольским завоеванием Средней Азии (1200—1220 гг.). С именем этого султана связаны расцвет и гибель крупнейшего государственного объединения этого времени, границы которого на западе простирались до Ближнего Востока. Мухаммад б. Текеш пытался даже захватить Багдад и свергнуть халифа ан-Насира — главу Халифата, но потерпел неудачу. Когда в Среднюю Азию вторглись татаро-монголы, хоразмшах не смог организовать им достойный отпор: он рассеял свою огромную армию, которая числом превосходила татаро-монгольскую, по отдельным городам, вместо того чтобы дать им генеральное сражение всеми имеющимися силами.

Ранее на юге Таджикистана такие монеты в составе кладов находили только в Вахшской долине, где работал монетный двор. Мухаммад, придавая большое политическое значение присоединению этой области к своему государству, дал право чеканить на нем не только медную и серебряную монету, но и золотую. Но золотые монеты попали в Гиссарскую долину не из соседнего Вахша, а из других районов Средней Азии. Во всяком случае, на целой монете читается слово «Бухара». Целая монета весит почти шесть граммов, обломки монет имеют разные размеры и вес: самые крупные из них весят более двух граммов, мелкие — половину грамма и менее. Все они вместе весят 26,5 граммов. Золото, из которого чеканены монеты, высокопробное, по нынешним ценам такое количество благородного металла стоит несколько тысяч рублей. Думается, что и в начале XIII в. оно обладало большой покупательной способностью. Собственно это и послужило причиной того, что целые золотые монеты ломались на кусочки.

Представим себе средневековый рынок, куда за покупками пришел обладатель золотых монет. На рынке изобилие различных товаров. Отдельно продаются высокомерные верблюды, быстрые скакуны, бараны. Затем идут ряды продавцов тканей — от самой простой, хлопчатобумажной до шелка и бархата. Далее расположены ряды ювелиров, гончаров и других ремесленников. Именно сюда направляется покупатель, ему нужно купить тарный керамический сосуд — хум, стоимость которого, как выяснилось, значительно ниже стоимости золотой монеты, которую он приготовил для расчета с гончаром. Чтобы разменять монету нужно заплатить определенную мзду меняле, расположившемуся с мешочками медных и серебряных монет у входа на рынок. Этого как раз и не хочется покупателю, поэтому он разломил золотую монету на несколько кусочков, взял самый маленький из них и подошел к гончару, который взвесил на весах обломок монеты, отсчитал покупателю сдачу. А

покупатель уже выбрал приглянувшийся сосуд. Сделка оказалась выгодной для них обоих.

9 обломков, как и целая монета, принадлежала кружкам, чеканенным от имени Мухаммада б. Текеша. Один обломок — от монеты, чеканенной правителем из династии Гуридов, центр которой располагался в горной части Афганистана. Гуриды долго боролись с хорезмшахами за первенство в Средней Азии, но в конце концов потерпели поражение. Один из обломков принадлежит монете караханидского правителя Средней Азии, правившего на рубеже XII и XIII вв., когда на смену ему пришли хорезмшахи. Война — войной, а золото — золотом, поэтому и встречаются в составе одного клада обломки монет враждующих правителей. Для владельца клада это не имело никакого значения.

В 50-е годы на территории Душанбе случайно обнаружены сразу три монетных клада. Внешне незвучные медные кружки, оказались очень интересными для ученых: на монетах, составляющих большую часть кладов, не было указано имя правителя, а только дата (832 г. хиджры — 1428—1429 гг.) и место их чекана. Подобные клады находят довольно часто и в других районах Южного Таджикистана, они обычно отличаются большим количеством монет. Так, один душанбинский клад насчитывал 2186 монет. Этими загадочными монетами занимались многие исследователи-нумизматы, но наиболее интересные выводы о них принадлежат Е. А. Давидович. Она установила, что чекан медных монет принадлежал Улугбеку, хотя письменные источники того времени ничего не сообщают о столь важном мероприятии.

Перед реформой все предыдущие монеты чекана 1420 г. были изъяты из обращения. Они также имеются в душанбинских кладах. На первом этапе реформы монетные дворы были открыты во многих городах: Андигане, Каршах, Самарканде, Термезе, Шахрухийе. Эта мера была вызвана погрешностью быстрого удовлетворения рынка новой монетой. На втором этапе реформы чекан медной монеты сосредоточивается в Бухаре. Чтобы ликвидировать денежный голод, правительство пошло на крайнюю меру — вернуло рынку дореформенную монету в половинном ее номинале. Новый курс старой монеты был обозначен специальным штампом с надписью: «нимданги» (половина данги).

Чем была вызвана денежная реформа Улугбека? Конечно, не тем, чтобы оставить о себе память. Иначе бы он приказал обозначить на монетах свое имя. А тем, что монеты предыдущего чекана не пользовались доверием у населения Средней Азии из-за своей легковесности. Правители в средние века ча-

сто прибегали к снижению веса монет или к уменьшению доли благородных металлов в них. Курс новых монет при этом оставался прежним. Казне эти меры приносили большие доходы, а населению и торговцам были крайне невыгодны. Особенно злоупотребляли махинациями удельные правители. Все это приводило к кризису денежного обращения. Основные покупатели — простой народ — по разному реагировали на них. Иногда они поднимали восстания против правителей, но чаще всего прятали монеты в керамические сосуды, зарывали их в землю в ожидании лучших времен. Так появились многие клады, которые в наши дни находят в земле.

Самые ранние монеты Улугбека были в полтора-два раза тяжелее старых, дореформенных монет. Естественно, их полновесность вызвала доверие у населения, и оно охотно брало монету для купли-продажи. Произошла стабилизация рыночных цен. Следовательно, Улугбек той денежной реформой показал себя опытным финансистом. Ученые считают, что она являлась лишь частью экономической политики, в частности сопровождалась снижением земельной ренты, что затронуло интересы феодальной прослойки, которая не простила этого своему правителю. Поэтому, вопреки обычной версии, кочующей в учебниках истории, причиной убийства Улугбека было не только недовольство им духовенства и междоусобная борьба, но и стремление правителя несколько облегчить участь простых людей.

На многих монетах этих кладов хорошо видны надчеканы. Основная часть надчеканенных монет несет на себе следы двух, трех или даже пяти штампов, сделанных в разное время. Надчеканивание монет — явление очень интересное, особенно широко распространенное в конце XV в., когда товарно-денежные отношения в Средней Азии достигли своего расцвета. Чтобы удовлетворить рынок монетой, правители приняли ряд мер, в частности они приказывали проводить надчеканивание старых монет штампами, имевшими очень изящную форму: овальную, трехлепестковую, квадратную. Внутри надчеканы содержали надпись, указывающую новый курс монеты, место надчекана. Надчеканивание значительно убыстряло и удешевляло процесс ввода в обращение новых монет. Чтобы увеличить число монет право их чеканки получали не только столичные, но и провинциальные города, а иногда даже сельские пригороды. Все эти процессы затронули и владение Хисор, в пределы которого входил в то время Душанбе.

БУДУЩЕЕ ПРОШЛОГО В НАШИХ РУКАХ

Итак, мы вместе с вами дорогой читатель, подошли к концу археологического путешествия по нашей столице. Подведем теперь итоги обзора археологического изучения территории Душанбе, приведенного в трех предыдущих главах. Прежде всего, все о чем мы рассказали на страницах этой книги, неопровержимо свидетельствует о том, что современный город построен на территории издавна, более 2000 лет назад заселенной людьми. Практически, жизнь здесь не прерывалась до наших дней. Мы имеем право назвать Душанбе городом древним и его можно поставить в один ряд с самыми старыми городами Средней Азии, такими как Худжанд, Самарканд, Бухара, Ташкент.

Но в то же время вопрос о древности нашей столицы, оказывается не таким простым, как может показаться на первый взгляд. Можно представить себе оппонентов, которые приводят примерно следующие рассуждения: «Ну, прежде всего, в отличие от упомянутых выше древнейших городов Средней Азии г. Душанбе не упоминается ни под этим, ни под другим именем в древних источниках. И самое первое упоминание о нем относится к XVII веку н. э., т. е. всего 200 лет тому назад. Далее — археологи не смогли пока проследить развитие города от античного периода до развитого или позднего средневековья, как единый городской организм, развивавшийся на одном и том же месте, как городище Афрасиаб в Самарканде или цитадель древнего Худжанда. Поэтому возникает самый главный вопрос: а можно ли быть уверенным, что те свидетельства древности, которые вы, археологи, обнаруживаете и изучаете, являются свидетельством былой жизни действительно городского характера. А может быть это остатки сельских поселений и тогда, естественно, нельзя говорить о древности Душанбе, как города?» Ответить на этот вопрос непросто, но все-таки можно.

Прежде всего — нельзя сравнивать крупные, центральные

города с сравнительно мелким, далеким и провинциальным городом, который существовал на территории сегодняшнего Душанбе. Кроме того, мы ведь знаем много античных памятников, раскопанных археологами, которые дали огромное число первоклассных находок, но не идентифицированных с городами, известными в письменных источниках. Да, что говорить о рядовых археологических памятниках, когда до сих пор вопрос об идентификации Александрии Эсхаты (Александрии крайней), построенной войсками Александра Македонского на берегу Сырдарьи, и современного Худжанда, является предметом острой дискуссии. Или вот, например, в течение 15 лет французские археологи раскапывали городище Ай-Ханум в Северном Афганистане. Этот город построен греческими колонистами, которые постепенно смешивались с местным бактрийским населением, но продолжали сохранять свои эллинистические традиции во многих проявлениях культуры. Теоретически Ай-Ханум сопоставляют с другим городом, возникшим в результате завоевательных походов Александра Македонского — Александрией на Оксе (Оксом древние писатели называли реку Амударью). С этим никто не спорит. Но в найденных пока письменных документах и на страницах древних источников нет данных, которые бы подтвердили это сопоставление. Можно только догадываться, что так именно греки называли город, позднее получивший наименование (вернее, не город, а местность, где он был расположен) Ай-ханум, т. е. «луноликой». Или еще пример — на самом юге нашей республики раскапывается интереснейший античный памятник — Тахти Сангин, его древнейшие слои восходят к грекобактрийскому времени. Здесь существовал великолепный храм Окса. Судя по богатейшим жертвоприношениям храму, это был далеко незаурядный, не рядовой храм. Рядом располагался город, еще не раскопанный археологами, пока он именуется городищем Тахти Сангин. Очевидно, город с таким большим и богатым храмом не мог оставаться неизвестным в античном мире, однако мы также не знаем его древнего названия, не находим в источниках хотя бы слабого упоминания об этом значительном для своего времени городе.

Именно поэтому аргумент нашего воображаемого оппонента нельзя принять как абсолютно правильный. Мы хорошо знаем, что на берегу Душанбинки еще в третьем, а может быть даже и в четвертом веке до н. э. возник настоящий античный город, размеры которого, во всяком случае в кушанское время — на рубеже нашей эры и позже, были нормальными для города своего времени, а находки античной керамики в других райо-

нах Душанбе говорят в пользу того, что за городскими стенами существовали и тяготеющие к нему сельские поселения.

Что же касается развитого средневековья, периода отмеченного на территории Душанбе находками, обнаруженными в его разных районах, то здесь у нас достаточно материала для того, чтобы говорить о преемственности жизни на этой территории и после античного периода. Раскопки на территории Душанбинского городища, на городище Шишихона, на Чормагз-тепе и в других местах свидетельствуют, что в это время на территории современной столицы существовала группа крупных для своего времени поселений, которые скорее всего не могли не объединяться административно в единое целое. И вот здесь мы, как кажется, подходим к решению одной исторической загадки, до сих пор еще не отгаданной учеными. Об этом ранее уже говорилось, но обратимся к этой проблеме еще раз. Китайский полемник Сюаньцзянь, побывавший в Тохаристане в VII веке н. э. писал о княжестве Шу-Мань (Шуман), судя по всему, оно занимало восточную и центральную часть Гиссарской долины и, вероятно простиралась по Кафирнигану и южнее. Известно также, что столица этого княжества — город Шуман был меньше по размерам Вашгирда (нынешний Файзабад), но играл важную роль среди городов Тохаристана и всегда упоминается во всех средневековых дорожниках. В плане определения места этого города использовались определенные созвучия современных названий. Известный востоковед М. М. Дьяконов пишет в одной из своих работ: «Не означает ли тогда "Калаи-Шодмон-Калаи и — Шумон — Шуманская крепость, так же как Хисор — и — Шодмон — Хисори Шуман — Шумачское укрепление»¹. Столицу Шумана условно помещали или на место городища Шодмон у Кофарнигона, или на место Гиссарской крепости. Вместе с тем, судя по дорожнику Ибн-Хордадбека, город Шуман должен быть именно на месте современного Душанбе, что теперь как будто и подтверждено археологическими раскопками.

Таким образом, можно вполне реально утверждать, что столица области Шуман находилась на месте современного Душанбе. Меньше у нас данных о развитом средневековье. Но все же на сегодняшний день немало фактов, что городская жизнь в ее провинциальном варианте менее интенсивная, чем в предыдущий исторический период, имела место. Возможно, что определенную роль в этом сыграли арабы, после их появления могло произойти смешение политических и экономичес-

¹ М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда.— Тр. Согдийско-Таджикской археологической экспедиции, т. I.— М.; М., 1950, с. 183.

ких центров Тохаристана. Монгольское нашествие прервало естественное развитие этого города, вплоть до установления Советской власти в Восточной Бухаре жизнь здесь уже не возрождалась в былых масштабах. И наконец — что понимать под формой городской жизни. Конечно, пока в наших руках лишь отрывки былого, что объясняется спецификой исследований на территории уже построенного города. В силу ряда обстоятельств мы не можем провести полное обследование всей территории города и установить его действительные границы в древности. Но ведь кроме издавно признанных центров типа Афраснаба, древнего Ходжента, Бухары, т. е. городов, о которых имеются сведения в исторических источниках и немногих других, это не удавалось пока и в других районах Средней Азии. Но превосходная ремесленная посуда, архитектура (на примере Шишихона и Чормазтепа), слабо, но все же нам известная, концентрация памятников, душанбинский некрополь и ряд других археологических моментов говорят в пользу городской жизни, которая зафиксирована археологическими исследованиями, описанными в настоящей книге.

Что же дальше? Очевидно, Академия Наук Республики Таджикистан не сможет своими силами обеспечить должный уровень работ на территории Душанбе. Необходимо, чтобы историей нашей столицы вплотную заинтересовалось Добровольное Общество охраны памятников истории и культуры, Горисполком и организации, ведущие строительство на территории нашего города. Подлинная и полная его история еще не написана. И нам с вами, дорогой читатель, а ни кому-либо другому надлежит заполнить еще полупустые страницы истории древнего города Душанбе.

Те памятники и находки, о которых мы упоминали выше, — лишь малая доля того, что имелось на территории Душанбе в древности. Былая жизнь здесь напоминает о себе часто. Город строится, роются котлованы для жилых домов, траншей для водопроводов, тепловых трасс. При этом часто попадают различные археологические предметы. К большому сожалению, ученые получают известия об этом чаще всего уже поздно. А скорее вообще не получают. Многие вещи, извлеченные из земли, расходятся по рукам, ломаются, пропадают или пылятся на сервантах находчиков и коллекционеров. А ведь эти предметы могли бы сыграть значительную роль в изучении древней истории Душанбе, стать экспонатами музея истории города, который, по нашему мнению, необходимо создать. Поэтому важно обо всех находках оперативно сообщать в Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Акаде-

мии наук Республики Таджикистан, чтобы ученые могли принять меры по сохранению и изучению культурных остатков.

В изучении и сохранении древних памятников должны участвовать не только ученые, но и представители Министерства культуры, общественность. Нам очень часто приходится встречаться с равнодушием лиц, которые по долгу службы должны охранять памятники. Так, например, было с Чормагзтепа. Одному из авторов не раз приходилось обращаться в Министерство культуры республики с просьбой оказать помощь археологам в охране ценного памятника, но каждый раз под разными предлогами мы эту помощь не получали. Похожая, если даже не более трагичная ситуация сложилась с Шишихона, когда все усилия Т. М. Атаханова, городской и республиканской прессы ни к чему не привели — уникальный памятник старины был разрушен фундаментами домов, изрыт многочисленными коммуникациями застроек. Обращались мы и к начальнику Государственной инспекции по охране исторических и культурных памятников с просьбой установить охранную доску на Чормагзтепа, а еще лучше организовать уже сейчас охрану этого замечательного памятника истории, лучше всего сохранившегося из всех археологических памятников нашего города — но тщетно! Госинспекция по охране памятников не проявляет никакого интереса к Чормагзтепа, да и к другим памятникам старины тоже.

Очень важно понять, не только для «отцов города» и городских руководителей любого ранга, но и для каждого жителя города, что любая археологическая находка это важное слово о прошлом города, она представляет интерес для науки и может оказаться уникальной и очень нужной для того, чтобы в истории нашего любимого города была написана новая страница, а может быть — и целая глава. Именно поэтому мы привели все фамилии жителей нашего города, которые не поленились сообщить о случайных находках, сделанных ими. Большая им всем благодарность.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Ветры истории над Гиссарской долиной	7
Глава II. Город уходит в глубину веков	71
Глава III. Сколько тебе лет, Душанбе?	97
Глава IV. О чем рассказали древние монеты	159
Будущее прошлого в наших руках	168

Печатается по постановлению
Научно-издательского совета
Академии наук
Республики Таджикистан

ВАДИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ РАНОВ
ВИКТОР СТЕПАНОВИЧ СОЛОВЬЁВ

Душанбе — город древний

Ответственный редактор:
РАХИМ МАСОВИЧ МАСОВ

Редактор издательства:
Л. Г. Котунова

Н/К

Сдано в набор 28.01.93. Подписано в печать 04.05.93. Формат $60 \times 84 \frac{1}{16}$. Бумага тип № 2. Высокая печать. Усл. печ. л. 10,23 Усл. кр. отт. 10,35, Уч. изд. л. 10,6 Тираж 5000.
Цена договорная.

Издательство «Дониш», 734029, Душанбе, ул. Айни, 121,
корп. 2.

